

Сергей Малицкий

ТЕНИ
БОГОВ
ИЗБАВЛЕНИЕ

SH OF GODS
exemption

Тени богов

Сергей Малицкий

Тени Богов. Избавление

« Автор»

2021

Малицкий С. В.

Тени Богов. Избавление / С. В. Малицкий — « Автор»,
2021 — (Тени богов)

Когда судьба целого мира ложится на женские плечи, мужчины не могут оставаться в стороне. К несчастью, угроза тоже женского рода.

© Малицкий С. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог. Искры	6
Часть первая. Обреченность	14
Глава первая. Тишина	14
Глава вторая. Осколки	24
Глава третья. Глаза	33
Глава четвертая. Беспокойство	43
Глава пятая. Голос	53
Глава шестая. Искушение	64
Глава седьмая. Недомогание	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Малицкий

Тени Богов. Избавление

Вторая книга трилогии «Тени богов»

Первая часть трилогии является сюжетной основой игры Ash of Gods: Redemption. AurumDust LLC ©

Пролог. Искры

*«Мгновения подобны каплям воды.
И те, и другие обращаются в реки»
Пророк Ананаэл. Каменный завет*

– Чилдао! – несло из бездны, и Чилдао сначала бежала, потом шла, потом продиралась, затем ползла, прогрызая себе путь через крошечную темноту, которую можно было осязать. Мгла свивалась в жгуты, и эти жгуты душили, захлестывали, впивались в плоть Чилдао, хотя разве была у нее настоящая плоть? Было нечто, что она сплетала и сохраняла, потому как она единственная никогда не захватывала человеческого тела, оставаясь наделенным плотью духом, и даже своего ребенка – Филию – она сплетала так же, как заклинание, пусть и приняла в себя семя, и чувствовала боль, и все, что должна была чувствовать мать, и упивалась счастьем материнства. Теперь же она боялась, что не будет ее, не будет и дочери, но не только из-за ощущения собственной зыбкости, но и потому что помнила, как Тибибр – медленный и неотвратимый – смотрел на нее семьсот лет назад перед битвой у тройного менгира. В том его взгляде было все – и ледяное спокойствие, и жгучая ненависть, и неизбывная зависть, и смертельная угроза, потому что Тибибр-то уж точно должен был догадаться, что священные менгиры стали посмертными обелисками, и лишь один голос раздавался из-за пелены мрака – голос той, чьим вестником была именно она – Чилдао. Иначе как бы она обходилась без тела? Из чего бы она сплетала собственную наведенную плоть? Чьей силой бы пользовалась?

И вот теперь эта плоть была брошена на съедение неведомому. Там, где Чилдао ожидала увидеть колыбель энсов, оплот спасенных, она увидела башню хаоса. Там, где ей почудились ворота, оказалась пропасть, которая заманила ее в себя и обратилась бесконечными коридорами. Но сначала ее обдало холодным пламенем и мгновенно лишило и оружия, и одежды. Магические браслеты, которые она сложила в суму, взорвались искрами, запылали сквозь нее раскаленным светом, и канули в бездне. И теперь в ту же бездну пыталась прорваться и сама Чилдао, или же ее туда тащила непонятная сила, словно где-то в грозowych тучах открылась воронка, прореха, хищная пасть, которая всасывала в себя все чтобы в тщетных попытках насытиться растворить в ненасытной утробе ценное, изрыгнуть все прочее и еще выше взметнуть это ужасное строение. И осознавая это, ощущая собственное ничтожество, проклиная собственную самонадеянность, презирая себя за глупость, Чилдао стала пятиться, вырываться, извиваться, уползать, отпихиваться, отталкиваться, хвататься за что-то, чтобы не попасть внутрь, не завязнуть, не обратиться в отвратительное нечто, потому что где-то впереди уже дрожало, кричало, скулило что-то знакомое, страшное и невыносимое...

* * *

– Это тот же голос, – шептала или думала Чилдао. – Тот же самый. Тот, что дарил силы и уверенность. Тот, что окутывал любовью и нежностью. Тот, в котором не осталось ни любви, ни нежности. И семьсот лет назад. И еще раньше. В нем не было того, что должно было быть.

И она, Чилдао, – умбра этого голоса.

Она, Чилдао, – жнец этого голоса.

Она, Чилдао, – рабыня этого голоса.

Она – его тень и эхо.

Она – его срезанный ноготь.

Она – его выпавший волос.

Она, Чилдао, – тлен, исторгаемый обладательницей этого голоса, пусть даже безумие обращает его в вой попавшего в тиски волка.

Или волчицы.

Ты попалась, госпожа.

Ты попалась в мою ловушку, госпожа.

Кто бы ни стал ею, Филия или другая девчонка, ты в ловушке.

И я больше не служу тебе.

Только теперь я могу сказать, что больше не служу тебе.

Тем более той твоей части, в которой нет ничего похожего на тебя.

В которой все сгинуло.

И осталась лишь ненасытная глотка.

Только ради этого я пришла сюда.

Сказать, что я свободна.

Ощутить, что я свободна.

Я свободна.

Я свободна.

Я...

* * *

Истошный вой едва не разорвал Чилдао на части. Едва не ослепил и не оглушил ее.

Или, может быть, и ослепил, потому что она ничего не видела, как будто все стены, все черные переходы вокруг исчезли, и она сама оказалась себе подвешенным в пустоте червяком.

И оглушил, потому что она не слышала ничего, она колыхалась в безмолвии, а то, что доносилось до нее, весь этот сип, крик и скрежет, доносилось лишь потому, что все ее тело, ее кости, ее кожа, ее волосы – все передавало ей и скрежет, и крик, и сип.

И разорвал, потому что она не видела ничего и видела все, но видела все из разных точек, и когда перед ней поднялась багровая пелена, проявилось перевитое черными венами тело, венами, которые уходили в черные стены, венами, которые были подобны путам, все это она увидела сразу с разных сторон.

– Иди ко мне... – произнесло тело.

– Тебе нет, – прошептала Чилдао тысячью глоток. – Ты в ловушке. Это не ты.

– Иди ко мне...

– Тебя нет, – заплакала Чилдао, – это не ты. Ты еще там, в другом мире перестала быть собой. Тогда все перестали быть собой, но ты – прежняя – вовсе исчезла!

– Иди ко мне...

– Не могу и не хочу, потому что это не ты, это твоя тень, твой мрак, твоя клоака, твоя вонь, но это не ты! Я свободна!

– Иди ко мне! – прогремело так, что Чилдао пришлось закрыть глаза, а когда она открыла их, то увидела, что она сама, Чилдао, движется. Она сама, Чилдао, идет по узкому коридору. Она сама, Чилдао, подходит к величайшей, обнимает ее, припадает к ее груди, одевается языками пламени и сливается с растянутой черными путами фигурой.

– Это не я, – прошептала Чилдао, изрекая слова словно искры, и темнота сомкнулась вокруг нее.

* * *

Ролиг едва успевал за Брик, и это как всегда вызывало у него досаду. Да, сестра была старше его на три года, ну так и ему было не двенадцать лет, а все пятнадцать, и пора было уже

становиться главой семьи и кормильцем, тем более что вся семья состояла из двух человек – он и сестра, так нет же, снова впереди Брик и, как видно, снова ему придется хмуро говорить в деревне, что и этого варана тоже убил не он, а сестра. Впрочем, вряд ли они вернутся в деревню до конца этой недели. Надо дожидаться, когда уйдет пиратский корабль.

Все юнцы уходили из деревни, когда в Кривой бухте бросал якорь пиратский корабль. Гнезда пиратов находились на другой стороне полуострова и на островах, но только в Крабовой деревушке можно было запастись свежей водой из впадающей в залив речки и, что самое главное, солью. Да не выпаренной из морской воды, а высшего качества, из местных соляных шахт. Именно за ней прибывали время от времени корабли из Фризы или даже из далекой Берканы. Обычно их сопровождали корабли охранения, и пираты на это время убирались восвояси, хотя нет-нет, да и приглядывали за двумя входами в залив, потому как случались среди купцов и смельчаки-одиночки. Как раз наняться на корабль к таким смельчакам и мечтал каждый парень в деревне, тем более что больше деваться из нее было некуда. От Змеинового полуострова, который был северо-западной оконечностью Терминума, до его центра, где по преданиям тысячу лет назад упала горячая звезда, – лежали безжизненные пески. По берегу, что влево, что вправо, – лежали безжизненные пески. На ближних островах и то имелись почти только одни пески или камни. И больше – ничего. Лишь вокруг деревни на пяток лиг в стороны журчало несколько источников чистой воды, да вдоль речки Прозрачной зеленели можжевельниковые леса. И хорошо, что можжевельниковые – не срубишь на мачты, не распустишь на доски, не сожжешь в печах, плохо горело узловатое дерево. А то давно бы и эти места превратились в пустыню. А вот если бы не было пиратов, которые повадились бесчестить местных девчонок, да забирать в те же пираты молодых парней, жизнь была бы вполне сносной.

Больше всего удивляло Ролига, что попавшие в пираты неплохие вроде бы парни вскоре становились такими отпетыми мерзавцами, что не стеснялись гадить собственным землякам. Что там с ними делали на пиратских кораблях? Почему все человеческое гасло в их глазах? Можно ли было попасть на пиратский корабль и остаться человеком? Или же дело было в чем-то другом? Может быть, в поганных деньгах? Ведь ходили по деревне слухи, что те, кого не прибрала быстрая смерть, с пустыми карманами на берег никогда не сходят. Что в тех карманах? Или это не так уж и важно? И стоит ли менять полные карманы на пустоту в груди?

Нет, эта судьба не для Ролига. Он вырастет и станет охотником. Или рыбаком. Или пробыет собственную соляную штольню. Вот бы еще сил побольше, чтобы успевать за неугомонной Брик. Что это с ней?

Шедшая впереди сестра вдруг опустилась на одно колено, на другое, уронила дротик и повалилась ничком на песок.

– Брик! – заорал Ролиг, бросившись к сестре. – Брикер! Что с тобой?

Он подскочил к ней через секунду, упал на колени, потянул ее за плечо и с облегчением увидел, что она дышит. Правда, глаза ее были закрыты, и пот бисером высыпал на лоб и скулы, неужели пила воду, не лизнув соль? Не похоже это на Брик. Да и что с ней могло случиться? Перегрелась? Солнце палит, конечно, но разве это солнце? Все-таки лишь начало лета, да и платок на голове сестры, так же как и на макушке Ролига. Нельзя без платка. Что зимой, что летом, очень уж оно коварное – это солнце...

– Брикер!

– Брикер? – переспросила сестра.

Она открыла глаза, и Ролиг отпрянул. Чернотой все было залито у нее под веками. Не осталось ни зрачков, ни белков, ничего. Две пропасти, две бездны уставились на Ролига, окатили его холодом, да так, что он вдруг понял, что уже стоит в боевой стойке с выставленным вперед дротиком.

– Что с тобой? – сдавленно простонал он, потому что слышал древние сказки, что если вселится в человека демон, то перво-наперво чернеют у него глаза, потому как нутро у всякого демона чернее самой черной ночи.

– Что со мной? – снова переспросила сестра, зажмурилась, потрясла головой, проморгалась. Нет, вроде бы обычные глаза у нее. Только взгляд у этих глаз стал необычным. Обжег он Ролига. Никогда не упускала случая Брик посмеяться над младшим братом, подшучивала постоянно, но никогда и не смотрела на него как на пустое место.

– Так...

Брик ощупала собственные плечи, голову, не стесняясь Ролига, помяла грудь, бедра, коснулась лона сквозь потертые порты, удивленно подняла брови. Посмотрела на Ролига, проговорила то ли своим голосом, то ли не своим, как будто нездешний говор вплетался в ее слова:

– Вот как это значит в ощущениях... Сколько лет?

– Пятнадцать, – растерянно пробормотал Ролиг, отступая еще на шаг.

– Мне сколько лет? – уточнила Брик.

– Восемнадцать стукнуло на днях, – всхлипнул Ролиг.

– Надо же, – усмехнулась Брик. – Я, похоже, еще и девственница. И даже изъянов никаких не чувствую. Спасибо хоть на этом... На паллийском лопочешь, значит? Ты кто?

– Как кто? – вовсе пустил слезу Ролиг. – Брат твой младший! Единственная родная душа на побережье! Ты перегрелась, или что? Мы на охоте с тобой!

– Перегрелась, – кивнула Брик. – В крутую сварилась, похоже. Кожа так уж точно слезла в пламени, а потом уж и все остальное.

Поднялась на ноги, но не так, как поднималась Брик, а как-то по-другому. Словно горная кошка, видел их Ролиг издали. И дротик подхватила по-другому. Ловко крутанула его в руках, осмотрела лепесток наконечника, попробовала ногтем заточку, ощупала смоленую примотку, разочарованно покачала головой.

– А оружие-то дрянь.

– На варана годится, – надул губы Ролиг.

– Вы тут варанов добываете? – сдвинула брови Брик. – Только не говори мне, что я у Соленого залива.

– А где ж тебе еще быть? – бросил дротик и в отчаянии упал на колени Ролиг. – Тут, кроме Крабовой деревни на сотню лиг в любую сторону не души. А если на юго-восток, то и тысячи на две!

– Твою же мать... – скрипнула зубами Брик и даже как будто собралась переломить дротик об колено, но не сделала этого. Прищурилась, посмотрела на Ролига, спросила:

– Сколько отсюда до деревни?

– Лиг пять, – шмыгнул носом Ролиг.

– Как там... – она наморщила лоб, – как бухта-то называется... Лет двести здесь не была. Да. Кривая бухта. Прозрачная речка. Помню. Соляные купцы есть?

– Какие двести лет? – оторопел Ролиг. – Тебе же всего...

– Еще раз...

Она холодно посмотрела на Ролига, и заставила его похолодеть не только от взгляда, но и изнутри, потому что не Брик на него смотрела, а другая девушка. И хотя взгляд ее уже не казался черным, но как будто всемогущая ворожея коснулась лица сестры. Выпрямился и сузился нос, потемнели брови, ресницы, выгоревшие на солнце, стали длиннее, исчез шрам на левой скуле, заострился отцовский, как говорила Брик, подбородок. Вроде бы, если не приглядываться, все та же Брик стояла перед Ролигом, разве только красивее стала, много красивее, а если всмотреться, то сердце начинает стыть, потому как мимолетность, что изменяла ее лицо, казалась предвестием какой-то ужасно неотвратимости.

– Еще раз, – она холодно смотрела на Ролига. – Соляные купцы в бухте есть?

– Так не сезон же, – прохрипел, сглотнув, Ролиг. – По весне купцы приезжают, да и то неизвестно, война, говорят, на том краю света намечается. Или уже идет. Пару месяцев назад фризские галеры проходили. Ты не помнишь, или что? Сейчас только небольшой пиратский двухмачтовик в бухте. Водой запасается, борта смолит. Оттого мы и из деревни ушли. Нам еще дня три здесь бродить, не меньше...

– Сколько пиратов на судне? – спросила Брик.

– Так человек сорок, не меньше, – заныл Ролиг. – С таким судном всё двадцатка нужна, мало ли. С парусами управиться не просто, когда и весла приходится на воду опускать, хотя толку от них мало. Только половина из той сороковки сейчас в деревне, думаю. Убивать – не убивают, но грабят все, что плохо лежит – тащат. В прошлом году бабку изнасиловали. А те, кто помоложе, на всю неделю в пески, как вот мы с тобой.

– Какое у них оружие? – сдвинула брови Брик.

– Известно какое, – вовсе заскулил Ролиг. – Мечи, топоры, копья. Багры еще. Ружей не видел, а старая пушка на палубе стоит, но, говорят, нет на нее зарядов. Самострел видел у одного. Чего ты спрашиваешь-то? Сама же все знаешь!

– А луки? – заинтересовалась Брик. – Луки есть?

– Зачем тебе? – замотал головой Ролиг. – У нас в хибаре отцовский лук лежит. На чердаке под тряпьем. Ты уже пробовала его тянуть, не поддается. Даже тетиву набросить не сумела.

– Как деревенский молодняк узнает, что пираты ушли? – стала перешнуровывать голенища сапог Брик.

– Да чего там... – скорчил гримасу Ролиг. – Чего узнавать-то... Со скал видно же. Вон. Видишь на горизонте? За ними и бухта. Речка же слева... А если что, в дудку надо дудеть. Ее далеко слышно. Ты что мне голову морочишь, Брик? Зачем пугаешь меня? Дудка же у тебя в суме.

– А ну-ка?

Брик подтянула к себе сумку, что болталась у нее через плечо, похлопала по ней, открыла клапан и выудила из-под него рожок из рога молодого горного козла. Не каждый рог на такую надобность годился, но рог, как и лук, оставшийся Ролигу и Брик от отца, был из лучших. И вроде негромко дудел, но такой гнусавый тон выводил, что на десяток лиг было слышно, а уж зверя из логова что метлой выметал. Хотя, какие тут звери, разве только вараны, которые глухи как плавник морской. Что же это с тобой, сестра? Ты и на рожок смотришь так, словно впервые его видишь. Хотя, нет. Пальцы на дырки точно ставишь. Когда успела научиться? Отец перед смертью жалел, что так и не сумел никому науку передать. Ни Ролигу, ни Брик, не дал им бог слуха. Только дуть в этот рог не вздумай. Нет. Положила пальцы, пошевелила ими как-то странно, пожалуй ловчее, чем у отца выходило. Приложила рожок к губам и вдруг заиграла, задудела, да не просто так, как делала прежняя Брик, чтобы подшутить над молодыми охотниками, вызвать их к скалам, а ловко! Пожалуй, что лучше всякого играца!

– Что ты творишь? – только и вымолвил в ужасе Ролиг. – Что ты творишь, Брик?

Оглянулась, посмотрела уже не презрением, а как будто с жалостью. Взглянула чужими глазами. Обожгла нездешней красотой. Пригвоздила к горячему песку, словно гвоздями к палубным доскам. Секунду или две думала, что сказать онемевшему брату, потом произнесла:

– Не Брик я уже. Или не видишь? Чилой меня зовут. И ты можешь звать меня Чилой. А хочешь, зови Брик. Мне все равно. Только не спрашивай меня ничего про Брик. Держись рядом, может, и вернется она, когда я уйду, а может и не вернется, или же я никуда не денусь. Только зла на меня не держи. То, что стряслось здесь, не по моей воле случилось. Сколько у вас молодых ребят в деревне?

– Десятка полтора, – налил глаза слезами Ролиг.

– И сколько из них хотят вырваться из вашей глуши, но и в пучине не сгинуть, и о пиратскую долю не измараться?

– Десятка полтора, – зарыдал Ролиг.

– Тогда иди за мной, – сказала Брик-Чила. – Путь будет длинным, месяца на два может затянуться, если не больше, мне матросы будут нужны. Я в Райдону собираюсь. Это на другой стороне Терминума.

– Так у тебя корабль есть? – размазал по лицу сопли и слезы Ролиг.

– А в бухте что стоит? – не поняла Чила.

– Так он пиратский... – онемел Ролиг. – Их же там... человек сорок.

– Я их всех убью, – сказала Чила и взмахнула дротиком так, что Ролигу показалось, будто искры сыплются с его наконечника.

* * *

В паре лиг к западу от Опакума на пустой дороге стояли два всадника. Судя по богатой и теплой, под осень или под раннюю весну, одежде, они были важными персонами. Впрочем, всякий берканец, проживающий в одной из пяти ее столиц, узнал бы в одном из них кардинала Коронзона и немало удивился бы, потому как второй всадник, перед которым Коронзон, даже сидя на лошади, пытался склонять голову, нес на одежде, так же как и гарцующий в почти-тельном отдалении эскорт, цвета Фризы. Этот важный фриз – седой как снег и, несмотря на возраст, на удивление широкоплечий и статный – был мрачен, но спокоен.

– И все же я не могу определить в точности, ваше святейшество, – как будто продолжал начатый разговор Коронзон, – удался обряд или нет?

– Если бы он удался в той мере, в какой мы это себе представляли, сейчас бы мы наблюдали не эту погань в крепости и вокруг нее, а воссияние в славе и могуществе одного из величайших, – глухо произнес вельможа. – Однако ты, Коронзон, как почти никто должен понимать, что неудачей это тоже назвать нельзя, поскольку в случае неудачи ты бы лишился изрядной доли своей силы, а то и тела, которое пестуешь столько лет.

– Как и все мы, – захихикал Коронзон, передергивая плечами, – сколько бы нас ни осталось...

– Десять, – сказал вельможа, – хотя я и не чувствую уже давно эту поганку Чилдао, которая отсасывала все эти долгие годы силу у величайшего, но, кажется, та вспышка, что обожгла нас на днях со стороны Кары Богов, все еще не означает ее гибель.

– Предполагаю, что рано или поздно она допрыгается, – прошептал Коронзон.

– Надо не предполагать, а знать и действовать, – покачал головой вельможа. – Если она все еще остается в этой же маете, то добавь сюда меня, себя, Ананаэла, чтоб ему заплыть жиром в его убежищах, проныру Энея, дуру Адну, сбежавшую в свой вечный перелесок, поганца Дорпхала, который явно счел, что мы потерпели крах. Не забудь еще отшельника Зонга, который льстит себе, что правит бродячим менгиром. Сколько выходит?

– Восемь, – растопырил пальцы Коронзон. – Восемь! Двух не хватает.

– Бланс и Карбаф, – скрипнул зубами вельможа. – Двое самых мерзких из курро. Уж не знаю, в кого и когда они воплотятся, но если по поводу Карбафа я не удивлен, этот поганец, пожалуй, чаще прочих менял одну шкуру на другую, то насчет Бланса пока понять не могу. Он должен был рассеяться, но я не чувствую его гибели...

– Амма бы сказала точно, – позволил себе заметить Коронзон.

– Что сгинуло, то сгинуло, – бросил холодный взгляд на спутника вельможа. – Аммы – нет. Сейчас запомни главное, кардинал. Крепость нас больше не интересует. Пусть берканцы разгребают трупы и пытаются восстановить ее, скоро они ее бросят. Эта земля отправлена навсегда. Сейчас главное – сосуд, в котором заключен величайший. Его нужно оберегать. И это будет непросто, поскольку распознать его или, как мы поняли, ее, мы не можем доподлинно. Сила, которая заключила величайшего в смертную плоть, скрывает его.

– Не стоит ли нам учесть эту силу в своих расчетах? – склонил голову Коронзон. – Откуда она?

– Мы учитываем все, – процедил сквозь зубы вельможа. – И то, что лишь ядро, божественная искра величайшего заключена в сосуд, а вся его мощь осталась там, где и была – в Колыбели, и то, что в сосуде лишь ключ к ней. И то, что нам до конца не могут быть ведомы замыслы божества. И то, что даже слабое существо может вызвать лавину, которая сносит могучие крепости. Еще раз, главное – сосуд, в котором заключен величайший.

– Но что с ним или с ней может произойти? – не понял Коронзон. – Насколько мне известно, девчонка в свите принца... тьфу, молодого короля Ходы, и они уже двигаются в сторону столицы. Фризов там нет, жатва ведь завершилась?

– Эта жатва не завершится, – покачал головой вельможа. – Она последняя и окончательная. Не вот эти легионы, а настоящее войско Фризы готовится стереть с лица Терминума Беркану. Залить эту землю берканской кровью. Отряды энсов продолжают и будут продолжать вспахивать плоть местных крестьян. Да и собственные подданные Берканы лишились разума в значительной своей части. Земля будет гореть под ногами свиты молодого короля. Но сосуд должен остаться в целости и сохранности. Пока мы не решим, что с ним делать...

– Что же выходит? – прищурился Коронзон. – И мы, и они – те, кто не дал явиться величайшему в его величии, хотим одного и того же?

– Думаю, что нет... – впервые вельможа обернулся к кардиналу лицом к лицу. – Мы хотим дать возможность величайшему явить себя, для чего ему, как я думаю, нужно время. А они, скорее всего, захотят его вытравить, заключить во что-то неживое, или найти способ избыть его как-то еще.

– А есть такой способ? – замер Коронзон.

– Вселенная не имеет пределов, – прикрыл глаза вельможа, – и это значит, что копилка сущего бездонна и неисчерпаема. Меня больше всего пока беспокоит сама девчонка, потому как, наполнившись, ни один сосуд не остается прежним. Кто займется девчонкой?

– Эней, – склонил голову Коронзон. – Он пристанет к свите в Урсусе.

– Пожалуй, это верный ход, – задумался вельможа. – Да больше и некому, хотя я бы лучше поручил это Дорпхалу. Но выбирать не приходится. Запомни, сосуд должен быть сохранен. Конечно, я предпочел бы похищение сосуда, но дело слишком рискованно. Сосуд не должен пострадать ни при каких обстоятельствах. И речь идет не только о возможных царапинах и выбоинах на нем. Сосуд должен оставаться в покое. Ясно?

– Постараюсь донести эту ясность Энею, – изогнулся в седле Коронзон.

– Эней справится, – твердо сказал вельможа. – У тебя есть еще вопросы?

– Всего три, – хихикнул Коронзон. – Вы простите мне мое любопытство?

– Не лебези, – поморщился вельможа. – Я слушаю тебя.

– Первый вопрос о том, что случится, если сосуд будет разбит? – прищурился Коронзон. – Может ли быть так, что это освободит величайшего?

– Мы не можем знать точно, – покачал головой вельможа. – Может и освободит, а может опять отправит в тот хаос, что царит над колыбелью. И тогда нам придется все начинать сначала. И если величайший найдет пристанище в ком-то из смертных, кто нам неизвестен, результат может быть тем же самым. Для нового обряда нам потребуется еще больше крови, а количество смертных в Терминуме, да и менгиров – конечно. Нельзя целую вечность затачивать даже самый великий клинок. Однажды от него останется только рукоять. Какой твой второй вопрос?

– Почему мы всегда говорим – величайший? – скорчил гримасу Коронзон. – Ведь речь идет о величайшей? Это ведь она?

– Баба с лоном и сиськами? – поднял брови вельможа. – Приди в себя, Коронзон. Или же ты считаешь себя мужчиной? Дух вечный и несокрушимый выше этого. Любой полудемон, даже детообильный Карбаф – выше этого. Впрочем, это мелочи. Твой третий вопрос?

– Чем было плохо то, что было? – вовсе скривился Коронзон. – Почему бы нам было просто не править этой страной и этими смертными до скончания веков? А что если величайший опалит пламенем эти земли и уничтожит их? Мы уже пережили нечто подобное!

– Может быть, и уничтожит, – закрыл глаза вельможа, а когда открыл их, Коронзон отшатнулся, поскольку увидел тьму под его веками. – Но в таком случае он уничтожит их вместе с клеткой, в которую мы заключены. К тому же, кто знает, когда наступит скончание веков? А вдруг оно близко? Но даже если до него вечность, что будет, когда сила менгиров иссякнет вовсе, и Терминум окажется без защиты? Эта ведь лишь не слишком большая часть этого мира!

– То есть, просторы для отворения рек крови и боли еще имеются? – уточнил Коронзон.

– Ты все понял, что я сказал? – ответил вопросом вельможа.

– Да, Тибибр, – склонил голову Коронзон.

Часть первая. Обреченность

Глава первая. Тишина

*«Поднимая тяжесть, о ней и думай».
Трижды вернувшийся. Книга пророчеств*

Гледа парила в воздухе и в тишине. Подрагивала от неслышного ветра, взлетала к безмолвным облакам, которых было мало, словно они истаивали под утренним, но уже обжигающим светилom, опускалась, снова взлетала и оказывалась то тут, то там, словно она была не одной птицей, а множеством птиц или становилась той или иной птицей из ожидающей поживы стаи стервятников по выбору.

И еще она была голодом. Не испытывала голод, а была голодом, состояла из голода и могла бы сожрать все – и десятки тысяч воинов, что выстраивались внизу на голой земле, готовясь к битве, и их предводителей, и их оружие и доспехи, и тринадцать младших умбра, идущих сквозь боевые порядки берканцев в их первые ряды, и пятерых высших умбра, что еще не появились на поле битвы со стороны фризov, не встали среди них и отрядов энсов, но могли появиться, если чаша весов будет клониться не в ее пользу, хотя что может быть пользой, если есть только голод? Невыносимый голод, схожий с пыткой, столь беспощадный, что она готова была сожрать даже три обелиска, три скрещенных менгира, что застыли между одними рядами и другими. Если бы только она могла.

Сможет.

Однажды она все это сожрет. Сожрет для того, чтобы хоть на миг насытиться. Насытиться и овладеть этим миром, который оказался столь неподатлив. Но пока ей придется довольствоваться запахом крови. Всему свое время. Пусть будет хотя бы запах крови. Даже если ее голод от этого лишь восплает. А пока – главным была битва.

Битва, которая происходила у нее на глазах.

Не нарушая безмолвия, фризское воинство медленно двинулось вперед.

Засверкали мечи энсов.

Неслышно забили фризские барабаны и загудели берканские дудки.

Две силы, две армии стали сходитьcя.

Скоро.

Через минуту.

Через секунду.

Через долю секунды прольется кровь, и невыносимая, ненавистная, убийственная тишина, которая хуже голода, прервется, должна прерваться, не может не прерваться!

Но нет.

Вот уже первая кровь, и вторая кровь, и лужи крови, а она все так же парит в тишине и пытается понять, почему их тринадцать? Почему там, в первых рядах берканцев встали несокрушимыми бастионами, разя энсов и фризov, именно тринадцать младших умбра? Почему не десять? Не девять? Не восемь? Почему тринадцать? Было что-то важное в этом числе, но голод, а особенно тишина не давали ей сосредоточиться. И все же важным было и то, что Беркана начинала побеждать. Для нее, парящей над схваткой, не имело значения, кто возьмет вверх, но именно в храмах Фризы продолжали возносить ей славу и приносить жертвы, именно высшие умбра продолжали служить ей, и она хотела, чтобы их служба не была омрачена даже тенью неудачи. В самую пору было бы призвать их на поле боя, но она не делала этого. Слишком много силы для этого требовалось. Силы, которую она с таким трудом извлекала из упокоища,

извлекала, соорудив над ним башню хаоса, которая сама по себе была пропастью, пожирающей эту силу. Темницей, пожирающей ее силу. Или не она соорудила ее? А что если это сделала именно убийственная тишина?

Вот и пятеро. Ее непокорная, но прекрасная тень и четверо теней ушедших. Сейчас они вернут эту реку в привычное русло. Это всего лишь вторая большая жатва, был соблазн завершить все именно ею, но все же ей будут нужны все три, чтобы исполнить задуманное, чтобы избавиться от голода и тишины, поэтому только кровь, и только победа. Пока этого будет достаточно. Могло быть достаточным. Если бы не тринадцать умбра. Не пора ли им сдаться или хотя бы убраться прочь с бранного поля? Они же не стоят и мизинцев пяти высших. На что они рассчитывают? Что они задумали?

Что?

Что?!

Проклятье!!!

Она все еще умела быть быстрой. Она все еще могла действовать мгновенно. В одну божественную мимолетность она прозрела зловещий план низших. В долю ее она поняла их замысел и уверилась в его реальности. В один миг она, парящая в тишине, обратилась в холодное пламя и опалила сама собой сразу и одного из тринадцати, и собственную тень. Растратила всю себя на долгий и все равно неслышимый для самой себя шепот. Остановила одного и заставила действовать другую. Не дала свершиться непоправимому – полному ритуалу жертвоприношения, которое неминуемо исторгло бы ее из этого мира туда, где тишина и голод нескончаемы.

И уже растворяясь и рассеиваясь, рассыпаясь в пыль на долгие годы, продолжая пребывать в тишине и голоде, она почувствовала и необъяснимую ненависть, и странную непокорность собственной тени, которая была плоть от плоти она сама, и смешанное с недоумением облегчение одного из младших умбра. Он не хотел умирать. Они правильно рассчитали, но он не хотел умирать. Они каким-то чудом изготовили ритуальные ножи и готовились принести себя в жертву. Не на ее алтарь, а на алтарь ее проклятия. Но он не хотел умирать. Она безошибочно нашла слабое место. Как его зовут? Бланс... Пять высших и двадцать низших полудемонов. Двадцать пять умбра. Двадцать пять точек опоры. Двадцать пять сущностей, потому что от нее остались лишь рассеяние и тишина. Тринадцать из двадцати пяти – большая часть. Больше половины. Безошибочный ход. Но нет. Не удалось. И она все еще здесь. Она все еще здесь. Почему же ее так беспокоит этот выживший? Что с ним не так?

Бланс-с-с-с-с-с...

* * *

Гледа, все еще юная девчонка, пережитого которой хватило бы на долгую и трудную жизнь, проснулась в холодном поту. Как и все последние дни, она лежала на войлочном матрасе в затянутой грубой тканью повозке. Прямо под нею скрипели колеса, впереди всхрапывали лошади и время от времени раздавался отдаленно знакомый голос возницы, иногда хлопанье бича, но Гледа оставалась в повозке. Даже до ветру ей удавалось выйти лишь ночью. Днем она должна была довольствоваться раздобытой где-то Фирией ночной вазой. И Фирия или Рит постоянно были рядом, но облегчение Гледе приносили лишь слезы. Вот и теперь, пока странный сон медленно улетучивался из ее памяти, она плакала. Смотрела на свои руки и оплакивала отрубленные руки своего отца. Прижимала ладони к груди, чувствовала боль в ранах, образовавшихся от вживленных в ее тело камней, и оплакивала свое тело. Прислушивалась к прочим ощущениям, которые казались ей чем-то вроде холодного пламени, облизывающего ее нутро, и оплакивала саму себя. Вот и теперь она была готова зарыдать от тоски и

горя, но почувствовала на лбу мужскую ладонь. Странно, почему не Рит и не Филия? И почему рука перевязана? Неужели Скур?

– Когда росы были в последний раз? – раздался голос колдуна. – Сколько дней задержка? «Святые боги, о чем он говорит?»

– Считай меня лекарем, – покачал головой Скур, которого она наконец разглядела, и который после всего произошедшего казался лишь тенью прежнего Скура. – Ты думаешь, я только ярмарочными фокусами пробавлялся? Нет... Разным приходилось заниматься. Вытравливанием плода никогда, а вот видеть потаенное наловчился. Рит что-то заподозрила, да и Филия, вот она и попросила меня... приглядеться к тебе. Облегчиться не хочешь? Могу отвернуться или вылезти на облучок, Стайн лошадей погоняет. Не волнуйся, он за полог нос не сунет.

– Не хочу, – стиснула зубы Гледа, садясь и прижимаясь спиной к борту повозки.

– Ну и ладно, – пожал плечами Скур, который в полумраке ветхого тента казался похожим на одетую в берканскую одежду гигантскую крысу. – Есть? Пить?

– Ничего, – мотнула головой Гледа. – Где мы? Где остальные?

– Едем в сторону Урсуса, – вздохнул Скур. – Через топь. Чувствуешь запах? Божьей милостью остались живы, хотя и не должны были, и вот – в свите молодого короля Ходы движемся к северной столице его королевства. Только миновали Призрачную башню. Да, пошли короткой дорогой, хотя и не лучшего качества. Болото – есть болото, зато нет ни энсов, ни прочей пакости. Пока нет. Но уже скоро... Урсус. Ты не ответила на мой вопрос, девонька. Сколько дней задержка?

– Сколько мы уже едем? – спросила Гледа.

– Хороший вопрос, – согласился Скур. – Особенно если учесть, что тебя больше недели лихорадка била, которую мы переживали на Волчьем выпасе. Как раз король Хода устроил смотр оставшимся силам, сколотил кое-какой отряд, но вот, как ты в себя пришла... Наверное, недели две уже.

– Вот и числи, – прошептала Гледа. – Две недели. Даже чуть больше.

– Странно, – задумался Скур. – Я никогда не ошибаюсь. А ведь срок у тебя уже с месяц.

– Какой срок? – не поняла Гледа.

– Тот самый, – прошептал Скур. – Понесла ты.

– Понесла? – вытаращила глаза Гледа, и в один миг забыла и страшный сон, и отрубленные руки отца, и все остальное. – С чего бы это? Ты в своем уме? При чем тут мои росы? Их вовсе может не быть... подолгу! Война! Да что там – жатва! Битва... Да и нездорова я!

– А ты думаешь, что других признаков нету? – усмехнулся Скур. – Нет уж девонька, срок у тебя не меньше месяца.

– Да ты... – Гледа зажмурилась, так хотелось ей вцепиться ногтями в жалостливое лицо Скура. – Что ты воображаешь... Да я... Я вообще девственница еще!

– Филия мне сказала, – кивнул Скур.

– Она что? – вскинулась Гледа. – Проверяла меня?

– Тихо, – приложил палец к губам Скур. – Никто тебя не проверял. И хотя кроме Филии и Рит к тебе и не подходил никто, уверен, что и они не проверяли. Они же над тобой словно над великой драгоценностью все эти две недели трясутся. Но Филия... да что там, – он хмыкнул, – ведьма она. Рядом с Филией и я словно мальчишка на побегушках. Хотя и умею кое-что, что ей неизвестно. Ей и проверять не нужно. Достаточно посмотреть. Я бы, кстати, и к Рит бы спиной в этом смысле не повернулся. Но взгляды взглядами, а живое слово все важнее. У подруг твоих просто появились подозрения, а у меня на этот случай имеется опыт. Поэтому я здесь с тобой один. Понесла ты, Гледа, будь уверена. И твоя девственность тому не помеха.

– Что ты хочешь этим сказать? – испуганно прошептала Гледа.

– Это оно, – понизил голос Скур. – Филия сказала, что это оно. То, что в тебе.

– Что оно? – похолодела Гледа.

– Оно ищет выход, – вовсе еле слышно прошелестел Скур. – Пока оно в тебе – оно словно в каменном мешке, где нет ни света, ни звука, ничего. Кое-что до него долетает через твои уши, но вряд ли многое. Но не забывай, что речь идет о божестве. И то, что с тобой случилось, это один из его возможных способов вырваться из тебя. Через разрешение бременем.

– Я этого не хотела... – прошептала Гледа.

– Твоего желания и не требовалось, – пожал плечами Скур.

– Ее возможных способов, – омертвелыми губами поправила Скура Гледа. – Не его, а ее. Я чувствую...

– Тебе видней, – снова пожал плечами Скур.

– Не сходится, – сказала Гледа. – Ты же сам говоришь, что две недели прошло. Откуда месяц?

– Она торопится, – прошептал Скур, поднялся и, горбясь, направился к выходу. – Позову Филию и Рит. Они едут рядом.

* * *

– Ну все-все, – шептала Филия обнимая бьющуюся в рыданиях Гледу. – Успокойся. Мы живы, и ладно.

– Сейчас, – шептала Гледа. – Последние хочу выплакать. Выплачу и больше не буду. Никого не осталось, никого. Все погибли!

– А мы? – подала голос Рит. – Мы же остались? Два пустых сосуда и один полный. Хо́да остался. Да не один, а целую дружину собрал, пока мы у Волчьего выпаса стояли. Эйк с нами, хотя и скрипит зубами. От ран еще не отошел, но и от молодого короля не отходит. Тот же Скур. Стайн, кстати. Слышишь, бичом щелкает? Говорит, что земляк твой, поэтому от тебя ни на шаг. Брет. Ло Фенг.

– И больше никого, – заметила Гледа.

– Ло Фенг – это больше, чем кто бы то ни было, – не согласилась Рит. – Много больше.

– Отчего он не отправился домой? – спросила Гледа. – На свой остров.

– Теперь весь Терминум наш общий дом, – прошептала Рит. – Большой дом. И он горит. И Ло Фенг это знает. Хочешь, чтобы он нас бросил?

– Не хочу, – прошептала Гледа и вспомнила, как Ло Фенг рубил руки ее отцу. Но убил его все-таки не он.

– Девчонки эти еще мелькали в крепости, – вспомнила Филия. – Две странные змеюки. Как их... Хо́да же называл их...

– Андра и Фошта, – напонила Рит.

– Точно, – кивнула Филия. – Но они исчезли. Ушли куда-то на восток.

– В монастырь, наверное, – предположила Рит. – В Райдонский монастырь. Откуда вышли, туда и пошли. Куда же еще они могли отправиться в такое время?

– Это важно, – задумалась Филия.

– И мы едем на восток, – сказала Рит. – Больше ехать некуда. За спиной – отравленная земля.

– И что теперь? – спросила Гледа и посмотрела на Филию. – Что мне теперь делать?

– Сначала скажи, что ты чувствуешь? – попросила Филия.

– Ничего нового, – призналась Гледа. – Раны на груди затягиваются, хотя и необычно это... с камнями в теле...

– Привыкнешь, – улыбнулась Рит, ощупывая собственную грудь.

– К тому, что внутри меня, не хочу привыкать, – покачала головой Гледа. – Оно – словно холодное пламя. Бьется, распирает меня. Что тут за чушь нес Скур?

– Это не чушь, – прошептала Филия.

Замерла Гледа. Окинула взглядом сначала одну, потом другую. Покачала головой.

– Нет...

– Да, – твердо сказала Филия и положила руку ей на плечо, словно боялась, что девчонка сделает что-то с собой.

– Но почему я? – чуть не задохнулась от отчаяния Гледа.

– Высшая сила не промахивается, – пожала плечами Филия. – Выбрала безошибочно. Самую стойкую, самую крепкую, самую...

– Безотказную, – скривилась Гледа.

– Нет, – твердо сказала Рит. – Безотказных не насилуют.

– Всех насилуют, – вздохнула Филия. – И убивают. В другое дело. Противостоять богу – невозможно. Но в твоих силах сделать так, чтобы, поддаваясь ему, выиграть у него.

– Выиграть у бога? – распахнула мокрые глаза Гледа.

– Да, – кивнула Филия. – Ты уже совершила невозможное. Ты поймала его.

– Разве я? – вздохнула Гледа. – А не ты ли? Не Ло Фенг ли? Не Бланс ли? Не твоя ли мать, которая все это устроила? Не сила ли этих странных камней? Я ведь всего лишь была чем-то вроде приманки. Разве нет? Жертвенным животным!

– Докажи, что это не так, – процедила сквозь стиснутые зубы Рит.

– Кому? – вскинулась Гледа.

– Самой себе, – прошептала Рит. – Погибшему отцу. Умершей матери. Всей Беркане.

– А нужны им мои доказательства? – побелевшими губами вымолвила Гледа.

– Тебе нужны, – сказала Рит.

Наступила тишина. Какую-то берканскую песню вполголоса напевал Стайн на облучке, скрипели колеса, всхрапывали лошади.

– И что мне делать? – наконец спросила Гледа. – Почему вы прячете меня? Чего мы боимся? Я могу избавиться от этого бремени?

– Очень много вопросов, – покачала головой Филия.

– Твоя мать затеяла все это, – яростно прошептала Гледа. – О чем она думала? Вот я – сосуд, который наполнился, но пока что не подчинился своему содержимому. И что дальше? Что дальше, скажи! Что я должна? Выкинуть? Убить ребенка в собственном животе? Погибнуть вместе с ним? Сгореть в пламени? Или родить его? Что?

– Это не ребенок, – покачала головой Рит. – Это воплощенный ужас.

– Тихо, – закрыла глаза Филия и прижала пальцы к вискам, как будто хотела унять боль. – Даже воплощенный ужас может быть ребенком. Тихо...

– Нет ничего ужаснее полной тишины, – словно не своим голосом произнесла Гледа.

– Тихо, – повторила Филия и вдруг открыла глаза, словно очнулась. Наполнила их слезами, подняла лицо, замахала руками, словно просила времени на передышку, замотала головой. И только через полминуты смогла говорить.

– С моей матерью тоже все не просто, – сказала она, переводя дыхание. – Она была готова распрощаться с жизнью. Это я знаю. И она добралась до Колыбели, это я тоже знаю. Но именно сейчас все, что я могу сказать, так это то, что она осталась жива. Не знаю какой ценой, не уверена, что меньшей, чем любой из нас, даже чем ты, Гледа, но осталась жива. Но где она, и что с нею – неизвестно. И все же можешь считать, что она не бросила нас в безысходности. Она не очень верила в то, что нам удастся остановить воплощение, но на тот случай, если бы удалось – я должна была сама или вместе с ловушкой высшего духа отправиться в Райдонский монастырь. В Обитель смирения.

– Через всю Беркану? – изумилась Гледа. – Это же очень далеко! Через пять королевств? И зачем?

– Она там будет, – твердо сказала Филия. – И если она пообещала это – значит, сделает. Там мы сможем разрешить твоё бремя. Не знаю как, но сможем. Мне нужно ещё все обдумать, но главное, чтобы твой плод не выжег всю эту землю дотла.

– Не знаю как? – сжалась в комок Гледа. – Мой плод?

– Но, думаю, нам надо торопиться, – продолжила Филия. – Вряд ли у нас есть больше трех месяцев.

– Но почему туда? – налила слезами глаза Гледа.

– Ло Фенг говорит, что там все началось, – прошептала Рит.

– Что все? – повернулась к ней Гледа.

– То, что остановило твоего пленника, – понизила голос Рит. – То, что было прежде менгиров, энсов, жнецов и всей этой дряни. Он знал это и раньше, но уверился в этом, когда прочитал книгу.

– Она же сгорела! – воскликнула Гледа.

– Не в его голове, – заметила Рит.

– Важно понять главное, – сказала Филия. – Ты не можешь ни выкинуть, ни убить ребенка, ни погибнуть сама. Боюсь, что это его освободит. Хотя, может быть, и сорвет его планы воплощения. На этот раз сорвет. В этом случае Терминум будет обречен на новые жатвы и годы, десятилетия, века мучений. Возможно таких мучений, что прежние покажутся детскими шалостями. Но главное даже не в этом. В другой раз у нас может не оказаться такой возможности – удержать его.

– Не окажется такой хорошей ловушки? – всхлинула Гледа. – Или таких ловких охотников?

– И того, и другого, – сказала Филия. – В одном я убеждена. Он, она, оно хочет, чтобы ты разрешилась от бремени естественным путем.

– А ты уверена, что её первоначальным планом было воплотиться во мне, отринув мой дух из моего тела? – спросила Гледа. – А что если она и хотела родиться как человек?

– Все умбра воплощались, изгоняя дух человека из его тела, – сказала Филия. – Все, кроме моей матери. Кажется, Карбаф когда-то пытался воплотиться в ребенка, мать говорила, что он рассказывал что-то о своем детстве, это было довольно забавно, взрослый человек в теле младенца – куча поводов для множества веселых историй, хотя тот же Карбаф навсегда зарекся испытывать то, что испытывает в своем бессознательном состоянии ребенок, проходя родовые пути. Но всегда речь могла идти только о вселении в уже существующую жизнь. О замещении духа. Того, что происходит с тобой, прежде не было. Думаю, мы извратили замысел высшей силы. Остановили её. И теперь она ищет выход.

– Остановили на время, – положила руки на живот Гледа. – На недолгое время.

– Нам должно его хватить, – прошептала Филия. – Главное, о чем ты должна помнить, так это то, что убив себя, убив ребенка, погибнув – ты прежде всего разрушишь его темницу. Возможно, он попадет в другую темницу, но где она будет – никому неизвестно.

– Хотелось бы, чтобы подобные опасения были и у наших врагов, – заметила Рит.

– А если я не выдержу? – схватилась за сердце Гледа. – Дайте отдышаться... Неужели нет другого выхода? Что хоть это значит – «разрешить бремя»? Не то же самое, что разрешиться от бремени? Как его разрешить, если нельзя ни выкинуть, ни вытравить, ни убить себя? Как еще? Родить? Сделать то, что она и хочет?

– Какой-то выход должен быть, – стиснула кулаки Филия. – И мы его найдем. Но, запомни главное – ты должна как можно скорее оказаться в Райдонском монастыре. А уж там мы что-нибудь придумаем. Впрочем, думать мы начнем сразу. Не знаю пока, можно ли исторгнуть этот дух до срока, заключить его в чем-то до скончания веков, как-то погасить его, поскольку в тебе он конечно же не в полной силе, но какой-то выход должен быть. Надо думать...

– У нас будет на это дело целых три месяца, – улыбнулась Рит. – Ну, или около того. Чтобы что-нибудь придумать.

– Так нельзя, – прошептала Гледа. – Нельзя было начинать битву, не зная, что будешь делать с захваченным врагом, которого нельзя развязать и нельзя убить.

– Иногда нет другого выхода, – прошептала Рит.

– Мы будем думать, но я уверена, что у моей матери уже есть готовое решение, – твердо сказала Филия.

– Она была готова согласиться с тем, что сосудом можешь стать и ты? – спросила Гледа, посмотрев на Филию.

– Филия, ты или я, – подала голос Рит.

– Ты спрашиваешь, готова ли она была пожертвовать собственной дочерью? – усмехнулась Филия.

– И это тоже, – обронила чуть слышно Гледа.

– Она была готова пожертвовать собой, – так же тихо ответила Филия. – Остальное – это уже выбор судьбы. Уверяю тебя, в тот миг, когда началась жатва, она даже не знала твоего имени. Она и увидела тебя впервые в толпе за какие-то минуты до этого ужаса.

– А меня она не видела вовсе, – напомнила Рит.

– Я помню то призрачное явление, – прошептала Гледа. – Помню, как она явилась мне на площади Альбиуса. Такое ощущение, что это было много лет назад. И все равно. Как-то все это неубедительно.

– Как есть, – ответила Филия.

– Раздевайся, – вздохнула Рит.

– Не поняла? – посмотрела на рыжеволосую воительницу Гледа.

– Дорога будет трудной, – сказала Рит. – Ты пойдешь в Райдонский монастырь скрытно. Под чужим именем или вовсе без имени. В любом случае, не привлекая к себе излишнего внимания. В составе маленького отряда. А я в твоей одежде под солидной охраной отправлюсь дальше в свите короля Ходы. Только покрашу волосы, хотя все эти дни я держалась в стороне от всех, закрывала лицо. Никому не называла своего имени. Так будет и дальше. Это вовсе не будет значить, что я буду представляться тобой. Нет. Возможно, я сохраню собственное имя. Но те, кто будет разыскивать сосуд, получают повод для подозрений. Ты же не думаешь, что те, кто это затеял, оставят тебя в покое? Так пусть уж они не оставляют в покое меня.

– Поэтому вы меня прятали? – поняла Гледа. – А вы подумали, что те, кто это затеял, могут понять, что им подсовывают обманку?

– Могут, – кивнула Рит. – Только не забудь, в моем теле тоже есть камни.

И она растегнула рубашку. Гледа посмотрела на Филию.

– К тому же с ней буду я, – добавила Филия. – Пока – без амулетов.

Она сняла с рук браслеты и протянула их Гледе.

– Надень.

– А как же вы? – испугалась Гледа. – А если они пошлют жнецов?

– Обязательно пошлют, – кивнула Филия. – Но чем дольше мы продержимся, тем дальше ты продвинешься. О том, куда ты направляешься, будут знать только Хода, Эйк и Брет. Ну и мы с Рит. Не расстраивайся. Главное – добраться до монастыря. Там будет моя мать.

– А если она захочет меня убить? – спросила Гледа.

– Только в том случае, если ты сама сочтешь это возможным и желанным, – твердо сказала Филия. – К тому же, она ничего не будет от тебя скрывать. Как она ничего не скрывала от меня. Кроме всего прочего, скорее всего туда же доберемся и мы.

– Знаешь, – Рит вздохнула, снимая рубашку и берясь за завязи портов. – Ло Фенг тоже говорит, что та сторона... сама должна сберечь тебя. Вплоть до разрешения от бремени. Так что, если они примут меня за тебя, хотя бы до родов я буду в безопасности.

- Скорее всего, – согласилась Филия. – И я вместе с Рит.
- Вы успокаиваете меня, – поняла Гледа.
- Да, – вымолвили одновременно Рит и Филия.
- Но не лжем тебе, – заметила Рит.
- Теперь твоя очередь нас успокаивать, – улыбнулась Филия.
- Потому что тебя будет сопровождать Ло Фенг, – прошептала Рит. – А это куда как серьезнее, чем целая королевская свита. А так же Стайн и Скур. Один как представитель властей, чтобы избавить тебя от дозоров. Второй, как колдун.
- Кстати, – заметила Филия. – Весьма неплохой колдун. Я бы даже сказала – на удивление неплохой. Возможно, в нем есть кровь курро. Как в Брете. Пусть и в виде отголоска. Но это не точно.
- Но во мне нет такой крови! – прошептала Гледа.
- Ты не можешь знать наверняка, – ответала Рит. – И запомни главное – мы не прощаемся.

* * *

Разговор с Ходой и Бретом, который произошел на стоянке, был еще короче. Гледа, уже натянувшая одежду Рит, обрадовалась им как родным. Эйк явно покашливал где-то неподалеку.

- Помаши стенам Альбиуса, когда будешь проезжать мимо, – попросил ее Брет. – Хотя, лучше не надо. Притворись дурочкой. Или какой-нибудь больной, что мечтает об исцелении.
- Притворяться во время жатвы больной, мечтающей об исцелении, все равно что притворяться человеком, – с досадой покачал головой Хода. – Особых ухищрений не потребуется.
- Разве жатва не закончилась? – удивился Брет.
- Посмотрим, – задумался Хода. – Я пока мало что видел, дальше Могильного острога мы не проходили, но творится что-то странное. Думаю, нужно как можно быстрее убираться подальше от Опакума. Похоже, что и Пепельная пустошь начинает расплзаться.
- Вряд ли она доберется до Урсуса, – заметил Брет.
- Увидим, – процедил сквозь зубы Хода.
- Увидим, – согласился Брет.
- Увидим, – прошептала Гледа.
- Главное, не вступай во всякие ненужные приключения, – добавил Хода, протягивая ей тяжелую сумку. – Тут некоторое количество монет и стриксов. Мало ли. Могут пригодиться на тот случай, если жатва действительно не закончилась.
- Даже если она закончилась, беда никуда не ушла, – сказал Брет. – После всякой жатвы обычно год, а то и два продолжаются набеги энсов и прочее разорение. Так что, удача тебе понадобится, Гледа.
- И вам, – прошептала Гледа.
- И вот еще что... – Хода, юность которого как будто улетучивалась на глазах, вздохнул. – Не заходите в Урсус. Если я правильно помню наставления по военной разведке и всяким хитростям, то именно в Урсусе к моей свите должен пристать соглядатай. Возможно – враг. Скорее всего, очень опасный враг.
- Умбра? – выдохнула Гледа.
- Может быть, – кивнул Хода. – Или их посланник. Думаю, есть и такие. Впрочем, это уже наша забота. К тому же мы еще не знаем, куда направимся после Урсуса. Может быть, и не в столицу. Но если мы даже где-то столкнемся, ты не должна подавать вида, что мы знакомы.
- Только если вы не подадите вида, что сами знаете меня, – прошептала Гледа.

– Все будет хорошо, – посмотрел на Ходу Брет. – Должно быть хорошо. Потому что иначе все будет слишком плохо.

– Пусть все будет хорошо, – согласился Хо́да. – Даже если это хорошо случится уже без нас. Кстати, имей в виду, что умбра может пристать и к твоему отряду.

– И что я буду делать? – испугалась Гледа.

– С тобою будет Ло Фенг, – успокоил ее Брет.

– Нет, – сказал Хо́да. – Ло Фенг, конечно, будет, но эйконец – не лекарство от всех болезней. Поэтому запомни главное. Первое – доверяй своему чутью. Второе. Действуй даже тогда, когда не знаешь, как поступить, потому что если правильные решения не приходят сами, до них можно добраться, принимая неправильные решения. И третье – Ло Фенг и прочие твои спутники должны оберегать тебя до самого конца твоего пути, но главная в отряде – ты. Ты, а не Ло Фенг, что не отменяет его мудрости и умений. И он об этом знает. Считай его своим первым советником. Или вторым, как хочешь.

– Почему так? – спросила Гледа.

– Потому что груз, который несешь ты, тяжелее его острова со всеми эйконцами, живущими на нем, – ответил Хо́да. – Тяжелее, чем весь Терминум.

* * *

Оставшуюся часть дня Гледа провела в повозке одна. Она смотрела в прореху в тенте сначала на топь, потом на хмурый лес, который поначалу больше напоминал болотные заросли, а потом уже на потянувшиеся поля и перелески. Смотрела и вспоминала ужас, накрывший ее родной Альбиус в начале весны, вспоминала стихийно собравшийся отряд во главе с ее отцом, от которого осталась только она сама, Хо́да и Брет. Вспоминала и думала, что два путешествия подряд – это уже чересчур. И если первое началось с прихода жнеца в ее город и смерти ее матери, а закончилось смертью отца, то второе вполне может рассчитывать и на ее жизнь тоже. А затем Гледа закрыла глаза и стала представлять одно за другим лица друзей, которые были уже мертвы. Всезнайку и своего тайного воздыхателя Флита. Телохранителя и приятеля Хо́ды Сопа. Вечно находящегося в тревожном беспокойстве монаха Вая. Терзаемого той же тревогой Кригера. Обреченного на смерть Рамлина. Отчаявшегося Фиска. Трудягу Хельма. Отца. Маму. Старого обезумевшего слугу Тенера. Словоохотливого торговца, оказавшегося отличным воином, Падаганга. Бедолагу Раска. Девиц, что привел Ло Фенг. Хопера, как бы его ни звали на самом деле. Святые боги, она же не собиралась больше плакать? Откуда же берутся слезы?

* * *

Когда Рит разбудила ее, уже стояла ночь. Повозка остановилась в какой-то деревне, во всяком случае где-то неподалеку дышали лошади и чуть слышно звучала дудка. Гледа приподняла край полога и увидела довольно большую избу, в которой помаргивал за занавесками свет.

– Трактир «Два гуся», – прошептала Рит. – Во всяком случае, так говорит Стайн. Пришла пора прощаться. Я остаюсь здесь, а ты уходишь. Вся дружина и весь обоз к северу от нас. В проулке. Встают на постой. А ты выбирайся из повозки и иди на юг. Тебя будут ждать через две избы. Только тихо. Дозор выставят через минут пять. Хорошо, что ты поспала. Оружие, еда, все, что нужно, уже там. О тебе в отряде почти никто не знает, Стайн уходит домой, Ло Фенг якобы возвращается на свой остров. А про Скура никто и спрашивать не станет. Ты же должна просто раствориться.

– На время, – прошептала Гледа.

– Конечно, – обняла ее Рит.

Второй раз она попала в объятия, уже выбравшись на улицу. Ее обняла Филия. Ничего не сказала, только поймала ее запястья, нащупала браслеты и погрозила в темноте пальцем. Но пройти Гледе удалось не более пары шагов. От лошадей отделился верзила Эйк, наклонился, неумело чмокнул Гледу в макушку и, всучив ей кулек медовой карамели, прошептал:

– Помни мои слова, Хопер вернется. Ну, или как там его? Бланс? Не может такого быть, чтобы он вовсе исчез. Его же не убили. Филия сказала, что он должен вернуться, это порода такая. Я как его увидел, сразу понял, что такого парня просто так на излом не возьмешь. Поняла?

– Поняла, – отчего-то обрадовалась Гледа и зашагала по темной улице на юг. Через две избы темными тенями стояли лошади. На двух из них сидели всадники, в которых по силуэтам, едва различимым в темноте, Гледа узнала Скура и Стайна. Двух лошадей под уздцы держал Ло Фенг. Он ничего не сказал. Вгляделся в лицо Гледы, кивнул, еще раз кивнул, когда она залезла в седло, и тут же оказался в седле сам. Показал рукой на юг и тронул коня с места. Крохотный отряд тайно покидал деревеньку недалеко от Урсуса.

* * *

Когда тихий топот четырех лошадей затих, от укутавшегося в ночной туман стога отделились еще два всадника и последовали за ушедшим отрядом. Последовали беззвучно.

Глава вторая. Осколки

*«Склеенное остается разбитым»
Пророк Ананаэл. Каменный завет*

Отряд Ходы покинул придорожный трактир, хозяин которого тоже паковал пожитки, и всю эту деревню, что еще пару месяцев назад считалась зажиточной и благополучной, а теперь словно застыла в страхе перед неведомым и неотвратимым, рано утром. Исчезновения нескольких попутчиков, ушедших с Гледой, никто не заметил. Каждый воин думал лишь о самом себе или о своих близких. В единую дружину их сплачивал пережитый в Опакуме и его окрестностях ужас, который вставал за их спинами непроницаемой тенью. И молодой король, собравший их под йеранским флагом, казался им всего лишь зыбким мостиком к надежде на прежнюю жизнь. Мир уменьшился у них на глазах. Торговые пути на запад, кажется, обрывались надолго, если не навсегда.

– О чем печалишься? – спросила Филия у Рит, когда под копытами лошадей зачавкала сырая земля. – Думаешь, лучше справишься бы с тем, что выпало Гледе? Или жалеешь о том, что Ло Фенг не с нами? Только ты одна и осталась от его отряда...

Рит, поправляя платок, который прятал ее выкрашенные в иссиня-черный цвет волосы и скрывал нижнюю часть лица, покосилась на спутницу, что прошлой ночью как раз и занималась ее головой. Перетирала две каких-то травы, что в родных местах Рит вовсе не водились, замешивала варево, наносила его на рыжие локоны. Потом отбеливала веснушки, шутила, что не способна ни на волос опустить чуть вздернутый нос, никакой серьезности с таким носом не может быть ни у одной девицы. Умело обходилась со снадобьями, явно не только колдовством пробавлялась до этой беды. Сейчас, при свете дня и не под пологом повозки, которую Хода вместе с обозом раненых отправил напрямик на юг в сторону главной столицы Йераны, а верхом – Филия казалась на удивление молодой. Хотя по ее же словам разменяла четыре десятка лет. Во многих деревнях этот возраст был началом дряхлости. Не иначе и тут не обошлось без какой-то магии...

Рит оглянулась. Хода приставил к девушкам, а Филия казалась теперь именно девушкой, два десятка воинов. И сейчас половина из них держалась впереди, половина – сзади. Хотя нет, высокий и молодой старшина этих двух десятков, которому, как сказала Филия, лишь одному дозволено было переговариваться с важными, удостоенными особой охраны особами, отсутствовал. Точно отправился к Эйку за указаниями. Его светлые кудри, что выбивались из-под шлема и ложились на плечи, были бы заметны и среди тысяч воинов, которых, впрочем, и не могло сыскаться после такой битвы. Отряд короля Ходы состоял всего лишь из двух сотен счастливчиков, на стенах Опакума мало кто уцелел. Где-то там же среди уцелевших маячил и Эйк. Еще пара дозоров кружила на расстоянии полулиги от дороги, стараясь не пропустить возможные угрозы. Да уж, потеряешь в течение нескольких недель сразу двух королей, будешь оберегать третьего, словно последний глаз. Двести пятьдесят воинов. И это было не просто все, что осталось от гарнизона Опакума, включая воинов, пришедших в крепость из Хайборга. В этом же числе была и почти сотня воинов из окрестных острогов, где Хода оставил только временные дозоры. Кстати, как Филия назвала белокурого красавчика? Кажется, Хелтом?

– Гледа слишком молода, – ответила Рит после долгой паузы. – Но, может быть, это и хорошо. Оказаться на ее месте я не хотела бы. Я и на своем месте не хотела бы оказаться. Я вообще ничего не хотела из того, что случилось в последние месяцы. Или почти ничего. Но девчонка мне успела понравиться. Хотя, что я ее знала... От отряда Торна, кстати, тоже мало кого осталось. Брет, Хода... Стайн? Все?

– Нет, – пробормотала Филия, вглядываясь в затянутый тревожной мглой горизонт. – Стайн, конечно, из ее родного городка, но в отряде его не было. Скур был, это да. Те девки-близняшки еще, ну да ладно. Их теперь и не найдешь. Кстати, Торн пришел в Опакум уже без них. Они явились туда с врагом.

– Они и служили врагу, – напомнила Рит. – Пусть даже и были в последней схватке на нашей стороне.

– Мало ли кто кому служил, – поморщилась Филия. – Ты же не будешь раба укорять за то, что он сидел на чьей-то цепи? Пока человеку волю не дашь, ничего про него не узнаешь. А иногда и с волей... Встречала я негодяев, которые выручали меня, ничего не требуя взамен и ничего не выигрывая от собственного благородства. И добрых людей, которые оказывались в трудную минуту гнилыми изнутри – тоже.

– Значит, они не были добрыми, – заметила Рит.

– А это неважно, – ответила Филия. – Если кто-то таит порчу внутри себя, а живет как благопристойный человек, то мне плевать на его порчу.

– А мне нет, – сказала Рит. – Потому что трудная минута может наступить внезапно. Кому-то и мгновения хватит, чтобы сломаться.

– Ну-ну, – пробормотала Филия. – С кем ты останешься при такой строгости?

– С кем-нибудь, да останусь, – ответила Рит. – Доброта, если ей не на что опереться в человеке, ничего не стоит. Твоя мать знала?

– Что она должна была знать? – не поняла Филия.

– То, что так будет, – Рит посмотрела на спутницу. – Про кровь, про менгир, про множество смертей, про обряд?

– В общих чертах, – ответила Филия. – Описывала мне то, что произойдет, но всякий раз говорила, что может пойти и вот так, и вот так, и вот так... Или как-то по-другому...

– А так как пошло? – смотрела, не отрываясь, на Филию Рит.

– Очень сомневалась, – вздохнула Филия. – Предсказывала больше крови и больше смертей. Не надеялась на Бланса. Тот Бланс, что принял в себя стрелы в Хмельной пади семьсот лет назад, не устоял бы. Но человеческая порода, которая смешивается с умбра, порой закаляет последних.

– Умбра требуют закалки? – удивилась Рит.

– Все требуют закалки, – проговорила Филия.

– Не все ее переносят, – стиснула зубы Рит.

– Не все, – согласилась Филия, – но бесследно она не проходит ни для кого.

– Осталось только понять, – пробормотала Рит, – почему древние боги, если в Опакуме твоей матери да и Гледи помогли именно они, почему древние боги не противостоят всей этой пакости напрямую? Почему они терпят?

– Кого ты называешь древними богами? – с интересом посмотрела на Рит Филия.

– Ну... не знаю, – пожала плечами Рит. – Какая-то сила ведь не давала воли менгиру в Опакуме? Какая-то сила имелась в твоих браслетах? Какая-то сила была в той книге? В часовне? В словах, начертанных на ее фасаде? Что-то ведь помешало воплотиться высшему существу во всей ее полноте? Ведь точно же не наши потуги? Мы просто оказались в нужном месте в нужное время. И все. Или в ненужное время и в ненужном месте...

– И выстояли, – заметила Филия. – Между прочим, мать так и говорила. Важно, чтобы в нужном месте оказалось достаточное количество достойных. Да хоть кто-то бы оказался. И все получится. Скорее всего. Рано или поздно...

– Рано подводить итоги, – процедила сквозь зубы Рит. – И ты не ответила на мой вопрос.

– Я ничего не знаю о древних богах или о древнем боге, – сказала после паузы Филия. – Хотя и выискивала все упоминания о них. Так же, как и моя мать. Мы же не будем называть знанием древние сказки? К тому же мать говорила, что он или они – непостижимы.

– И все же она решила положиться на их... атрибуты, – заметила Рит.

– На силу, которую почувствовала, – пожала плечами Филия. – Которую искала сотни лет. Которую призывала и готова была принять. О которой кое-что поняла. Нельзя полагаться на то, что основано на боли, на страхе, на слепой вере, на крови. Только на то, что основано на любви. Пусть даже оно едва различимо. Не любовь, сила. Пусть даже ты не можешь ее постичь. Ощущения – достаточно. Ты можешь сказать, не это ли и есть слепая вера? А я отвечу, что для кого-то – да. И что с того?

– Ты говоришь, как моя бабка, – засмеялась Рит.

– Понимаешь, – Филия в свою очередь задумалась. – Вот эта книга, да и все эти запрещенные ныне предания – о творце, о трижды пришедшем, все они в прошлом. Мы не возносим этому забытому тройному бедолаге молитвы. Мы не одурманены обрядами и ритуалами. Мы о нем почти ничего не знаем. Таким образом, если он и является кому-то, то является в чистоте. В неведении.

– Тебя являлся? – спросила Рит.

– Нет, – хмыкнула Филия.

– А твоей матери? – спросила Рит.

– Я не спрашивала, – призналась Филия. – Но она говорила, что слышала не только голос своего бога. Не только голос той, что ныне скрыта в Гледе. Еще кое-что.

– А вот к этому недугу моя бабка посоветовала бы крепкий сон и здоровое питание, – заметила Рит.

– Я бы не отказалась, – улыбнулась Филия и добавила секундой позже. – Нет, никто мою мать не окликал с горних высей, не говорил с нею, никто ничего не советовал, не увещевал. Она просто слышала что-то вроде... музыки. Знаешь, как будто высоко в горах пастух, у которого в руках оживает всякая дудка, разговаривает с заснеженными вершинами. С помощью обычного пастушьего рожка.

– И поэтому мы оказались в Опакуме, – поняла Рит.

– Неужели ты не понимаешь, что не моя мать привела нас туда? – посмотрела на Рит Филия. – Это рок. Судьба. Что такое дыхание моей матери по сравнению с ветром, что дует нам в лицо или в спину? Представь себе, что древние боги или бог этой земли кто-то вроде наших родителей. Ушедших родителей. Умерших родителей. Как хочешь. Тех, кто может наблюдать за своими детьми. Представь себя на их месте. И запомни главное – ты не можешь прожить жизнь за кого-то. Что бы ты стала делать, если у тебя есть только... музыка? Или лишь возможность укрепить дух своего ребенка? Или что-то похожее? Пойми, если они есть, они не должны делать что-то за нас. Решать за нас. Они дают возможность людям самим решать свою судьбу. Разве это не благо?

– Переживать жатву, гибнуть, страдать – это и называется – решать свою судьбу? – спросила Рит.

– И это тоже, – ответила Филия.

– А твоя мать тоже относится к тем, кто сам решает свою судьбу? – спросила Рит.

– Да, – проговорила Филия. – Уже семьсот лет. Пусть даже она и не была человеком. В некотором смысле. Во всех остальных смыслах она именно человеком и была. Хотя она и всегда повторяла, что победа никому не обещана. И если она будет достигнута ценой собственной жизни, это будет великим везением, поскольку скорее всего не будет ни жизни, ни победы. Знаешь, она иногда смеялась. Говорила, что если смириться с тем, что занимаешься безнадежным делом, то всякая удача на этом пути будет казаться стократ дороже любой победы.

– Зачем ей все это было нужно? – спросила Рит. – И эта проклятая обреченность или безнадежность в том числе? Зачем? Из-за чего песчинка, пусть даже и золотая, может встать поперек потока воды? Что ею двигало? Любовь к людям? Мечь? Любовь к собственной дочери?

– Все, – ответила Филия. – И любовь к собственной дочери, и интерес к людям, и месть. У нее было достаточно причин. К тому же выбирать в таких случаях не приходится. Встаешь ли ты против потока или тихо лежишь на дне, поток разбираться не будет. Унесет всех.

– Унесет всех, – повторила Рит.

– Знаешь, – Филия как будто оживилась, – она рассказывала мне о том прекрасном мире, в котором все это началось. Хотя, даже она не могла точно сказать, где это началось. Но в том мире...

– Там, надо думать, никого вроде твоей матери не нашлось? – перебила Филию Рит.

– Там были другие, – сказала Филия. – Вроде вот этого вашего воина в черной маске, который погиб в Опакуме. Погиб, как и многие. И эти другие гибли и там. Но все было тщетно. Да, там нашлись силы, которые спасли часть людей. И, кстати, ценой собственного бытия. Доставив их сюда. Но в том мире... все обратилось в пепел. Все сгорело. Моя мать очень не хотела, чтобы это повторилось здесь. Но все к тому идет. Зараза, которая сожрала тот мир, жаждет сожрать и этот. Ты понимаешь это? Сейчас, когда вроде бы еще ничто не предвещает такого исхода, я свидетельствую – единственная цель этой сущности – сожрать все...

– И личинка этой беды таится внутри Гледы? – спросила Рит.

– Если бы это было так, я бы убила ее, – прошептала Филия. – Не задумавшись ни на секунду. Прости, но даже вместе с Гледой. Вместе с тобой, будь она в тебе. Вместе с собой, будь она во мне. Не по желанию моей матери, а по необходимости. Но это не личинка. Это ключ. Вихрь. Ураган. Но и всего лишь ключ. Его нельзя ни убить, ни удержать, выпустив однажды. Мы уже говорили об этом. Вся разница между нами и теми, кто надеялся на воплощение этой силы, в том, что они боятся, что этот вихрь рассеется, и им придется начинать все с начала. Уверена, они уже теперь ломают голову над новым обрядом.

– Эта личинка... – пробормотала Рит. – Или вихрь. Эта зараза... Был... Была среди тех, кто доставил людей из того мира сюда? Среди тех, кто спасал их?

– Да, – кивнула Филия. – Она ведь своего рода божество. Одна из пяти. Богиня. Или же высший демон, если угодно. У таких сущностей не может быть точных определений.

– И она... – неопределенно повела плечами Рит, – отказалась от этой миссии? Отказалась уже здесь? Пробравшись сюда на спинах тех, кто спасал?

– Что ты хочешь услышать? – спросила Филия. – Или что я могу тебе сказать? Во-первых, предполагать, догадываться и знать – не одно и то же. Во-вторых, это как пытаться понять мысли огромной горы. Ее состояние. Как это сделать, если для горы год – все равно, что один день? А уж влезть в шкуру бога или великого демона – это и представить невозможно. Но мать говорила, что если бы та, которая была среди пяти высших, среди тех, кто управлял умбра, не отказалась, то не было бы ни жатв, ничего. Просто, на этой земле появился бы еще один народ немалым, но не бесконечным числом. Но она не смогла. Да и вряд ли пыталась. Думаю, у нее был свой собственный план... Не совпадающий с планом оставшихся четырех.

– То есть, она их предала? – уточнила Рит.

– Разве может предать чужак? – удивилась Филия. – Тот, кто изменился непоправимо? Тот, кто перевернулся внутри себя? Тот, кто по сути является твоим врагом? Тот, кто охвачен безумием?

– Безумием? – переспросила Рит. – Она лишилась ума?

– Безумный – это не глупый, – заметила Филия.

– Если я правильно поняла, – сдвинула брови Рит, – то выходит, что если бы она была разумна, той беды в том мире могло ведь и не случиться?

– Когда я спрашивала об этом мать, она всякий раз погружалась в долгие размышления, – засмеялась Филия.

– Почему эту... пятую не остановили те, кто был равен ей? – спросила Рит.

– Может быть, не смогли? – предположила Филия. – Или же она была их частью, как та же рука часть тебя? Что мы можем об этом знать? Может быть, ее безумие наделило ее большей силой?

– Боги не смогли ее остановить, а мы сможем, – с кривой усмешкой пробормотала Рит.

– Нам придется, – ответила Филия. – Знаешь, мать говорила мне, что эта сущность даже против своей воли, но участвовала в общем действе. Она выжила, но тоже потратилась. Ослабла. И только поэтому она не начала пожирать эту землю сразу.

– Кто она? – спросила Рит.

– Враг, – ответила Филия. – Бездонная пропасть, ставшая сутью высшего существа.

– И сейчас она в Гледи, – вновь повторила те же слова Рит.

– Ее ядрышко, – ответила Филия. – Ее малая часть. Иначе Гледу сразу бы испепелило. Или порвало в клочья. Или разбило бы вдребезги. Но и того, что есть – хватит. Этой сущности хватит.

– Для чего? – спросила Рит.

– Для ее возрождения, – прошептала Филия. – И для того, чтобы в том или ином виде жатва на этих землях не кончалась.

– Знаешь, – Рит вновь окинула взглядом горизонт, посмотрела на небо, погладила холку лошади, что несла ее, – я же из кимров. Кимры никогда никому не подчинялись. Они вольный народ. И в степи порой они встречают странных существ. К примеру, танцующего шамана или дервиша, который проносится словно вихрь. Мать говорила мне, что это тоже демон. Но из прежних, понимаешь? Из тех, что были еще до этого... трижды пришедшего, хотя я все еще не уверена, что и он был на самом деле.

– И что ты хочешь мне этим сказать? – нахмурилась Филия.

– Эти демоны нашли себя, – пожал плечами Рит. – Так же, как и кимры. Где-то в стороне, на обочине, там, где о них мало кто знает. Почему бы этому демону или богу, что застрял одной ногой в животе Гледи, не найти себе место? Или он не способен понять, что жрет камень, который единственный может служить ему опорой?

– Твоя ошибка в том, что ты представляешь на этом месте человека, – сказала Филия. – А это нечто совсем другое. Тебе представляется камень, а ему или ей – этот камень как сладкий берканский сыр. Подожди. Хелт сюда скачет. Кажется, есть новости.

Старшина придержал коня, развернулся и поехал рядом с Филией, время от времени с интересом посматривая на Рит.

– Эйк хотел предупредить вас и попросить об одолжении.

– Это поручение Ходы, я полагаю? – уточнила Филия.

– Конечно, поручение короля Ходы, конечно, – прижал руку к груди Хелт. – Но это поручение передал Эйк. Дозоры приносят дурные вести. Хотя мы услышали о них еще неделю назад. Что-то неладное творится в окрестностях. Жителей нет.

– А как же в деревне, где мы были? – не поняла Филия. – Там же были жители?

– Что их там было? – скривился Хелт. – Один из десяти, да и тот как будто не в себе? Вон, хозяин трактира заговариваться стал, хотя весь амулетами обмотался. А прочие где? Да и стриксы... То ли они нужны еще, то ли уже все побоку... Непонятно. У кого старые язвы на шее зажили и без стриксов, у кого свежие появились, а кого и поперек живота перепоясало. Безумие какое-то. Вы бы приглядывались, очень Хода хочет понять, что такое происходит.

– Это все? – спросила Филия.

– Нет, – понизил голос Хелт. – Еще есть осколки.

– Осколки? – удивилась Филия.

– Некоторые из жителей... прежде чем уйти из дома, исчезнуть, раствориться, били посуду, – пожал плечами Хелт. – Только не спрашивайте, зачем. Если бы они были безумцами, уж точно бы не пропустили окон, но били только горшки, чашки, блюда. Ясно вам?

– Ясно, – кивнула Филия. – Какие еще будут указания?

– Как въедем в город, сразу во дворец, – твердо сказал Хелт. – Вы под моим надзором. Уже завтра опять в путь.

– Под надзором? – удивилась Филия. – Я думала, что мы под охраной. У меня дом в Урсусе. Ночевать я могу где угодно, но в дом мы с моей спутницей должны заглянуть. И это не каприз. Это вопрос нашей безопасности.

– Я передам Эйку, – процедил сквозь зубы Хелт и подал коня вперед.

– Что ты об этом скажешь? – посмотрела на Рит Филия. – Что еще за осколки?

– Бьют сосуды, – прошептала Рит. – Видно что-то такое витает в воздухе. Разносится ветром. Похоже, рождается новый обряд. Или новое безумие.

– Возможно, – задумалась Филия. – Но обряд лишь в том случае, если его исполнители при этом остаются людьми. Иначе морок и безумие. Кстати, когда моя мать... моя мама думала о том, что здесь происходит, она раз за разом приходила к выводу, что прежние боги сами просто не могут противостоять новым богам.

– Почему? – посмотрела на Филию Рит.

– Она говорила... – Филия выдержала короткую паузу, словно припоминая что-то, – что вся их сила распределена между людьми. В каждом из нас есть крохотная частица бога.

* * *

День выдался пасмурным, но когда отряд Ходы выезжал из леса к урсусскому холму, облака расползлись, и солнце осветило и белые стены города, и остроконечные башни летнего дворца, и темный штрих менгира.

– Как будто и нет никакой жатвы, – с тоской пробормотала Филия.

– А чего ты хотела? – спросила Рит. – Крови на стенах и траурных флагов?

– Нет, – сказала Филия. – Мне хватает и тех флагов, что уже здесь.

– Что они значат? – спросила Рит.

– Желтый, звезды на нем неразличимы отсюда, флаг Йераны, – прищурилась Филия. – Значит, в городе или ждут королевскую особу, или кто-то из особ королевской крови уже в Урсусе. Но так как Хода последний отпрыск в династии, верно первое. Белый – флаг Берканы, пять звезд на нем – пять королевств. Поднимается во время войны, которая, как ты понимаешь, еще не закончена. А вон тот – белый с большой желтой звездой – стяг Храма Кары Богов. Не иначе из самой Исы прибыл важный храмовник.

– А это что за мост? – показала Рит на древние опоры, уходящие к востоку.

– Это акведук, – пожала плечами Филия. – Древнее сооружение, устоявшее каким-то чудом. Когда-то по нему в город поступала вода с гор, но теперь реки протекают рядом, и надобность в нем отпала. А ну-ка... Кажется, в городе по случаю прибытия нового короля ожидается празднество!

Отряд короля был еще в полулиге от Урсуса, когда его ворота распахнулись, в след за этим загремели барабаны и загудели берканские трубы.

– Ты смотри... – покачала головой Филия. – Вот радости-то. Не иначе, как победу собираются отмечать и славить. Сам бургомистр Ярн вышел из ворот, сейчас на колени бухнется. Хелт, мать твою. Давай сюда!

– Что случилось? – приблизился к спутницам старшина.

– Обряд затянется не менее чем на полчаса, после которого всякий горожанин будет знать, что в свите короля две странных особы, – прошипела Филия, прихватывая лицо платком. – Да и знают меня в городе. Что тебе было сказано? Охранять и держать в тайне. Ты к какой дружине приписан?

– К Йерской, – расправил плечи Хелт. – Но последний год был старшиной дозора в Могильном остроге.

– Ярлыки все с собой? – прищурилась Филия.

– Обижаешь, – скривился Хелт.

– И то верно, – кивнула Филия. – Если кудри расчесывать успеваешь, значит, и подорожные ленточкой перетянуты. Правим вон на ту дорожку вдоль стены. Въедем в город через западные ворота. Постучим – откроют, я у жены старшины тех ворот роды принимала. Успеем и ко мне в дом заглянуть, и во дворце раньше короля окажемся. Или сразу за ним. Понял?

– Может, у воеводы Эйка сперва справиться? – усомнился Хелт.

– А чтобы пописать, ты тоже всякий раз к Эйку скачешь? – понизила голос Филия, и через минуту двадцать два всадника свернули с главной дороги.

* * *

Когда Рит увидела, как ее спутница обнимается с седым усачом, что и в самом деле служил при западных – непарадных воротах Урсуса, да расспрашивает его о добром десятке детей, половина из которых, как поняла Рит, прошла через руки городской повитухи и успела вырасти и сама обзавестись детьми, она тут же решила, что Филии не за сорок лет, а уж точно за шестьдесят. А то, что выглядит молодо, так что же делать, может быть, это у них в роду? Если матушке было за семьсот, то почему бы доченьке не молодиться и в семьдесят? Но когда Филия распрощалась с усачем и вместе с Рит поскакала по пустынным улицам города, на мостовых которого то тут, то там поблескивали осколки битой посуды, тут же забыла о собственных предположениях.

– В городе не все ладно, – процедила сквозь зубы ее спутница. – Ты ни о чем не успела переговорить с Гледой еще в Опакуме? Или еще с кем из их отряда?

– Гледи было не до разговоров, – призналась Рит. – С Бретом я разговаривала. Но он больше сам меня расспрашивал. О Хели, о Фризе, о тройном менгире. Ну, и рассказывал кое-что. Положил взгляд на Шаннет. Надумал подружиться с красоткой.

– Погибла Шаннет, – покачала головой Филия. – Геройски погибла. Как и все прочие. О Кригере не рассказывал?

– О капитане, что в зверя обратился и зарубил хорошего парня? – вспомнила Рит.

– О нем самом, – кивнула Филия. – В городе была пара случаев. Всего пара, тут старательные храмовники, бдят, но и эта пара причинила немало хлопот. Натворила дел. И ведь один был из стражников, всю семью зарубил, а потом сел трапезничать. Детей своих есть. Возможно, некоторые из них были еще живы.

– Давно? – побледнела Рит.

– Недавно, – оглянулась на отряд Хелта Филия. – Уже после падения опакумского менгира. Считаю, что в новое время. Тот, что с детьми – пять дней назад. Зарубили его. А еще один жил бобылем. Три дня назад бабку-соседку разорвал, сердце у нее вырвал и исчез. Весь город перевернули, так и не нашли. Тут теперь все по домам сидят. Под замками. Стража с оружием и спит, и по нужде ходит. Храмовники каждый день бурду свою спасительную разносят. И все одно, осколки видишь?

– Да, – прошептала Рит.

– Чуть ли не треть горожан перебила домашнюю утварь и ушла из города. Сначала через ворота, а когда Ярн приказал ворота закрыть, с веревками через стены, через подземные ходы, город же над древними штольнями построен. Разве удержишь?

– Хорошо, что с веревками, – сказала Рит. – Значит, что-то еще есть в голове.

– Безумие – оно ведь разума лишает, а не головы. Зверь ведь тоже просто так в пропасть не кинется, – пробормотала Филия. – Возможно, что тот стражник краешком ума соображал,

что он творит. И желал собственной смерти. Когда его убивали, и с места не двинулся. Считай, что голову под меч подставил. И знаешь, если это все еще жатва, то о такой жатве я не слышывала. Вон мой дом. Хелт! Видишь? Да. Перед менгиром... Там где уголь... Нам туда. Демон меня раздери... Вот почему стражник морщился, когда меня увидел. Рассказывать не хотел...

Домик, который стоял в ряду себе подобных, соединяясь с ними оградой, и который сам служил частью ограды перед черной иглой устремленного в небо менгира, был сожжен. Точнее, пережил пожар. Покачивались на петлях обугленные дверные створки, чернела закопченная стена, наполовину провалился потолок. Прибитые над дверью рога были обломаны и тоже обожжены. Вокруг ступеней валялись осколки горшков и склянок.

– Вот ведь, – спешила Филия. – Был дом, и нет дома. Точно ведь соседи постарались. Все те, кого я лечила, заговаривала, кому помогала с родами, с кого лишней монеты не взяла, а порой и сама одалживала. Суеверия... Никакой благодарности.

– Трудные времена, – заметил Хелт, спрыгивая с лошади. – Ты бы не спешила, голубушка. Дело такое. А ну-ка...

Он подозвал двух ближайших воинов и махнул рукой.

– Проверьте, что там изнутри.

Воины пробыли в доме не более пяти минут. Вышли обескураженные.

– Все разбито, разграблено. Никого нет. Еще и нагажено на пол.

– Без этого не обходится, – поморщилась Филия. – Всякий избыток выхода требует. Ладно, я быстро. Кто со мной?

В доме, куда Рит вошла вслед за Филией вместе с Хелтом, и в самом деле воняло нечистотами, гарью и еще чем-то, напоминающим сгнившую плоть. Рит прижимала к носу и рту платок, а Хелт вполголоса поминал демонов и прочую нечисть.

– Вот здесь, – показала Филия пятно на полу. – Сама не видела, но по рассказам – вот здесь ваш король, Хелт, был смертельно ранен. И, возможно, вы бы вовсе были уже без короля, если бы не один... лекарь.

– Хопер? – вспомнила рассказ Рит. – То есть, Бланс?

– Он, сердечный, – кивнула Филия. – Все боялся, что нельзя слишком долго светиться под одним и тем же именем в проездных книгах. Как будто их кто-то листает. Ничего не осталось, ничего. Ладно. Пошли, нам во двор.

Они втроем прошли через оскверненное жилище и оказались в небольшом дворе, в котором ничего не было кроме стола, стоявшего на каменной плите, отхожего места и каких-то грядок. За забором, что замыкал двор, высился огромный менгир. Филия пошла к грядкам.

– Посадила что ли что-то? – усмехнулся ей вслед Хелт. – Так поливать надо было.

А потом поднял глаза к менгиру и сказал Рит, которая стояла рядом:

– Чуть ли не за сотню горожан умерло во время жатвы, пытаясь излечиться у менгира. И вот ведь, уже и храмовники запретили подходить к камню, и дозоры выставили, а все равно – прорывались, лезли через ограду, лишь бы прижаться с надеждой на исцеление. А потом – все одно. Огненная удавка на шее и смерть.

– А ты не подумал, что они смерти и искали? – спросила Филия, возвращаясь от грядок с небольшим горшком, отряхивая его от земли. – Если у тебя уже на загривке огонь пылает, что для тебя жизнь? Не всякий огонь водой зальешь. Вот, что нам было надо. И не смотри так, Хелт. Тут не золото и не серебро. А камни. Причем не самоцветы, а обычные. На дорогу высыплешь, и от других не отличишь.

– Те самые? – спросила Рит. – Те, что ты отдала...

Она осеклась.

– Да, – кивнула Филия. – Был некоторый запас. Если сотни лет осматривать древние храмы, открывать их алтари, да прикладывая к тому, что там хранится, свое умение, можно

кое-что найти. Не знаю, правда ли, что именно этими камнями побивали три раза до смерти трижды пришедшего, но сила в них есть. И нам без нее никуда.

– Да это же ересь! – воскликнул Хелт.

– А это вокруг что? – побледнела от ярости Филия. – Благость? Ты бы лучше прикинул, откуда здесь такая вонь... Да и стражу бы вызвал. Точно где-то спрятан недоеденный горожанин. И спрятан тем горожанином, которых его не доел. Куда твои воины смотрели, если ничего не нашли? Или у них насморк? Нюх отбит?

– Стража! – во всю глотку рявкнул Хелт, обернувшись к дому, и в это мгновение Рит заметила, как стоявший на каменной плите стол вздрогнул. Еще ничего не понимая, она положила руку на рукоять меча, но в следующее мгновение стол вместе с каменной плитой откинулся к ограде, и из черной дыры в земле выскочило ужасное существо, которое, скаля огромные клыки, бросилось вместе с волной удушливой вони на неожиданных гостей.

Рит сделала два быстрых шага вперед и в тот миг, когда зверь уже толкнулся задними лапами, чтобы снести всех троих, присела, подалась в сторону и вскрыла мечом мелькнувшую между оскаленной пастью и обрывком доспеха живую плоть. Истошный вой раздался в ту же секунду и почти сразу перешел в хрип. Зверь рухнул у ног окаменевшего от ужаса Хелта, который не успел даже нащупать рукоять меча.

– Вот и второй, – заметила Филия.

– Господин старшина! – замер выскочивший на ступени посыльный, вслед за которым двор стал наполняться стражей. – Воевода Эйк требует вас срочно во дворец вместе с охраняемыми особами. Через пару часов король покидает город. Здесь сам предстоятель Храма Кары Богов Лур и посланник принца Исаны Хедерлига – мастер стражи Лон! Есть новости... для охраняемых особ...

– Новости для охраняемых особ, – с трудом пробормотал Хелт, наконец нашел на поясе меч, плюнул, вытер со лба, царапая его кольчужной перчаткой, пот. – Еще неизвестно, кто кого охраняет...

Глава третья. Глаза

*«Смотри и увидишь»
Пророк Ананаэл. Каменный завет*

Они обогнули Урсус с севера еще в темноте. Промчались пыльным проселком не менее трех десятков лиг, лишь иногда склоняя головы под ветвями, которые в ночном сумраке казались перекладами выставленных вдоль дороги виселиц. Затем выбрались на неухоженную, но все же мощеную дорогу, которую Гледа и не пыталась узнавать, и уже ранним, звенящим от тишины утром преодолели еще пару десятков лиг, пока сразу за мостом через быструю речушку Ло Фенг не поднял руку, не спешил и не повел лошадь по языку каменной осыпи сначала в прохладную воду, а потом, через сотню шагов, по прозрачным струям в заросший папоротником лес. Не прошло и пяти минут, как на оставленной в стороне дороге послышался стук копыт лошадей преследователей.

– Двое, кажись, – прошептал Стайн и с уважением посмотрел на Ло Фенга. – А я не поверил. Как ты их услышал? В самом деле, что ли от самого трактира за нами держались? Неужели молодой король надзор за нами учинил?

– Нет, – коротко ответил Ло Фенг, вновь взял под уздцы лошадь и вновь вошел с нею в воды мелкой речушки.

– Вот так, – с кривой ухмылкой развел руками Скур, подмигнул Гаоте и повел свою лошадь вслед за эйконцем. – Мудрость она такая... молчаливая.

Во второй раз Ло Фенг выбрался на берег чуть ли не через лигу – у подножия известкового холма, поросшего светлым сосновым бором, но не из-за леса, а точно там, где вместо гальки на дне речушки начинался ил. Гледа ждала, что эйконец обогнет предательское место и вновь отправится по воде вглубь берканского леса, что тянулся в этом месте чуть ли не до Молочных гор, но Ло Фенг дал команду вставать на привал, хотя костер разводить не разрешил. Точнее, коснулся плеча Стайна, который нагнулся за валежником, и покачал головой – «Не надо».

Гледа спрыгнула с лошади, поймала понимающий взгляд Скура, вложила в протянутую руку колдуна уздцы лошади и отправилась через заросли орешника к реке. Прошла по берегу, стараясь не сбивать росу с травы, остановилась над склонившейся над водой ветлой, сквозь крону которой лучи солнца нащупывали разноцветную гальку на дне реки, и стала раздеваться. Через минуту, оставив пояс с мечом на береговом срезе, ступила в воду. Медленно опустилась в речные струи, легла, почувствовала спиной гальку, поймала пальцами рук и ног водяные жгуты, взъерошила короткие волосы, ощупала лоб, который еще не так давно пекло от страшного знака, и вдруг заплакала. Без рыданий, без всхлипываний, без рези в глазах. Слезы наполняли глазные впадины и скатывались по вискам, смешиваясь с речной водой. Небо, солнечные лучи, узкие листья ветлы дрожали, переливались, искрились тенями и сливались друг с другом. Неожиданно стало спокойно и хорошо, хотя сквозь яркое мельтешение Гледа сначала видела брата Макта без одной руки, потом отца без обеих рук, а вслед за ними и всех остальных, что шли вместе с нею последние несколько недель нелегкой дорогой, и не добрались до этих прозрачных струй. Только одного она не видела и не хотела видеть – того, что произошло возле опакумского менгира.

Не поднимаясь, она закрыла глаза и принялась себя ощупывать. Нашла затянувшиеся раны, в которые Ло Фенг вставил камни Бланса, прикоснулась к ним и удивилась, что почти не чувствует боли. Камни под кожей казались чем-то вроде семян вяза, с твердым ядрышком в центре и ощутимым крылом вокруг, и холодили пальцы даже через кожу. Гледа стала ощупывать себя дальше и вдруг вздрогнула, зацепив браслетами на руках соски. Ощущение было

не то что болезненным, а каким-то непривычным, словно на недавнюю рану выросла молодая и тонкая кожа. Гледа чуть приподняла голову, удивилась тому, что соски ее явно потемнели, осторожно потрогала грудь и скользнула ладонями к лону. Низ живота тянуло. Секунду или две ей хотелось или завизжать от ужаса или протянуть руку, выхватить меч и вспороть собственный живот, но холодные струи словно успокаивали ее, поглаживали, охлаждали. Она попробовала заплакать снова, но не смогла. Повела головой, поймала губами выплеск речной волны и проглотила его.

– Не задерживайся, – услышала она голос Ло Фенга и, выставив перед собой меч, вскочила на ноги.

Он стоял к ней боком и смотрел не на нее, а туда, куда убегала река. В руках у него был сверток.

– Не задерживайся, – повторил он негромко, и она вдруг поняла, что толком не слышала его голоса. Разве только на стене Опакума, но там голос эйконца почти всегда смешивался с шумом осады.

– Хода нам выделил не самых плохих лошадей, хотя и им нужен отдых, но из леса нам придется уйти, – продолжил говорить Ло Фенг. – Конечно, полсотни лиг многовато даже для самых хороших лошадок, но нам надо проделать хотя бы еще десяток лиг. Я предпочту остановку в поле, в каком-нибудь распадке или на холме. В этом лесу не все ладно.

Она начала озираться, и только теперь, выбравшись из воды и смыв с себя то ли усталость, то ли отчаяние, почувствовала – в лесу что-то есть. Или кто-то.

– Теперь то, что я должен сказать тебе один на один, – все так же смотрел на юг Ло Фенг. – Ты старшая отряда, поскольку больше меня и больше любого из нас. Потому что вместила в себя бога. Потому что платишь за все своей жизнью. Поэтому ты принимаешь решения. Я должен доставить тебя в Райдонский монастырь, и я сделаю это, но я не смогу избыть твою ношу, поэтому помни всегда, когда я буду оберегать тебя, я не буду спрашивать у тебя совета. Но когда я буду ждать твоего решения, я посмотрю на тебя.

И он посмотрел на нее, и Гледа, забыв, что стоит напротив мужчины с одним мечом, который ничего не прикрывает, кивнула.

– Именно этот жест и будет обозначать твое «согласие», – сказал Ло Фенг и, прежде чем уйти, положил на траву сверток. – Тут платье и платок, которые приготовила для тебя Филия. Не стоит притворяться воительницей или мальчишкой. Когда живот станет заметен, а, судя по всему, это вопрос пары недель, если не меньшего срока, времени для того, чтобы переодеться, может не найтись. Не волнуйся, платье широкое и легкое, его можно надеть поверх твоей привычной одежды и сражаться оно тебе не мешает. Хотя надеюсь помешать я. Ты должна оставаться в безопасности.

И даже после этих слов Ло Фенг не позволил себе улыбнуться. Развернулся и пошел прочь.

* * *

Платье и в самом деле оказалось в пору. Гледа натянула на себя под него все ту же привычную одежду, только куртку поверх платья не стала надевать, потому как солнце начало палить даже сквозь ветви деревьев и возле прохладной реки, но пояс с мечом все-таки нацепила. Глупо было стягивать талию поясом меченосца, да и неясно, как долго его удастся носить, но ничего другого она не придумала. Неужели и в самом деле ребенка можно выносить не за девять месяцев, а за три? Или за два? Или все дело в том, что в ней все же не вполне ребенок? И кого она все-таки родит? И родит ли? И будут ли у нее когда-нибудь настоящие дети? И будет ли она сама?

На мгновение в глазах у Гледы потемнело, ей даже пришлось опереться о ствол склонившейся над водой ветлы, но через мгновение она вновь выставила перед собой меч. Издалека, но на нее все же смотрели. Одно было неясно – чей это был взгляд? Человека или зверя?

Гледа повязала простой в цвет платья платок, перехватив его так, чтобы всегда можно было скрыть нижнюю часть лица, и подумала, что для того, чтобы быть неузнанной в родном Альбиусе – платья достаточно, а уж в платке ее точно никто не узнает, хотя, что там прошло-то с того дня, как они отправились с отцом на рынок, чтобы купить подарок матери? Была весна, стало лето. Была одна жизнь, не стало никакой. Нет, все-таки в этом лесу была какая-то жизнь. Но, скорее всего, в отдалении. Иначе Ло Фенг не оставил бы ее здесь одну. Или же он все еще остается поблизости?

Когда она подошла к стоянке, ее уже ждали. Во всяком случае, на расстеленной на лесной траве ткани лежала немудрящая еда, к которой без нее никто не притронулся. В качестве напитка была все та же обычная вода.

– Ну вот, – довольно кивнул Стайн. – Отец бы твой порадовался. Говорил как-то, хотел бы посмотреть на свою дочь в платье, так ли же она красива, как и ее мать. Может быть, и смотрит на тебя сейчас откуда-то...

Стайн повел вокруг себя рукой, наткнулся на затуманенный взгляд Гледы, понял, что сказал лишнее, махнул рукой и отвернулся.

– Его похоронили? – спросила Гледа, хотя должна была помнить. Но она не помнила.

– Да, – кивнул Скур. – Филия сказала, что в святом месте. В яме, которая образовалась от менгира. Считай, что в древней часовне. Рядом – твоя мать и дед. Да и дядя этот поганый, чего уж там разбирать теперь. И король Йераны. Вот это уже неплохое соседство. Король Хода приказал сорвать со всех окон и стен замка шторы и занавеси, разрезать... Так что каждый защитник был погребен по-людски. Каждого завернули в ткань. Вместе с оружием и доспехами. Приказ короля. Всех защитников крепости. Те, кто пытался ее захватить, остались лежать непогребенными. В назидание, как сказал Хода. Ну и завалили все это камнем. Считай, восстановили часть стены. Камня там вдосталь было... Набросали...

– Почему я этого не помню? – спросила Гледа.

– Вспомнишь, – негромко сказал Ло Фенг.

– Ты бродила вокруг, – покосился на эйконца Скур. – Как будто не в себе. Рит и Филия не отходили от тебя, боялись, что ты в яму упадешь. А ты все разговаривала с кем-то.

– С кем? – спросила Гледа.

– С отцом, – пробурчал Стайн. – И с матерью. Мороз по коже. Я их, конечно, не слышал, но кого-то же ты называла папой и мамой? К кому-то обращалась? Я бы понял, если бы это были мольбы, но так не молятся. Это был просто разговор. Ты даже улыбалась. Брет, так ведь того парня зовут, даже испугался. Что ты с ума сошла. А ты просто разговаривала.

– Пепельная Пустошь разбежалась до самых гор, – объяснил Скур, поймав взгляд Гледы. – До самого ледника. Теперь там и такое возможно. Новые правила, новые обряды, новые видения. Не знаю, надолго ли...

– Ничего этого не помню, – повторила Гледа.

– Вспомнишь, – еще раз сказал Ло Фенг, поднимаясь. – Ешьте и уходим. Дорогу будем обсуждать в другом месте.

* * *

Они вышли из леса через час. Почти по его краю, в полулиге – тянулся проселок, в котором Стайн опознал дорогу от Хлебного торжища к Новой мельнице, но Ло Фенг повел отряд дальше по полю, благо солнце сияло и трава еще не поднялась в рост человека. Еще через час начались поросшие дубами холмы, а когда солнце забралось к зениту и начало сползать к

западу, отряд вновь вошел в воду уже другой речки, которая отличалась коричневым и мягким речным песком и, по уверению Стайна, сливалась с первой речкой через десяток другой лиг к югу у соляных штолен. На одном из холмов на левом берегу этой реки Ло Фенг и объявил привал, предупредив, что костер разводить только в яме, ни проблеска не должно было проявиться в ночи.

– Лошадям надо отдохнуть, – заметил Ло Фенг, осматривая копыта животных, когда уже и костер потрескивал в яме сухими ветками, и лошади были напоены и накормлены. – Мы их не гнали, конечно, но для дневного перехода это перебор. Сорока лиг хватило бы. Полсотни – предел. Путь долгий.

– Еще бы, – хмыкнул Стайн. – От Урсуса до Райдоны вся тысяча наберется. Даже если по полсотни миль – все одно – двадцать дней. И это самым коротким путем. А на таком пути без задержек не бывает. Хватит нам месяца или нет?

Стражник посмотрел на Гледу.

– Откуда она знает? – ответил за нее Скур. – Ей только семнадцать исполнилось. Ничего она в этом не понимает. Тем более такая засада. Это ж не простое мамское дело.

– Мужика надо было подставлять под эту пакость, – сокрушенно покачал головой Стайн и потер рукой зарубцевавшийся шрам на шее. – Мужик бы точно не попал бы в такое положение. Да хоть меня бы! Все одно помирать собирался. А тут вроде бы и даже пакость эта на загривке затянулась, словно и жатва кончилась.

– Выбирать не приходилось, – заметил Скур.

– Не мы выбирали, – подал голос Ло Фенг. – Ведь так, Гледа?

– Должна быть какая-то причина, – впервые после первой стоянки произнесла она.

– Брет сказал, что ты с отцом устояла против жнеца, – напомнил Скур. – Не пала ниц. Еще в Альбиусе. Так ведь? Кто за кого держался?

– Я обделалась от страха тогда, – вымолвила Гледа, как будто разговаривала с закадычными подружками, которых у нее никогда и не было. – От страха. От смертного ужаса. Не знаю, кто за кого держался, я за спиной отца стояла. Но он никогда бы не упал ниц.

– Это да, – кивнул Стайн. – Торн был как раз таким.

– Значит, – после недолгой паузы произнесла Гледа, – должна быть какая-то причина, что я устояла еще в Альбиусе.

– В роду у тебя что-нибудь было... – пожал плечами Стайн. – По-другому не бывает. Если дите вымахало выше отца. Или способность какую обнаружило. Или цвет волос какой-то. Точно – ищи среди предков. Ветром такое не надует.

– Есть у кого спросить-то? – посмотрел на Гледу Скур. – Альбиус же мы никак не минуем.

– Никого не осталось, – покачала головой Гледа. – Ни отца, ни матери, ни слуг, ни дяди, каким бы он ни был, ни деда. Только дом.

– У кого-то и дома нет, – заметил Стайн. – Не, у меня есть, если что.

– Ты с нами, Стайн? – вдруг спросил Ло Фенг, который до этого сидел молча.

– А с кем же? – не понял Стайн. – Или мне кажется, что я в этом отряде? Снится, что ли? Мне ж король приказал!

– Король Хода – король Йераны, – заметил Ло Фенг, – а ты поданный короля Одалы. Потому и спрашиваю – ты с нами?

– Боишься, если не с вами, то растрезвоню на весь Альбиус, что дочка капитана Торна словила проклятое дитя? – помрачнел Стайн. – Убьешь или как?

– Просто спрашиваю, – спокойно произнес Ло Фенг. – Ты с нами или нет?

– С вами, – кивнул стражник. – До конца. Бургомистр наш – барон Троббель, да будут его посмертные дни легкими и приятными, говорил всегда так – в кулачном бою умелец без пальца все одно что умелец с маленьким кулаком. Плохи его дела. Пять берканских королевств – как пять пальцев. Ни одного лишнего! Йерана, Одала, Исана, Петра и Райдона.

– И? – чуть шевельнул губами Ло Фенг.

– Все придется пройти, – вздохнул Стайн. – Я с вами. Или еще раз нужно сказать?

– Достаточно, – задумался Ло Фенг. – Скур, ты можешь накинуть насторожь? Чтобы никто по луговине не подошел к нашей стоянке?

– Сделаю, – поднялся колдун. – Кто ночью будет прислушиваться?

– Я, – посмотрел на клонящееся к вечеру солнце Ло Фенг. – А сейчас лягу спать. Присмотри за округой до темноты. Навзавтра другого дозорного подберем.

– Эй! – не понял Стайн. – А обсудить, как дальше пойдем? Надо же ведь будет и в памяти покопаться. Я, конечно, всю Беркану вдоль и поперек, а ну как придется кого-то расспросить о чем?

– Никого ни о чем расспрашивать нельзя, – твердо сказал Ло Фенг. – Все разговоры только со мной. Вы все – немые. Тем более в Альбиусе. Въедем в Одалу, будем кивать на их столицу Оду. Окажемся в Исане – значит идем в Ису. В Перте – в Перт. В Райдоне – в Райдо. Что за дорога была, с которой мы ушли?

– Дорога как дорога, – пожал плечами Стайн. – Так и называется – Старая Гебонская дорога. Тянется мимо Арки к Одалскому проходу, с одной стороны которого Йеранская башня, а с другой – альбиусский менгир. Там уж и до Альбиуса рукой подать.

– Арка – это двойной менгир? – спросил Ло Фенг.

– Он самый, – кивнул Стайн.

– Мимо него и пойдем, – сказал Ло Фенг. – Какие будут города на коротком пути к Райдонскому монастырю.

– Это же вдоль гор, – поскреб макушку стражник. – Ну так... Альбиус, конечно. Потом Лигена, так это не город, а так... Королевская вотчина. Потом городки Лупус, Лейпус и Эк. Последний, правда, в стороне, туда мы точно не попадем. Все они вроде Альбиуса, все в предгорьях, все на реках. А там уж и до Райдонского монастыря сотня лиг останется. Только ведь беда в том, что эта предгорная короткая дорога и в тихое время довольно опасна. Лихие люди во все времена с гор спускались, а уж теперь-то... А нас всего четверо. Если без Гледы – трое.

– Почему это без меня? – спросила Гледа.

– Потому что ты ценный груз, – хмыкнул Стайн. – Нам бы еще хотя бы десятка два крепких ребят.

– Их не будет, – твердо сказал Ло Фенг и сдернул со своей лошади одеяло. – Как стемнеет, всем отдыхать.

– Ты уже и сейчас можешь отдыхать, девонька, – прошептал Скур, протягивая Гледе чашку горячего ягодного отвара.

Гледа поморщилась, отодвигая чашку. От сладкого запаха напитка, который она всегда любила, теперь почему-то слезились глаза и мучило.

– Не могу, неприятно.

– Знакомое дело, – кивнул Скур. – Ничего, неделя-другая, и все наладится.

«Наладится ли?» – подумала Гледа, сдерживая тошноту, и вдруг вспомнила, почему название городка Лигена – показалось знакомым. Ну точно, там у Стахета Вичти, ее погибшего деда, была летняя усадьба. В то время, как в летнюю жару все вельможи отправлялись к морю, ее дед предпочитал горную прохладу. Да место было удивительным, но Гледа бывала там редко.

Не чувствуя вкуса пищи, Гледа чего-то поела, взяла одеяло и легла прямо возле костра, чтобы уснуть почти сразу, воспринимая тихое и раздраженное бормотание Стайна, как шум листвы на ветру.

* * *

Она проснулась под утро. Небо уже понемногу светлело. Стайн и Скур сопели под одеялами у костра, Ло Фенг сидел тут же. Гледа отошла в сторону по нужде, потом умылась росой и замерла. У подножия холма, в еще не рассеявшейся темноте кто-то стоял. Против своей воле она странным образом напрягла скулы, подняла верхнюю губу, оскалила зубы и негромко зарычала. Тень из темноты не ответила. Зашуршала трава и непонятное существо удалилось. Одно. Еще одно. Кажется, не меньше пяти. Стая волков? Или собак?

Чувствуя странную свежесть, Гледа вернулась к костру. Ло Фенг, который не сдвинулся с места ни на палец, негромко сказал:

– У тебя глаза светятся.

– То есть? – не поняла Гледа.

– Как у кошки, – ответил эйконец. – Даже сильнее. Глаза кошки отражают и усиливают любое мерцание, а в твоих глазах словно огонь плещется.

– Это костер отражается, – постаралась успокоить себя Гледа. – Бликует.

– Нет, – позволил себе улыбнуться Ло Фенг. – Не лги сама себе. Ты меняешься. Это ведь ты рычала минуту назад?

– Ты услышал? – удивилась Гледа.

Ло Фенг не ответил.

– Что это были за твари? – спросила она. – Пять зверей. Волки или собаки?

– Третья стая за ночь, – ответил Ло Фенг. – Ни волки и ни собаки. Твой отец рассказывал мне... когда мы еще были на стене, про Кригера. Говорил, что ты спасла его от удара давнего приятеля, который обратился в зверя. Тут недалеко. У двойного менгира. Думаю, эти твари подобны вашему Кригеру.

– Почему они не нападают на нас? – прошептала, облизывая пересохшие губы, Гледа. – Насторожь Скура останавливает их? В лесу тоже они были?

– Насторожь Скура лишь для того, чтобы я не уснул, – ответил Ло Фенг. – Чтобы они не застигли нас врасплох. Но они не нападают по другой причине. Из-за тебя.

Он повернулся и посмотрел на нее, и именно в этот момент Гледа поняла, что ее глаза действительно светятся. В глазах эйконца как будто отражались огни. И утро еще не наступало. Это ночь стала для нее серой, и становилось все более прозрачной с каждой минутой.

– Что из-за меня? – прошептала Гледа.

– Они чувствуют, что их королева, их божество – в тебе, – ответил Ло Фенг.

– Так что же это получается? – с трудом выдохнула Гледа. – Жатва не закончилась?

– Не знаю, – сказал Ло Фенг. – Но там, где мы, там жатва.

– Мы успеем добраться до монастыря? – с надеждой спросила Гледа.

– Постараемся, – ответил Ло Фенг. – Дай мне хотя бы два месяца. Или полтора. Никогда бы не поверил, что я это говорю. Путешествия с девицами меня слегка испортили. Я пока не знаю, как мы тебя спасем, но мы сделаем это. А ты постарайся не родить ребенка раньше положенного.

– Ребенка? – удивилась она.

– Ребенка, – ответил Ло Фенг. – Именно ребенка. Кем бы он ни оказался.

* * *

Они вернулись на Старую Гебонскую дорогу у деревни Полянка. Проехали по околице, деревня казалась безлюдной, видно, немало ее жителей теперь рычало, клало клыками и сбивало росу с ночной травы в окрестных лесах и лугах, но одинокая стрела со стороны край-

ней избы все же прошуршала в сторону отряда. Ло Фенг отбил ее мечом, странным образом оказавшись точно возле Стайна, который держался первым и которому она и предназначалась, но когда Гледа обнаружила себя рычащей и разворачивающей коня, жестко остановил ее:

– Оставь их! И не забывай, что ты человек!

Гледа встряхнула головой, поймала испуганные взгляды Стайна и Скура и до самой Арки не проронила ни слова. Закрывала глаза, покачивалась в такт движению лошади и пыталась остановить собственное превращение в зверя. Вспоминала, во что превратился Кригер, вспоминала смерть убитого Кригером Флита и настойчиво повторяла про себя: «Нет, нет, нет».

Когда впереди показался огороженный частоколом холм и силуэт двойного менгира, Гледе на мгновение показалось, что она не возвращается из Опакума, а только подъезжает к хозяйству давнего приятеля отца Вегена. Что живы все ее друзья, и даже Кригер еще не превратился в зверя, а остается дружинным брюзгой и завсегдатаем трактиров. Что было бы, если бы они развернулись тогда и вернулись домой? Продали бы все, что могли, купили бы стриков, которые отодвигают смерть от жатвы, и, может быть, как-то пережили бы напасть? А кто бы тогда принял в себя эту гадость? Филия? Рит? Или еще кто-нибудь? Какое ей до этого дело?

Частокол сильно изменился за прошедшие недели. Среди составляющих его бревен имелись и свежие, недавно ошкуренные стволы. Земля возле ворот была залита кровью. Тут же в земле зияла большая яма, в которой, Гледа закрыла глаза, чтобы унять головокружение, лежали такие же твари, в одну из которых обратился Кригер.

– Мрачновато тут у вас! – крикнул Стайн, остановив лошадь у ворот. – И часто такие гости заявляются?

– Случается, – донесся усталый, но знакомый голос из-за ворот. – А вам чего надо? Следовали бы своей дорогой. Ни припасов, ни товара какого у нас нет.

– Веген! – заорал Стайн. – Я что-то не могу понять, ты меня гонишь или как? Я, конечно, не твой старый приятель Торн, но в своей дозорной башне возле Альбиуса тебя как-то привлекал. И не один раз! Или ты забыл, как звенели наши кубки?

– Стайн? – раздался удивленный возглас старшего стража двойного менгира. – Неужели ты?

И вслед за этим над воротами появилась здоровенная, пусть и покрытая нешуточными ссадинами рожа Вегена.

– Мать твою... И дочь Торна с вами... А ну-ка быстро в острог!

* * *

Разговор оказался долгим, хотя Ло Фенг и Гледа не проронили ни слова, говорил только Стайн, да и тот все время косился на Скура, который время от времени встревал и ловко разворачивал разговор в сторону, обходя и подробности страшного обряда, и подробности смерти всех тех, кто еще недавно сражался на этих стенах вместе с Вегеном. Они – все пятеро – расположились всего лишь в паре десятков шагов от продолжающего оставаться смертельно опасным двойного менгира, а возле ворот оставался теперешний отряд Вегена – пара десятков израненных стражников, полтора десятка странных воинов в черных масках и две девицы из свиты дяди Гледы – Андра и Фошта.

– Вон, боевые девки, то же самое рассказывали, – вздохнул, кряхтя, Веген. – Пришли фризы, под стрелами залили опакумский менгир кровью и превратили всю округу в еще одну пепельную пустошь. Удвоили ее. Чего они хотят-то? Неужто всю Беркану в такой край обратить?

Стайн посмотрел на Скура и пожал плечами.

– Эх Торн-Торн, – покачал головой Веген. – Шел спасать свою дочь, но погиб сам, потерял сына и почти всех воинов. Я как знал. Когда эта пакость тут с Кригером приключилась, я как знал, что так оно и будет.

– Дочь свою он спас, – обронила Гледа. – Я перед тобой, Веген.

– Вот уж не знаю, спас ли, – поморщился Веген. – Тут такое творится... В деревне ни одного жителя не осталось. И ладно бы, если бы просто ушли в лес и там зверствовать стали, половина еще здесь обращаться начала. Так что я оборонялся и снаружи, и внутри. Да и часть стражников... Остались самые стойкие. Да еще те, что прибрели к нам из неведомых краев. Видели этих в черных масках? Те же энсы, только против белых, которых мы тут рубили. Я, поначалу хотел их стрелами положить, а они встали в отдалении, и оттуда стали мне помогать. И эту клыкастую нечисть подрубали, и один отряд белых остановили. Правда, треть своих при этом потеряли. У тех же диковинные мечи, а у этих простые. Ну что ж, пришлось их впустить в острог, о чем я еще ни разу не пожалел. Жаль только, поговорить с ними толком нельзя. Они на храмовом курлычат, а у меня с храмовым сызмальства плохие дела. Через слово спотыкаюсь. Вон, те девки немного хоть помогли объясниться. Эти черные как раз и прибыли сюда, чтобы охранять менгиры от белых. Хотя они, вроде бы, говорят, что всегда здесь были. Но это уже не моя головная боль.

– А эти девки? – спросил Ло Фенг.

– Вас ждут, – сказал Веген. – Так и сказали. Придут сюда четверо, во главе – эйконец. Идут на восток. В Альбиус, я так полагаю? Хотят проситься к вам в отряд. Я бы, кстати, на вашем месте не отказался от такого пополнения. Видели яму? Вчера в ночь целая орда полезла из леса. Никогда такого ужаса не испытывал. Если бы не эти девки, плохо бы нам пришлось.

– Ты дашь нам поговорить с ними наедине? – спросил Вегена Ло Фенг.

– Дам, конечно, – кивнул Веген, вставая. – По мне бы, конечно, лучше бы они остались. И не в качестве девок, куда уж мне, а как воины. Таких ведь поискать еще. Но мне и этих черных хватит. Даже половины от них. Хорошие воины. А больше я и не прокормлю. А вы чего? – он посмотрел на Скура и Стайна. – Пошли со мной, поделюсь вином прошлого года. Я ж должен был тебе, Стайн. Забыл, что ли?

– Мудрый человек этот Веген, – заметил Ло Фенг, глядя, как от ворот идут к ним обе девицы и два человека в черных масках.

– Отец много о нем рассказывал, – ответила Гледа, морщась.

Она не хотела видеть ни Андру, ни Фошту.

– Говорил, что веселее его не было никого. Что ему всегда не везло. Всякая стрела – его. Всякая беда – тоже его. И вот, отца уже нет, а Вегену по-прежнему не везет.

– Чем обязан? – спросил на храмовом, который Гледа не слишком хорошо, но знала, у воинов в черных масках Ло Фенг.

– Вот они, – глухо, с каким-то странным акцентом, проговорил один из воинов, показывая на не проронивших ни слова девиц, – сказали, что в твоём отряде был энс, который погиб в последнем бою. Погиб с честью. Они не ошиблись? Его точно звали Кшама?

– Да, – кивнул Ло Фенг. – Мы взяли его в отряд возле тройного менгира. Далеко отсюда.

– Тут все расстояния изменились, – повел головой воин. – Хорошо. Я понял. Делайте, что хотите. Вот этот воин – его брат. Его зовут Ашман. Говорите с ним.

Воин в маске развернулся и пошел прочь. Его спутник остался. Он сделал шаг вперед и снял маску. У воина оказалось точно такое же лицо, как и у Кшамы, хотя Гледа и не приглядывалась к тому странному воину. Тогда ей было не до того.

– Ты похож на брата, – сказал Ло Фенг. – Только он был чуть пониже ростом и волосы у него были светлые.

– В мать, – ответил воин. – Мы оба похожи на отца, но у него были волосы, как у матери. Нас было двое братьев. Где он похоронен?

– Ты вряд ли попадешь туда, – покачал головой Ло Фенг. – Это на западе. Крепость Опакум. На месте залитого кровью и исчезнувшего менгира.

– Как он погиб? – спросил воин.

– Он сражался со жнецом, – пожал плечами Ло Фенг.

– Это достойная смерть, – заметил воин. – А что стало со жнецом? Как вы уцелели?

– Мы его убили, – ответил Ло Фенг.

– Его нельзя убить! – удивился воин.

– У нас было особое оружие, – сказал Ло Фенг. – Сделанное из священного камня. Что ты еще хочешь узнать.

– Ничего, – ответил воин. – Я хотел бы пойти с вами.

– Зачем? – спросил Ло Фенг.

– Мой брат пошел с вами, а он был старшим, – пожал плечами воин. – Я всегда подражал ему.

– Наш путь неблизкий, – заметил Ло Фенг.

– Длиннее путь, длиннее жизнь, – ответил воин.

– Из моего отряда, в котором был твой брат, осталось всего двое, – сказал Ло Фенг. – Причем второй – не здесь. Все остальные – погибли.

– Значит, ты служишь важному делу, если продолжаешь свой путь, – сказал воин. – Я хотел бы пойти с вами.

– И ты готов погибнуть? – уточнил Ло Фенг.

– Я готов идти с вами и сражаться, – ответил воин. – А остальное в руках судьбы.

Ло Фенг посмотрел на Гледу. Она кивнула.

– Ладно, – сказал эйконец после паузы. – Будь готов. Выходим завтра на рассвете. Только не надевай маску. Мы не скрываем лиц.

– А как поступал мой брат? – спросил воин.

– Он не сразу снял ее, – ответил Ло Фенг, – а потом надевал только в бою.

– Хорошо, – кивнул воин, надел маску и пошел обратно к воротам.

– Что-то я выговорил сегодня слов уже больше, чем за весь последний месяц, – сказал Гледе Ло Фенг. – Теперь буду молчать столько же. Но сначала разберусь с этими девушками. Вы тоже хотите с нами?

– Да, – сказали они хором.

– Вы преследовали нас, а в ночь перед выходом подслушивали наши разговоры, повиснув под дном повозки, – добавил Ло Фенг.

– Не только в ночь перед выходом, – ответила одна из девиц. – Сменяя друг друга, мы висели там две недели. И на ходу в том числе.

– Вы пытались убить Гледу и ее брата, – продолжил Ло Фенг. – И убили деда Гледы.

– По приказу ее дяди, – ответила одна из девиц. – Разве эйконцы поступают не так же?

– Почему мы должны брать вас с собой? – спросил Ло Фенг.

– Потому что мы все равно идем туда же, – сказала одна из них.

– Потому что мы знаем ваш секрет и никому о нем не рассказали, – сказала другая.

– Потому что мы из того самого монастыря, – добавила первая, – и только мы знаем все его тайные входы и выходы.

– А не проще ли убить вас? – спросил Ло Фенг.

– Убей, – сказали они хором, расстегнули пояса и бросили их к ногам Ло Фенга вместе с оружием.

– Вы готовы поклясться в верности и подчинении? – спросил Ло Фенг.

Тишина повисла над холмом. Казалось, что слышна каждая пичуга в ближайшем переледке, хотя до него было не менее трети лиги. Наконец одна из этих девиц, которые были похожи друг на друга, как два яйца, снесенных одной курицей, сказала:

– Нет.

– Почему? – нахмурился Ло Фенг.

– Мы уже были в верности и подчинении, – ответила она. – Эта наша верность и подчинение, которые в нас вдалбливали в монастыре двадцать лет с того момента, как мы выучили первое слово, и привела ко всему тому, что мы натворили. Уже пару недель мы служим только себе. И это нам нравится. И будем служить только себе. Как и ты, эйконец. И как твоя спутница. И как этот колдун и этот воин. Разве тебе нужны в походе рабы?

– Друзьями я вас тоже назвать не могу, – заметил Ло Фенг.

– Мы согласны и на спутниц, – ответила девушка.

– Зачем вам это? – спросила вдруг Гледа.

Они ответили не сразу. Потом та, что больше молчала, прошептала:

– За тем же, зачем и тебе. И эйконцу. И всем, кто идет с тобой.

– Разве непонятно? – подала голос другая. – Это же... как дышать.

– К тому же, – добавила первая, – с вами безопасней. Эти твари обходят вас стороной.

– Думаете, нет таких тварей, которые не обойдут нас стороной? – спросила Гледа.

– Вот тогда мы и пригодимся, – ответила вторая.

Гледа встретила взглядом с эйконцем и кивнула ему.

– Вы слышали, когда мы отправляемся, – сказал Ло Фенг.

– Еще одно, – сказала одна из них и показала на Гледу. – Надо что-то делать. Или жмуриться или как-то овладевать собой. У тебя светятся глаза. В темноте это заметно чуть ли не на четверть лиги. А то и дальше. Хотя это и не наше дело.

Когда довольные девицы удалились, Ло Фенг спросил:

– Почему?

– Хуже не будет, – ответила Гледа.

Глава четвертая. Беспокойство

«Легче разглядеть утраченное, чем то, что в руках».
Трижды вернувшийся. Книга пророчеств

Этот город ничем не напоминает города Фризы, думала Рит, когда их отряд еще только приближался к Урсусу, представить во фризских городах белые стены или белые дома было немыслимо. Но теперь, когда они с Фирией торопились в окружении охраны к королевскому дворцу, ей уже так не казалось. Да, улицы Урсуса были шире улиц большинства фризских городов, да и в домах, которые их составляли, не наблюдалось избытка помпезности и чванства, которые накладывали во Фризе отпечаток на все, но сам городской воздух казался по-фризски удушливым, да и смертный ужас стоял над городом, хотя ни одного жителя вооруженный эскорт не встретил до самого дворца – только стражники стояли на каждом углу, да конные дозоры мелькали на параллельных улицах.

Кованые ворота дворцового двора начали распахиваться загодя, как будто впереди отряда Хелта шествовал горластый глашатай или звонкий трубач, но, заведя в воротах все еще покрытого повязками верзилу Эйка, Рит поняла – на праздный отдых в дворцовых покоях им рассчитывать не приходится.

– Через час уходим, – процедил сквозь зубы, обращаясь прежде всего к Фирии и Хелту, Эйк. – Вы, во всяком случае. Надеюсь, четверти часа хватит, чтобы женщины привели себя в порядок? Король и предстоятель Храма будут ожидать вас в круглом зале. Хелт, выдели пятерых стражников, а сам останься, мне нужно с тобой переговорить. Да, в женскую комнату и на аудиенцию вас проводит бургомистр.

Только теперь Рит заметила потного вельможу, которые переминался с ноги на ногу у ступеней возле одной из дверей. Управитель города явно был не столь уязвлен понижением своего статуса, сколь растерян и перепуган. Но важным было не это, а то, что обширный двор оказался заполнен лошадьми и воинами, и не все из них были из отряда короля Ходы. Десятка два или три лошадей несли на себе цвета Исаны – белый и красный.

– Что в городе? – спросила у Эйка Фирия. – Какие еще есть новости кроме осколков посуды на всех мостовых, что замечены, но не убраны полностью?

– Новости? – на мгновение замешкался Эйк. – Новости вы узнаете в круглом зале. А об остальном я могу сказать лишь одно – не всегда после жатвы следует отдых. Иногда начинается безумие.

– Пошли... – пролепетал вельможа. – Я бургомистр Ярн.

– И вот еще что, – понизил голос Эйк, придержав Фирию за локоть. – Что бы ни сказал король, не спорьте. Договариваться некогда, примите все как данность.

– Что именно? – встревожилась Рит.

– Все, – твердо сказал Эйк.

– Не волнуйся, – с некоторым беспокойством прошептала Фирия уже во дворце, когда первый и довольно узкий коридор остался за спиной, и они вместе с бургомистром, который семенил впереди, то и дело оглядываясь на двух странных женщин, умудряющихся совмещать платья и мечи на поясах, вошли под своды, достойные королевских покоев. Белокаменные колонны тонкой работы поднимались высоко вверх, где на них опиралась ажурная застекленная крыша. Набранные из разноцветного мрамора мозаичные полы отсвечивали солнечными лучами.

«Я бы была не прочь, проснувшись в теплой постели, выйти в такой коридор», – подумала Рит, зная, что такое зимние вьюги.

– Здесь, – вытер пот со лба, остановившись у роскошных резных дверей, бургомистр. – Покои покойной королевы-матери. Тьфу. Королевы-бабушки. Королева мать не успела их толком приспособить под себя. Что-то зачастили наши венценосные особы умирать. Все, что может понадобиться, найдется за этой дверью. Дальше проходить не нужно. Впрочем, остальные двери закрыты. За ширмой теплая вода, полотенца, благовония и все, что нужно, чтобы справить нужду. Сожалею, но переодеться вы не успеете. Да и не вижу я у вас с собой багажа. У вас хоть слуги есть? Или вы сами они и есть?

– Почему такая спешка? – властным тоном, которого Рит не могла даже и предполагать в своей спутнице, поинтересовалась Филия.

– Помилуйте, – прищурился бургомистр. – Святые боги? Что б мне сдохнуть... Не дочь ли Унды передо мной?

– Почему такая спешка, бургомистр Ярн? – повторила вопрос Филия. – Отчего вы окаменели? Я же не спрашиваю о своем сгоревшем доме, о нем вас будет спрашивать уже король. Что касается слуг, я вижу сразу шестерых. Хотя, что это со мной? Пятеро – это охрана.

– Вот демон, – шумно выдохнул бургомистр. – Случается же такая напасть...

– Подумайте об этом, бургомистр, – понизила голос Филия, подталкивая Рит к резной двери. – У вас не больше десяти минут.

* * *

За дверью оказалась и в самом деле роскошная и довольно большая комната. Она была украшена изящной лепниной и задрапирована дорогими тканями, за которыми скрывались четыре резные двери, но, к сожалению, не было ни одного окна. Выставленные на золоченные подставки масляные лампы наполняли комнату удушливым запахом, хотя отражающиеся в многочисленных зеркалах огни производили завораживающее впечатление. Тем не менее Рит сразу же захотелось выйти из этих забытых покоев на свежий воздух. Она взглянула на фаянсовые чаши, предназначенные для срочного облегчения, и решительно замотала головой:

– Не приучена. Да и не ко времени.

– Это точно, – согласилась Филия, расстегивая платье, – но бросить несколько пригоршней воды на грудь я не откажусь. А вот благовония не слишком жалую. Хотя вот это... заслуживает внимания. Лепестки роз, настоянные на гебонских древесных экстрактах. Редкое сырье даже в вельможных домах...

Рит тоже стала распускать завязи платья и одновременно с этим стянула с головы платок. В зеркале отразилась стройная дева с черными волосами.

– Уж прости, но в ближайшие полгода никаких рыжих корней, – засмеялась Филия. – И никаких веснушек. Травы травами, но и немного колдовства тоже не повредит. Хотя, если нужда заставит вернуть тебя к привычному облику... За час я управлюсь. О чем задумалась? О срочном вызове к королю?

– О том, что в платье неплохо, но хотелось бы вернуться к портам, – ответила, подходя к серебряному тазу с теплой водой, Рит. – Они ведь тоже часть моего привычного облика? И еще о том, что прожить эти самые полгода будет очень непросто.

– Да, – согласилась Филия. – Так далеко лучше не загадывать.

– Ну и конечно о том, – вздохнула Рит, омывая грудь, бока, руки и даже часть живота, – что я с большим удовольствием посидела бы в этом тазу. А еще лучше поплавала бы в холодной воде.

– Ты же из степей? – заинтересовалась Филия. – Там ведь не так уж много воды. Или нет?

– Ну, конечно, – засмеялась Рит, затягивая завязи. – Зачем нужна вода, если повсюду пыль? Она хорошо впитывает пот, отряхнулся – и словно умылся. Нет, Филия. В степи много

воды. Просто нужно знать – где и когда. Зато все видно. Купаешься в степной речке, никого не боясь. До горизонта – ни души. Разве только танцующий дервиш пронесется цветным вихрем.

– Мать все пыталась достучаться до местных... богов или чего-то такого, – вздохнула Филия. – У нее ничего не вышло. Почти ничего...

– Может и вышло, просто она этого не поняла, – пожала плечами Рит. – Моя бабка, да пошлют боги ей еще годы и годы бодрости и здоровья, всегда повторяла, что уметь кричать мало. Надо еще уметь слышать.

– Она умеет? – спросила Филия.

– Не знаю, – ответила Рит. – Раньше я думала, что умеет. А теперь уже не уверена. Почему бургомистр назвал тебя дочерью Унды? Разве твою мать зовут не Чила?

– Чилдао, – ответила Филия. – Если уж называть так, как есть, то Чилдао. Самая загадочная и самая удивительная женщина, которую я встречала, это она и есть. А что касается Унды... У матери было и есть много имен. Для разных случаев, разных городов, разных знакомств. Я всегда удивлялась, как она их все запоминает.

– Что это за камни? – спросила Рит. – Ты помнишь? Те браслеты, что остались на руках Гледы? Ты же ведь достала из земли у себя дома такие же камни?

– Да, – кивнула Филия. – У матери был запас. Это камни с храмовых ожерелий. Мать обследовала столько древних храмов, что... Хватило на браслеты, которые она носила не снимая, на браслеты для Гледы, на браслеты для меня... И, как ты поняла, кое-что еще и осталось. Подожди, я еще и для тебя сделаю браслеты. Тебе они так просто необходимы. Ни один камень не пропадет зря. А я ведь в детстве смеялась над ней. Возится... со всяким мусором. И это еще она брала не все, а только те, которые отзывались.

– Отзывались? – не поняла Рит.

– У тебя в груди камни эйконцев? – спросила Филия.

– Да, – кивнула Рит, прижимая ладонь к груди. – Священные камни эйконцев, в которых заключено наследие их воинов. Ло Фенг вырезал их из собственного тела и вставил мне в грудь, чтобы спасти меня. Нарушил законы своего племени. Рискнул собственной жизнью ради меня.

– Что его заставило сделать это? – спросила Филия. – Какое-то особое отношение к тебе?

– Возможно, – задумалась Рит. – Но не то отношение, которое заставляет мужчину одаривать избранницу безделушками. Во всяком случае мне так показалось.

– Этот камень... он что-то дал тебе кроме здоровья? – спросила Филия.

– Я не могу сказать точно, – призналась Рит. – Эйконцы проходят множество сложных обрядов, предания говорят, что вместе с камнем передаются умения, даже дух воина. Я обошлась и без обрядов, и без умений. Но что-то во мне изменилось определенно. Появилась какая-то обреченность... Хотя, нет. Неудачное слово. Появилось спокойствие. Понимаешь?

– Надеюсь, – кивнула Филия. – Мать мне рассказывала о камнях эйконцев. Когда я уже чуть поумнела. По сути они напоминают стриксы. Полудрагоценные камни, что добываются из менгиров. Более того, именно так они и добываются. И так же, как и стриксы, помогают пережить жатву. Но камни эйконцев – это больше, чем стриксы. Это еще и особая магия.

– И что это значит? – не поняла Рит.

– Для эйконцев – многое, – сказала Филия. – А для всех остальных считай, что и почти ничего. Нужно быть эйконцем, чтобы использовать их. Или такой, как ты...

– А камни твоей матери? – спросила Рит. – Что в них?

– Тоже как будто ничего особенного, – ответила Филия. – Но только на первый взгляд. У них есть голос, поверь мне. Может быть, ты и услышишь его однажды. Во всяком случае, Гледу спасли именно они.

– Спасли ли? – спросила Рит. – Или только отсрочили ее гибель?

– Надеюсь, что спасли, – пробормотала Филия. – Те камни и эти, что я взяла из земли, это камни из алтарей древних храмов трижды пришедшего. Я мало о нем знаю и с удовольствием

поговорила бы об этом с кем-то мудрым, но мать говорила, что остался лишь один знаток древних рукописей, который мог бы ответить на все мои вопросы, но он уже очень стар и обитает то в Исане, то в Перте. Далековато. Сидит при храме, разбирает ветхие рукописи. Прячется от всех. Не любит новых знакомств, опасается старых. Его зовут Хеммелиг. Книжник Хеммелиг. И работа у него – просто мечта. Я бы и сама с удовольствием смахивала пыль с древних пергаментов и разбирала буквицы. Пожалуй, нам бы не помешал его совет. Мать говорила, что если я назову ее имя, то он станет говорить со мной, но я должна быть очень осторожной с ним.

– Почему? – спросила Рит.

– Великая мудрость может обратиться в великую силу, – задумалась Филия. – А сила не может опираться только на мудрость, ей еще нужно и сердце. Мать не знала, какое у него сердце. Не поняла. Я, кстати, всерьез думаю, что было бы неплохо спросить у него совета, как быть с Гледой. Понятно, не выдавая сути, и все же. Кто его знает, вдруг наш путь к райдонскому монастырю пройдет через Ису или Перту?

– Ты спросишь у него, как быть со мной, – с улыбкой поправила Филию Рит. – А я буду стоять рядом с округлившимся животом. Набью под платье какого-нибудь тряпья. И кстати, давай не будем упоминать Гледу даже тогда, когда мы вроде бы одни.

– Это правильно, – согласилась Филия, отряхивая платье.

– И все же странно, – покачала головой Рит. – Тысячи лет люди поклонялись человеку, который прославился тем, что трижды приходил в какую-то деревню, где люди забыли о том, что такое бог, правда, уважение, честь, достоинство, и его трижды убивали. Трижды забрасывали камнями. И это стало поводом для культа. Люди поклонялись униженному и оскорбленному. Поклонялись проигравшему. Набивали алтари фальшивыми камнями. Моя бабка говорила, что если собрать все эти якобы священные камни, то можно насыпать курган высотой в пару десятков локтей.

– Это точно, – засмеялась Филия. – Камней таких было слишком много. Но, во-первых, моя мать брала не все камни, и лишь некоторые. А во-вторых, есть и еще одно. Тысячи лет к этим камням люди обращали свои молитвы, желания, просьбы. Тысячи лет несли к ним свою веру. И они стали не просто камнями.

– От человеческих прикосновений? – усмехнулась Рит.

– Да, – кивнула Филия, – как это ни странно. От прикосновений и желаний. От упований и слез. Но ты забыла еще одно. Трижды пришедшего убили трижды. Но в деревню-то он пришел четыре раза. И в четвертый раз камни пролетали сквозь него, не причиняя ему вреда.

– Он стал призраком? – прищурилась Рит.

– А два камня, которые до сих пор не найдены, и которые считаются величайшими святынями, он поймал, – продолжила Филия. – Призраки камни не ловят. И он вроде бы положил их на большой валун, где потом был построен первый храм трижды пришедшего. Хотя тут предания расходятся.

– И где же этот храм? Где эта деревня? – спросила Рит.

– На него упала звезда смерти, – развела руками Филия. – Или покоище, как говорила моя мама. Правда, кое-кто называет его колыбелью. Впрочем, какая разница? Это в самом центре Хели. Теперь там мертвая пустыня.

– Вот, – кивнула Рит. – Так новые боги побеждают старых. Падая им на голову. И ничего с этим не поделаешь.

– Это мы еще увидим, – прошептала, к чему-то прислушиваясь, Филия.

– Эй! – раздался приглушенный стук в дверь и голос бургомистра. – Любезные! Вам следует поторопиться!

– Кстати, – заметила Филия. – Этот толстый и потный сановник едва не приговорил отца Гледы к смерти на городском эшафоте. Точнее приговорил.

– И что же ему помешало привести приговор в исполнение? – спросила Рит, закрывая лицо платком.

– Не что-то, а кто-то... – прошептала Филия.

* * *

Тень накрыла дворец как раз в тот момент, когда Рит и Филия вернулись в коридор. Все так же сияло солнце в прозрачной крыше, и так же, отзываясь на редкие клочья облаков в небе, подрагивали солнечные пятна на мраморном полу, но у стен за колоннами, за складками штор, в дальних углах уже начинал расти ужас. Он поднялся вдоль искусных барельефов до прозрачных сводов, разбежался вправо и влево, заставил синее небо над головой не поблкнуть, но остекленеть и сгустился мутным пологом в дальнем конце коридора – как раз там, куда уже было собрался вести двух доверенных ему особ бургомистр.

«Проклятье», – скрипнула зубами Рит, потому что вспомнила, как на главную площадь Водана вышел жнец, чтобы карать и терзать несчастных, и она сама висела на пыточном столбе среди обреченных на казнь. Кажется, все повторялось. Или нет? Разве теперь она висит на пыточном столбе?

Загремели доспехами, повалившись пятью беспомощными куклами, пять стражников за спиной Рит. Захныкал, заскулил, согнулся, уткнулся толстым лицом в мраморный пол бургомистр Ярн и тут же обмяк и, судя по расползающемуся темному пятну, обмочился. Филия устояла. Устояла, как и у врат Опакума. Обернулась и процедила сквозь стиснутые зубы:

– Стоишь? Значит, я в тебе не ошиблась. Держись, что было сил. И закрывайся! Закрывайся, как можешь. Никогда не поверю, что не учили тебя этому. Ты же ведьма. Точно ведьма, будь я проклята!

Сказала и тут же упала на колени, но не потому, что не могла больше стоять, а для того, чтобы рассыпать за спиной вынутые из земли камни. Бросить их к Рит под ноги. А уже после этого сплести пальцы рук и, поднеся их к глазам, запеть странным скрипучим голосом что-то тягучее и древнее, одну из тех песен, что не могла узнать даже Рит, поскольку и в том сгинувшем мире, где они когда-то звучали, их забыли за тысячи лет до окончательного смертного дня.

«Ведьма, – подумала Рит. – И бабка Лиса говорила, что уродилась же в их семье ведьма, хотя и саму бабку все числили ведьмой, но кем же надо было уродиться, чтобы ведьма ведьму ведьмой окликать была готова? Нет, бабка зря говорить бы не стала. Иначе зачем бы она стала учить рыжую внучку всяким колдовским премудростям?»

Не стала Рит сплести пальцы, хотя и это таинство знала. Вообще ничего не стала смыкать, хотя и почувствовала, как стали припекать ее зажившую плоть камни Ло Фенга. Нет, она расставила руки в стороны. Расставила и разлетелась на пылинки, пусть даже и осталась стоять, где стояла. Выросла до потолка, до свода, до входа в этот светлый коридор, что больше походил на вытянутый между колоннами зал. Разбежалась от входа до выхода, до тупика, до темного полога, в котором уже стало проступать что-то огромное и невыносимо страшное. Что-то напоминающее плывущего в клубах пара мертвеца. Чудовище с мертвыми глазами под мертвыми веками. С глазами, которые не могут видеть, а все одно вращаются и высматривают что-то. Медленно и осторожно, словно бояться наткнуться на что-то такое, чего положено бояться и этому мертвецу. И вот, кажется, увидели что-то. Остекленели точно так же, как и остекленело синее небо над головой, и вдруг расплылись клубами, как расплываются дымные кольца над храмовыми курительницами от случайного сквозняка.

– Все, – пробормотала Филия и обмякла, не села, а сползла с собственных пяток на пол, с трудом переводя дыхание, и тут же стала собирать в холщевый кисет камни, выискивая даже мелкие. – Почувствовала помощь?

– Не знаю, – удивилась Рит и замотала головой, не было никого ни в дальнем конце коридора, ни по стенам, ни за спиной. – Помощи вроде и не почувствовала, но казалось, что стою на твердом. Словно приросла к полу.

– Это как раз помощь и есть, – с укоризной прошептала Филия, затягивая кисет и поднимаясь на ноги. – Опора – лучшая помощь. С хорошей опорой умеючи можно и не только башню какую, но и утес своротить.

– Зачем утес-то? – не поняла Рит.

– В том-то и дело, что незачем, – засмеялась Филия, сделала шаг в сторону, посмотрела на стражников, которые вроде бы начали позвякивать доспехами, шевелиться, хотела было плюнуть на дрожащего бургомистра, но сдержалась и только одно сказала Рит, прежде чем махнуть рукой в конец коридора, пора мол нам в круглый зал. – Присматриваются они к нам. На рыбалке так бывает. Снасть подрагивает, но в глубину не срывается. Пробует рыба наживку, пробует.

– Надеюсь, не на зуб? – спросила Рит.

– Не знаю пока, – хмыкнула Филия. – Может, и до зуба дойдет, если что не додумаем или не остережемся. Пока что ты была на высоте. Вот уж чего я даже предполагать не могла, так это того, что ты наговор рассеивания знаешь, да еще и без слов и без рисунков его лепишь. Ты просто шкатулка с сюрпризами.

– Хотелось бы, чтобы сюрпризы оставались внутри шкатулки, – кивнула Рит. – Кто это был?

– Жнец, конечно, – пожала плечами Филия. – Кто же еще? Но не в полноте своей, а лишь проблеском. Сумела разглядеть что-нибудь? Я боялась взгляд жнеца поймать. Нельзя мне со жнецом взглядами мериться.

– Это еще почему? – не поняла Рит.

– Мать мою проглядеть может, – ответила Филия. – Порода мою проглядеть может. И сделать со мной то же самое, что сделали с Аммой в Опакуме. Хотя, надеюсь, что я устою...

– Ты что мелешь? – не поняла Рит. – Ты умбра разве?

– Полукровка, – засмеялась Филия. – Поверь мне, и не из такого умбра вымешивались. Так что ты видела?

– Мертвеца, – прошептала Рит. – Высокого, покрытого мертвой кожей, лысого и с мертвыми глазами...

– Коронзон, мать твою, – покачала головой Филия. – Он, кстати, и спас отца Гледы от эшафота.

– Почему? – спросила Рит.

– Его об этом Бланс попросил, – вздохнула Филия. – Очень попросил.

* * *

В круглом зале было полно стражников, но вид у них был весьма плачевный. На невысоком троне, скорее напоминающем обычное старое кресло, которых полно в любом вельможном или купеческом доме, сидел слегка побледневший и уставший Ходе. Рядом с ним стоял Эйк. Прочие стражники переминались с ноги на ногу. Зато десяток стражников с золотом и серебром на воротниках стояли как влитые. Невысокий, чуть полноватый сановник ласково втолковывал Ходе:

– Уже и жатва на исход пошла, а все одно – порывами ужас доносится. Верно, бродит вместе с ветром томимый то ли похотью, то ли голодом один из жнецов. Ничего. Доберется до какого-нибудь менгира, упьется силушки дармовой и уймется до следующей жатвы. Не сразу, не сразу. А пока да, с ног сшибает. Особенно тех, кто с непривычки.

– Отчего же ваши стражники, ваше святейшество, как стояли, так и стоят? – спросил Хода. – А мои повалились?

– Это от недостатка веры, – развел руками, как поняла Рит, все же не сановник, а храмовник. – Веру укреплять надо. Денно и ночью. Не позволяя себе ни лениться, ни предаваться унынию. И тогда никто – ни враг, ни жнец, богами посланный во исполнении кары их, не поколеблют вас, ваше величество. Впрочем, я смотрю, наше уединение нарушено? Хотя, какое может быть уединение в окружении стражи, даже если мы этих бравых воинов сочтем немymi, глухими и бессловесными?

– Да, у нас гости, – поморщился, словно ему был неприятен улыбающийся храмовник, Хода. – О них я и говорил вам, ваше святейшество. О той девице речь шла. У которой лицо скрыто платком.

– А не рано ли? – усомнился храмовник, оглядываясь и строя кислую рожу. – Может быть, не время еще для плотских радостей? Двойной траур в вашем королевстве. Только схоронили короля-отца, сразу за этим горем пережили страшную гибель короля сына в Опакуме, и что же теперь? Неужели всеми сберегаемый король-внук решил прервать траур? А если опять война? Да и с жатвой одни неясности. Не жнец ли тенью только что проскользнул над вашим дворцом, ваше величество?

– Вам виднее, что тут над нами проскользнуло, – ответил Хода. – Это же ваши стражники устояли? Мои попадали. Один воевода Эйк на ногах остался. Но он-то и не мог упасть, при его росте падать накладно, разбиться можно. Да и я не упал лишь потому, что сидел. А вот мне виднее то, что случится, если я наследника не оставлю. Род мой прервется. Династия прекратится. Или вам, ваше святейшество, неизвестно, что мое королевство граничное? Что ослабевшая Гебона может влить в себя фризские тысячи и напасть на мои земли? А уж если я погибну, прервав престолонаследие, точно нападет. Хотя бы потому, что мой род с королями Гебоны в дальнем родстве. Вам это ясно?

– Как никому другому, – пожал плечами храмовник. – Но ведь и траур отменить нет никакой возможности.

– А я и не прошу отменять траур, – сказал Хода. – Однако и в трауре крестьяне выращивают и собирают урожай. И в трауре создаются семьи и рождаются дети. И никакой траур не заставит йеранское войско сложить оружие и бросить отчизну на произвол судьбы. Я настаиваю, ваше святейшество.

– Выход из этого тупика возможен лишь один, – вздохнул улыбчивый храмовник. – Вам следует предстать со своей избранницей у алтаря одного из двух центральных храмов – или в Исе, или в Перте. Только там сила божественного дыхания сильнее ветра сущего. Только там ваше величество получит благословение.

– Значит, так тому и быть, – кивнул Хода. – И я туда отправлюсь сразу вслед за своей невестой. Так, как положено по всем обычаям.

– Что ж, – прищурился храмовник, – буду рад засвидетельствовать божественное благословение в любом из этих двух храмов. А это, значит, избранница. И не одна... Даже с... тетушкой? Или с сестрой?

– С подругой, – ответил Хода. – Со старшей подругой. И я спешу вас успокоить, моя избранница высоких кровей. Из семейства кимрских вождей. Но имя назвать не могу. Они чтут обычаи Берканы, я должен относиться с уважением к их укладу.

– Кругом условности, – покачал головой храмовник, вглядываясь в лицо ошеломленной Рит. – Ну да ладно. Не в моих правилах, но оставить вашу избранницу без храмового попечения я не могу. Варга!

– Слушаю вас, ваше святейшество, – вышел из-за ряда храмовых воинов худой и хмурый молодой человек.

– Определяю тебе послушание королю Хода, – отрывисто произнес храмовник. – Будешь сопровождать девицу его до того алтаря, где будет решена судьба ее. И отвечать головой своей за всякое покушение даже на ее тень. Ясно?

– Слушаюсь, ваше святейшество, – склонил голову Варга.

– Иди теперь, – приказал ему храмовник. – Жди во дворе.

А когда молодой храмовник ушел, повернулся к королю.

– Один из лучших учеников. И в деле защиты храма, и в служении владыкам небесным. Воспитанник того самого одалского монастыря, из которого мало кто выходит в полном чине и преображении, но не потому, что вход сложен, а потому, что выход узок. Так вот он из тех, кто выдержал все испытания. Первый ученик самого Шолда. Из молодых, конечно. Но это кое-что, да значит. Ну ладно, покидаю я вас, но мои упования остаются с вами. А я буду сопровождать вас молитвами. Хотя, возможно, и совпадут наши дорожки. Низкий поклон вам, ваше величество.

– Почитание и преклонение вам, ваше святейшество, – поднялся с трона Хода.

– Увидимся, – поклонился храмовник и двинулся к выходу, не преминув окинуть Рит и Филию еще одним, но уже презрительным взглядом.

Король дождался, когда храмовые воины покинут круглый зал и негромко произнес:

– А теперь – мигом. Все вон. Ждать с той стороны дверей! Остаются только Эйк и женщины. Быстро!

* * *

– Что это было? – с вытаращенными глазами прошипела Рит.

– Предстоятель всего Храма Кары Богов, – пораженно прошептала Филия. – Или, как он любит, чтобы его звали, мастер Лур. Вот уж не думала, что его может сюда занести. Вообще-то мы нанесли ему оскорбление, потому как должны были пасть ниц перед их святейшеством. Хотя, в присутствии короля... Но ненавистью меня окатило.

– Я не об этом! – процедила сквозь зубы Рит.

– А о чем? – не поняла Филия. – Неужели о замужестве?

– Вот уж не знаю, что и говорить, – сказал Хода, и Рит поняла, что кроме них с Филией, Эйка и короля в зале никого не осталось.

– То ли просить прощения, что эту хитрость в свет двинул, не посоветовавшись с вами, Рит и Филия. То ли просить прощения, что это всего лишь хитрость, а не намерение.

– Просить прощение не обязательно, – твердо сказала Рит. – Если это хитрость, конечно.

– Значит, так тому и быть, – кивнул Хода. – А теперь слушайте новости, которые оказывают нас друг за другом, словно мы на полосе прибое оказались. Жатва то ли завершена, то ли нет, но в деревнях и в городах и нашего королевства, и всех прочих творится непотребное, хотя в Одале вроде дела поспокойнее, чем в Йеране. Не считая севера, конечно. Менгиры большей частью остаются смертельно опасными, да и язвы на шеи продолжают садиться, хотя у многих они зарубцевались и стриксов в таком количестве для исцеления больше не требуют. Храмового бальзама вполне достаточно для того, чтобы сдержать заразу. Но вместе с тем многие подданные впадают в безумство – бьют посуду, всю какую найдут, чтобы в том же безумии побрести по дорогам неведомо куда. Некоторые на юг, некоторые на север, некоторые в другие стороны. И будут так идти до тех пор, пока не собьют ноги в кровь, а потом упадут на колени и поползут.

– Простите, ваше величество, – подала голос Филия, – но мы этого пока вроде бы не наблюдали?

– Так это описал храмовник Лур, – скривился Хода. – Так будет. И я склонен ему верить. Хотя бы потому, что часть его предсказаний уже исполнилась. Посуда бьется, жители исчезают,

и некоторые из них обращаются в зверей. Слышали историю Кригера? Я своими глазами видел человека, который обращается в зверя. А старого слугу в Опакуме помните? Старый зверь опасен не менее молодого. И стража доносит, что такого зверья в окрестностях Урсуса уже довольно. Или в твоём доме, Филия, не зверь выбрался из катакомб? Эйк передал мне рассказ Хелта.

– Зверь, – кивнула Филия. – Но мне интересно, как это все объясняет предстоятель Храма?

– Он говорит, что жатва не избыла грехов Берканы, – ответил Хода. – Слишком много их накопилось. И слишком короткой она была, если она, конечно, завершилась. Но это ещё не все новости, дорогие мои. Новое войско Фризы вышло к трём менгирам. Пока что вроде бы дальше идти не собирается, но не для того же, чтобы покрасоваться, оно топчет Хмельную Падь? Его святейшество говорит, что Фриза собирается изгнать из степи все живое. И охотников, и кимров. Тех, кто будет сопротивляться, сбросит в пропасти провалов. А затем перегорит Долину Милости и навсегда отделит Беркану от большей части Терминума. Как неизлечимую скверну.

– Не верю ни единому слову его святейшества, – негромко заметила Филия.

– Думаешь, что это все часть того обряда, что свершился в Опакуме? – спросил Хода.

– Да, – кивнула Филия. – Но к войне надо готовиться. Если нам удастся разрешить то бремя, что повисло на нас, то Фриза двинет свое войско на Беркану. Если не удастся, сделает то же самое.

– Ради чего? – нахмурился Хода.

– В обоих случаях – ради пролития крови, – ответила Филия. – И берканской, и фризской. Кровь – это пища той сущности, что хочет обрести полноту бытия.

– Значит, для нас ничего не меняется... – задумался Хода.

– Все меняется, – не согласилась Филия. – Каждый день, каждый час, каждую минуту. Но цель остается прежней.

– Я тебя понял, – кивнул Хода. – Значит, слушайте мое решение. Во исполнение нашей цели ты со своей подопечной отправишься в сторону Исы. И Иса, и Перта – это наши остановки на пути к Райдонскому монастырю. Я, как и положено по обычаю, буду следовать за вами в дне или двух днях пути. Но сначала мы все остановимся в Заячьем остроге. Для того, чтобы рукоположить наместника трона, а оставить королевство без наместника я не могу, нужна особа королевской крови. А в Заячьем дозоре как раз набирается сил после тяжелого ранения Хедерлиг – принц Исаны. Вы должны были увидеть лошадей его посланника – мастера Лона. Хотя, возможно, мы сделаем это в более подходящем месте. У примеру, в храме или ратуше ближайшего города.

Хода помолчал несколько секунду, потом с хрустом сжал кулаки.

– Все сложно. Могу сказать это только вам и вот Эйку. Много я бы отдал, чтобы все продолжалось так, как и шло пару месяцев назад. Альбиус, рота одалских стрелков, в которой почти никто не знает, что я королевской крови, юная Гледа с вечно прикушенной от старания губой, ее строгий отец, мои друзья... Для того, чтобы приглядеться к счастью, надо от него отдалиться. Так, кажется, написано в храмовых книгах? Но прошлого не вернешь. Ладно. Это была минута слабости. Лон и принес в Урсус вести обо всем происходящем в округе. И эти вести неутешительные. Но никакие вести не заставят нас изменить наше решение.

– Кто станет вашим наместником? – спросила Филия.

– Наместником может стать только тот, кто проявил себя на поле битвы и заслужил полное доверие короля, – твердо сказал Хода.

– Я все еще протестую, – уныло заметил Эйк.

– А я все еще не принимаю твой протест, – развел руками Хода.

– Что ж, – задумалась Филия. – Хотя бы о престоле Йераны мы пока что сможем не беспокоиться.

– Мне нравится твое «мы», – устало улыбнулся Хода. – Вы выходите немедленно. Я отдаю вам Хелта, но Эйк уже подобрал в его двадцатку воинов покрепче. Так же вас будет сопровождать до самого Заячьего острога и Лон со своими воинами. Я имел с ним дело, и доверяю ему как себе, пусть даже он и производит впечатление брюзги. Остальное обсудим позже. После крепости мне будет спокойнее. До гебонской войны Заячий острог стоял на границе моего королевства. Проклятье, я же не должен видаться с вами теперь... Ладно, что-нибудь придумаем. Еще вопросы есть?

– Я хотела узнать насчет кимров, – подала голос Рит. – Их не так просто вытеснить в Долину милости. Их немало. Насколько велико войско Фризы относительно того, что штурмовало Опакум?

– Оно больше стократ, – ответил Хода. – И это преуменьшенные оценки. Но я полагаю, что кимров будет вытеснять не войско.

– А кто же тогда? – спросила Рит.

– Жнецы, – ответил Хода.

Глава пятая. Голос

*«Голос пророка важнее его слов»
Пророк Ананазл. Каменный завет*

Сначала Гледа подумала, что это ветер. Он дул со стороны Молочных гор, путался в придорожных кустах и как будто посвистывал в кольцах упряжи. Потом поняла, что слышит голос. Он был еле слышен, и, даже прислушиваясь, Гледа едва могла его различить. Голос словно приносило ветром или же он долетал откуда-то сверху. Гледа даже взглянула на летнее небо, которое при всей его ясности и глубине казалось ей серым, но так ничего и не поняла. Она посмотрела на спину Ло Фенга, который держался впереди. Оглянулась на Андру и Фошту, перед которыми явно для присмотра за ушлыми воительницами ехали Стайн и Ашман, и сестрицы, судя по усмешкам на мрачных лицах, понимали это. Интересно, заслуживает ли доверия сам Ашман? Может быть, лишь до тех пор, пока не узнает, что таится в чреве юной девчонки, которую ему приходится охранять вместе с прочими? Посмотрела на Скура, который все время держался рядом. Неужели никто не слышит? Или это то, что мама называла «звоном в ушах»?

– Ты ничего не замечаешь? – спросила Гледа, посмотрев на колдуна. – Ничего не слышишь?

Скур помолчал, оглянулся точно так же, как перед этим оглядывалась Гледа, потом негромко проговорил:

– Я слышу ветер, стук копыт, дыхание лошадей, скрип узды, карканье воронья в лесу. Может и над трупом. Что я должен еще услышать?

– Больше ничего? – не отставала от него Гледа.

– Пока нет, – признался Скур. – Тебе что-то показалось? Имей в виду, что твои ощущения сейчас обманчивы. Ты должна понимать, что твое тело перестраивается, как и у каждой будущей матери.

«Будущей матери...» – повторила про себя она его слова.

– У женщины, которая понесла, обостряются слух, зрение, обоняние. Иногда, правда, наоборот. Но какие-то запахи, которые вчера привлекали тебя, сегодня могут показаться отвратительными, и наоборот. Вкус привычных блюд – неузнаваемым. Может быть, ты слышишь писк полевых мышей? Или уханье совы за пяток лиг? Звон колокола? Нет?

– Звон колокола я не могу услышать, – поежилась Гледа. – Если только звон колокола на какой-нибудь сторожевой башне. До Альбиуса слишком далеко. Да и нет там больше колокольни. Хопер обрушил ее. Разве тебе никто не рассказывал?

– Знаешь, – Скур зевнул в кулак, – я так давно бывал в Альбиусе, что даже не помню, как выглядела его колокольня. Разве что то, что она совпадала с ратушей. Я слышал эту историю и месяца два назад сказал бы тебе так – пока не увижу, не поверю. Но после всего, что случилось в Опакуме, лучше промолчу. Хотя нет. Есть что сказать. Кажется, незадолго до смерти Хопер высказывал пожелание, чтобы его называли Блансом. Давай так и будем его поминать.

– Филия сказала, что он избежал полного развоплощения, – заметила Гледа и тут же подумала, что если бы рядом вдруг оказалась Филия, ей было бы легче. Филия или Рит. Было что-то родное в рыжеволосой кимрке. И в дочери Унды-Чилы – тоже.

– Не очень я разбираюсь в этих делах, – признался Скур. – Того Бланса, что мне довелось узнать, больше нет. Может быть, появится другой, который вспомнит, к примеру, тебя, а меня не узнает. Да и когда он появится-то? Когда уже нас не будет? Или мы станем глубокими стариками?

– Ты всерьез думаешь дожить до старости? – спросила Гледа.

– Хотелось бы, – расправил Скур плечи. – Надежда вроде прорезывается. Оглянись. Видишь Стайна? Месяц назад или чуть раньше, собирался помирать. А теперь – бодр и неутомим. И шрам на загривке зарубцевался. Кстати, у тебя же тоже был? Что с ним? Зажил? Не волнуйся, волосы отрастут – спрячешь, никто и не разглядит никогда.

– Нет, – сказала Гледа. – Исчез. словно и не было. И ни шрама, ничего.

– Ты смотри... – удивленно пробормотал Скур, чуть приблизившись к Гледе и взглянув на ее шею. – И в самом деле. Хотя, и не такие чудеса случались. Когда женщина вынашивает ребенка, многие болячки исчезают, как будто их и не было.

– Мама говорила, что многие исчезают, а некоторые появляются, – вспомнила Гледа. – У нее сердце стало больным после родов. После моих родов. Дорого я ей обошлась.

– Разве ее убила не жатва? – спросил Скур.

– Жатва, – согласилась Гледа. – Но если бы не больное сердце, она бы так просто не сдалась. Поверь мне. Она была даже сильнее отца, хотя это и кажется невозможным. Не как воин, конечно. Не думаю, что кто-то хотел убить ее в первую очередь. Накрыло всех одновременно. Но ломаются сначала надломленные.

– Сколько тебе лет? – спросил Скур. – Демон... Что я спрашиваю? Тебе же при мне исполнилось семнадцать. Давай не будем киснуть? Тем более, если у тебя была такая мать. Уж матери-то своей ты не должна уступать?

– А если это из-за меня? – спросила Гледа.

– Что из-за тебя? – не понял Скур.

– Шрам на загривке у Стайна зарубцевался из-за меня, – сказала Гледа. – И остальные вроде бы пока все в порядке из-за меня. Ну, хотя бы на первый взгляд. Но это лишь потому, что вы все, которые рядом, нужны мне. Ну, чтобы у меня была свита. Ты посмотри только. Полный набор. Две стервы из Райдонского монастыря с немалым воинским умением. Настоящий воин-эikonец, которому нет равных. Энс. Ветеран одалской гвардии, который знает в лицо чуть ли не всех дружинных старшин королевства. Разве может быть проводник лучше? Да и колдун вдобавок в качестве повитухи. Чем не свита?

– Ага, – скривился Скур. – Только жнеца не хватает. Хотя, надо признаться, повитуха из меня не очень. Надеюсь, настоящая отыщется в Райдонском монастыре.

– До него очень далеко, – заметила Гледа. – Больше тысячи лиг. Нужно пересечь всю Беркану.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил Скур.

– Все повторяется, – объяснила Гледа. – Это рок. Вот смотри. Не так уж давно, считай, что в середине весны, ну, может, чуть раньше, мы вышли из дома с отцом, чтобы купить подарок матери. Купили. Услышали звон колокола. Вышли из лавки и наткнулись на жнеца. И понеслось. Маму жатва прибрала первой. А отец потащил меня сначала от менгира к менгиру, чтобы избавить от смертельной заразы, потом, чтобы спасти брата, потом, чтобы укрыться в Опакуме. И вот, нет ни брата, ни отца, ни Опакума. А нас опять несет. Теперь уже в обратную сторону. И опять не по нашей воле. Мы словно сорванные ветром листья на речных волнах. Знаешь, чем все это кончится?

– Тем, что уже в Райдонском монастыре окажется, что нам нужно опять куда-то мчаться? – спросил Скур.

– Это в лучшем случае, – негромко засмеялась Гледа. – А скорее всего – мы напоремся на отряд энсов или еще каких-нибудь разбойников, и все погибнем. Или же обратимся в страшных зверей. Или нас настигнут посланники умбра. Раздери меня демон... Подожди... Минуту...

– Посмотри на меня, – придержал лошадь Скур. – Остановись и посмотри на меня, я говорю! У тебя зрачки потемнели. Расширились. Радужки вообще нет. Где болит?

– Ноги, – скрипнула зубами Гледа. – Невыносимо.

– Ло Фенг! – окликнул эйконца Скур. – Надо сделать привал хотя бы на несколько минут. С Гледой не все ладно.

* * *

Ноги у Гледы опухли так, что голенища сапог пришлось разрезать ножом. Скур усадил девочку на валяющуюся у дороги корягу, стянул с вздувшихся ступней то, что осталось от сапог и схватился за голову. Кожа на ногах потемнела под самые колени, где образовалась бардовая с зеленоватым оттенком полоса, охватывающая голени со всех сторон. Но ниже, особенно на ступнях – ноги не просто опухли, они стали серыми словно кожа лесной ящерицы.

– Это что еще за зараза? – спросил Ло Фенг. – Не та ли, после которой одно спасение, отсечь конечности?

– Хорошая мысль, – скривилась Гледа. – Но я бы чуть обождала. Когда доберется до шеи. Тогда можно и отсечь. Главное, чтобы с одного удара.

– Это не зараза, – покачал головой Скур. – Это что-то другое.

– Другое? – не понял Ло Фенг.

– Вот, – Скур осторожно коснулся больших пальцев на ногах Гледы. – Видишь? Они нормальные. Здесь серость уже начала слезать. Это подготовка.

– Подготовка? – оглянулся на спутников, которые не решались приблизиться, Ло Фенг. – Подготовка к чему?

– Подготовка ее тела к родам сверхестественного существа, – негромко процедил слово за словом Скур. – Оно его перестраивает. Я так думаю, во всяком случае. Ну, не убивает же?

– Ты про то, что у Гледы внутри? – медленно произнес Ло Фенг.

– Не в мешке же... – нахмурился Скур. – В любом случае, это не зараза.

– Зараза, – негромко засмеялась Гледа, морщась от боли. – Именно зараза. Зараза для целого мира.

– Как скажешь, – пробормотал Скур. – На мой взгляд, это обращение. Надеюсь, не в зверя. Хотя я и не знаток подобных чудес.

– Никто не знаток, – скрипнула зубами Гледа. – А я поначалу думала, что сбила ноги. Болеть как раз начали большие пальцы. А уж потом... Теперь они чешутся. А все остальное – ломит. Зимой так было. Ноги едва не отморозила, отец растер в лесной избушке, печь натопил. Но когда отходить стали, на стенку готова была лезть.

– Стенки тут нет, – заметил Скур. – Но у меня есть мазь. Она с охлаждающими травами, облегчение будет. В склянке... Вот только...

– Давай сюда свою мазь, – словно из-под земли выросли возле Гледы Адна и Фошта. – И отойди в сторону, нечего на девичью наготу пялиться. Пусть даже и по колена. Нас двое, две ноги, сейчас разомнем и дальше отправимся. Или думаешь, в Райдонском монастыре только убивать учат? Убивать как раз в последнюю очередь.

– Не отходи, – коротко бросил Скуру Ло Фенг и подозвал Стайна. – Где мы?

– На Старой Гебонской дороге все еще, – поскреб щетину на подбородке Стайн. – Тут никогда народу много не было, особенно в эту пору. Для урожая рано, для овечьих отар – поздно. Они уже давно в горах. Если, конечно, до овец сейчас местным жителям. Вон за тем перелеском – Охотничья слобода. Домов десять в ней. За ней – Комариная марь, болото. Его бы миновать засветло. Ночью пожрут, хотя мы и на краю будем. Чуть дальше – тропа уходит на север к заброшенному вандилскому алтарю, а Старая Гебонская дорога так и идет прямо, пока не повернет на юг. А там уж... Сначала разбойничья башня, в которой никаких разбойников вроде и не было в последние годы, потом река, руины акведука этого, опять развалины – трактир придорожный там был когда-то, а там уж и Йеранская башня. Считай, что край Одалы.

Только мы за день не доберемся. За два дня, если повезет. Это ж почти сотня лиг. Да и уже за полдень. Сегодня хотя бы Комариную марь миновать, куда уж там до разбойничьей башни...

– Ты сможешь ехать? – повернулся к Гледе Ло Фенг.

– Да, – кивнула она и закрыла глаза, потому что прикосновения девиц к ее ногам и в самом деле приносили облегчение.

– Держись, – посоветовала одна из них. – Если эта зараза так и пойдет доверху, самая страшная боль впереди.

– Это точно, – негромко засмеялась вторая. – Хотела бы я посмотреть на твое лицо потом.

– Как я буду корчиться от боли? – спросила Гледа, открывая глаза.

– Это еще зачем? – не поняли сестры. – Была бы охота... Ты посмотри сама – пальцы-то – чисто как из мрамора высечены искусным резчиком. А ну как и до лица это же правило сохранится? Ты же и так не уродка, а так из тебя вовсе принцесса получится!

– Принцесса? – засмеялась Гледа, рассматривая свои уродливые ноги. – Кому я такая нужна теперь?

– Дура, – пожала плечами одна из сестер.

– Дура и есть, – согласилась другая и стала натягивать на ноги Гледе тонкие шерстяные носки. – Нога в стремя войдет, вот и ладно. А стремя мы сейчас тряпьем обмотаем. Хотя, все равно резать будет. И не косись на нас. Мы теперь сами по себе. И здесь, и в монастыре. Послужили, хватит.

– Отправляемся! – поднял руку Ло Фенг.

* * *

Дорога перед Охотничьей слободой оказалась перегорожена. На ней стояли два десятка простолюдинов с вилами, пиками и топорами. Место они выбрали такое, что объехать их было невозможно. Справа начинались заросли терновника, что тянулись до окраинных домов деревеньки, слева к дороге почти вплотную подходили скалы. Пики и вилы старателей были выставлены вперед, у двоих или троих из них еще имелись и охотничьи луки с наложенными на тетивы стрелами.

– Никак на охоту вышли? – выкрикнул в недоумении Стайн.

– А вы как хотели? – заорал самый мордатый из охотников. – О чем тут думать, если добыча сама в руки лезет? Есть деревья, с которых далеко видно. Сквозной проход по Старой Гебонской дороге закрыт! Кстати, и разворот тоже!

– Это с какого дуба? – уточнил Стайн.

– Не с дуба, а с сосны! – загоготал охотник. – Дозорный наш на сосну забирается!

– Я спрашиваю, с какого дуба вы свалились, если перекрыли дорогу? – отчеканил Стайн. – Вроде в зверей никто из вас не обратился, значит, в голове должно что-то быть? Или вы отделиться решили от Йераны? Собственное королевство зачинаете?

– Плевали мы и на Йерану, и на Одалу! – потряс над головой топором мордатый. – Край времен настает, дальше каждый как может. Мы можем вот так. От чудищ в белых масках отбились, собственных оборотней перебили, теперь живем так, как хотим. Братков потеряли, конечно, зато остались лучшие. Дорога перекрыта.

– Надолго? – коротко спросил Ло Фенг, положив руку на рукоять меча.

– Пока не заплатите, – растянул рот в щербатой усмешке мордатый. – Тысяча золотых и бабу. Вон та, босая, подойдет. Или трех баб. Тогда сговоримся и на полтысячи золотых.

– По двести пятьдесят каждая? – ехидно сдвинула брови одна из сестриц. – Это хорошая цена или так себе?

– А не нравится, попробуйте прорваться, – процедил сквозь зубы мордатый. – Лошаaddock ваших положим тут же. Если что, каждый из моих ребятков на медведя с рогатиной ходил.

– Я сейчас, – пробормотала Гледа, осторожно вынула ноги в носках из стремян, сползла из седла на землю, чуть присела, поморщилась, кажется, кожа лопнула на ступнях, одернула платье.

– Ты что задумала, дочка? – поднял брови Стайн.

Гледа оглянулась на сестриц, посмотрела на Ло Фенга, понизила голос:

– У девиц самострелы. У этих – лучники. Ясно? Пойду поговорю. Лошадок могут положить. Не нужно нам этого.

Ло Фенг ничего не ответил.

– Вот и еще забота, – поморщился Скур.

Потянул с плеча к лицу черную маску Ашман.

– Я иду! – снова одернула платье Гледа и пошла в сторону охотников, до которых было шагов пятьдесят. Пошла, думая лишь о том, что они ничем не лучше того зверя, в которого обратился Кригер. А может, и хуже. О том, что проходить мимо гнуса – нельзя. О том, что ненависть, которая кипит в ней, должна найти выход, чтобы ее саму не разорвало на части. Чтобы не лопнула ее оболочка, как лопнула, судя по жгучей боли, кожа на ступнях и голеньях. И эта ненависть росла с каждым ее шагом в сторону опьяневших от безнаказанности и от взявшего над ними самими вверх ужаса охотников.

– Ты смотри-ка! Стройная. Девчонка еще. Сладкая... В платье и с мечом. Зачем ей меч-то? Эй! Золото тоже готовьте! И лошадку ее оставьте! Лошадки нам тоже нужны. Демон. Как хороша-то. Может, всех их тут положить?

Она встала напротив мордатого. Опустила руки, вздохнула, расправила плечи, посмотрела на него снизу вверх.

– И что дальше?

Прочие сгрудились вокруг. Четверо или пятеро продолжали держать пики наизготовку, но прочие окатывали Гледу зловонным дыханием, как будто становились мертвыми заранее, гнили изнутри. Рассматривали, но рукам воли не давали, мордатый был выше прочих на голову. Его черед должен был быть первым. Но смотреть, кажется, не возбранялось. Даже лучники подошли ближе.

– А это мы еще обдумаем, – оскалился мордатый. – Может, и у тебя совета спросим. Пояс расстегивай.

– Пояс? – не поняла Гледа.

– Пояс с мечом снимай! – заорал мордатый. – Ни к чему он тебе!

Гледа потянула за конец ремня, оглянулась. Ее отряд выстроился поперек дороги точно так же, как и охотники. Девицы держали руки за спинами. Прочие были готовы к бою. Ашман надел маску. Скур что-то сплетал в пальцах.

– Ну? – зарычал мордатый, протягивая огромную ручищу.

– Держи, – пожала плечами Гледа, вкладывая в мозолистую ладонь ремень вместе с ножами и съезжая ладонью на рукоять меча. – Крепко держи.

Клинок выскользнул из ножен мгновенно. Блеснул острием под подбородком забулькавшего кровью мордатого и, к изумлению разбойников, тут же полетел в сторону. Полетел вслед за хрупкой черноволосой девчонкой в длинном платье, которая вдруг обратилась в детскую игрушку-юлу, обернулась вокруг себя, закрутилась, словно танцующая гебонка на праздничной ярмарке, окрашивая дорогу, одежду, руки, собственное платье в алый цвет. И понеслось быстрое и кровавое месиво – с руганью и хрипом, со стоном и блевотиной из рассеченных грудин, со скрежетом и лязганьем. Одна, две, три, четыре секунды. И все. И нет охотничьей слободки.

Когда схватка была закончена – не меньше десятка воинов срубили и спутники Гледы, да и Андра с Фоштой с трудом вытаскивали засевшие в тела лучников болты, – дочь Торна оказалась в крови с головы до ног. Но пошатывалась и улыбалась она не от запаха крови, а от

легкости, которая накатилась на нее. Так, словно эти охотники были затычкой в узком тоннеле, через который она должна была пройти. Через который она только и могла дышать.

– Не поддавайся, – покачал головой Ло Фенг. – Хуже смертного хмеля нет ничего. Будь в стороне. Всегда в стороне.

– Попробую, – скривилась она и добавила, положив руку на живот. – Если бы еще и вот это отринуть.

– Оно растет... – прошептал Скур, который не спускал взгляда с Гледы.

– Живот же не вырос еще? – не поняла Гледа.

– Нагонит, – сказал Скур.

– Ты колдовал? – спросила она.

– Я постарался увидеть... – ответил колдун. – Ты дала ему за эти секунды недели две, не меньше. Не подгоняй его... ее.

– Я бы хотела распрощаться с ней как можно быстрее, – призналась Гледа.

– Потерпи до Райдонского монастыря, – попросил Скур. – У тебя есть другое платье?

– Другое платье? – удивилась Гледа и как стояла с обнаженным мечом, так пошла в сторону ближайшей избы, возле которой приметила колодец с журавлем.

Кто-то из сестриц догнал ее, когда она уже стягивала через голову вымазанное в крови одеяние. Стягивала, не стесняясь собственной наготы, не думая о том, что до ее спутников всего пара сотен шагов. А ведь на ногах у нее была уже ее собственная кровь.

– Я – Андра, – сказала сестрица, прикрывая Гледу куском холстины. – Отличить легко. Пока легко. У меня ленты в косах. А у Фошты просто бечева. А как завтра выйдет, посмотрим. Вот мыло. Подожди, я наберу воды. Главное, волосы промыть от крови, а то колтуном засохнут, замучаешься отмачивать. Жалко резать, и так короткие. Фошта сейчас принесет твой мешок. Там ведь есть какая-нибудь одежонка? Хотя Ло Фенг сказал, что тебе лучше быть в платье.

– Скоро мы будем у меня дома, – прошептала Гледа. – Там должно быть много платьев. Моей мамы. Если, конечно, у меня все еще есть дом.

– Эй! – окликнула Гледу, подходя, вторая сестрица. – Скур сказал, чтобы ты не снимала браслеты. Чтобы ни произошло. Это пожелание Филии. И вот еще что. Я стянула пару сапог с одного из этих уродов. Не слишком хороши, но вроде на твою ногу. Хотя бы пока отеки не спадают.

Гледа взглянула на камни, нанизанные на бечеву, что оставались на ее запястьях, почесала покрытую язвами кожу под немудрящими браслетами, но сбрасывать ненавистные ее новому телу обереги не стала. Скрипнула зубами и стала намыливаться, тем более, что Андра уже вытянула из колодца жестяное ведро холодной воды. А ведь бардовая, с зеленоватым оттенком полоса переползла уже и колени.

– Знали бы, дали бы тебе носки парой лиг позже, – засмеялась Андра, окатывая Гледу водой. – А ты красивая... Даже с этой кожей на ногах.

– Да уж, – согласилась Фошта, рассматривая мускулистое и ладное тело девушки. – Явно не лежала в постельке до семнадцати лет. Готовилась к тому, чтобы служить в Одалской гвардии?

– К сегодняшнему дню, – прошептала Гледа, натягивая рубаху.

* * *

Вторая волна боли накатилась на Гледу уже на следующее утро, когда, после ночевки за Комариной марью, отряд добрался наконец до полуразрушенной башни, которую Стайн назвал Разбойничьей. Никаких разбойников в этой башне не оказалось, да ее никто и не осматривал,

отряд проехал мимо, но в глазах у Гледы потемнело так, что она не сразу поняла, закрыла ли она их от боли или лишилась зрения.

– Тихо, тихо, – шептал Скур, держась рядом. – Остановимся?

– Терплю пока, – процедила сквозь стиснутые зубы Гледа.

– Возьми, – прикоснулся Скур к ее кулаку и вложил в трясущуюся ладонь чуть-то небольшое и мокрое.

– Что это? – спросила она.

– Кусок кожаного ремня, – ответил Скур. – Чистый. Облил водой из фляги. Положи между зубами. Ни к чему ими скрипеть. Эмаль испортишь. Зубы молодые, красивые. Жалко. Не кожа ведь, не омолодятся.

Она выслушала его слова и забыла о них тут же. Так и покачивалась в седле, мотая головой в ответ на предложения воды или какой-то еды, пока уже в сумерках не легла на шею коня и не завывала в голос. Пришла в себя Гледа уже у костра, который помаргивал в десяти шагах. Она лежала на одеяле, укрытая другим одеялом, и обе сестрицы сидели рядом.

– Выпей, – протянула одна из них ей чашку с каким-то отваром. – Скур сказал, что здесь толика легкости и крепкий сон. Тебе теперь нужен только он.

– Да уж, – заметила вторая, – посмотришь на тебя, и задумаешься, стоит ли вообще заводить когда-нибудь ребенка?

– Ты кто? – спросила ее Гледа.

– Андра, – показала та ленты в косах.

– Это не тот ребенок, о котором стоит задумываться, Андра, – прошептала Гледа. – Что со мной? Что вы увидели?

– Хорошо, что сейчас темно, – хмыкнула Фошта. – И смотреть не стоит, чтобы не пугаться.

– Ты уже по пояс, – ответила Андра. – Но все, что ниже колен – мечта, а не тело.

– Что там может быть ниже колен – скривилась Гледа – Лодыжки? Пятки?

– Тебе надо больше пить, – добавила Фошта.

– Ничего не хочу, – замотала головой Гледа, но отвар, поданный Фоштой, выпила.

– Спи, – посоветовала ей Андра. – Стайн говорит, что мы возле разрушенного трактира. Завтра к полудню будем у Йеранской башни, там должен быть королевский дозор, а дальше посмотрим. Твой город уже близко, хотя нам вроде бы задерживаться там не стоит. Весь путь еще впереди.

– Но Стайн говорит, что лучше заночевать у альбиуского менгира, – добавила Фошта. – Надеется, что одалский дозор там восстановлен. Если так пойдет, то через пару дней будем в Альбиусе.

– Каково это, – спросила Гледа. – Каково это служить мерзавцу?

Сестрицы ответили не сразу. Замерли резкими силуэтами на фоне костра, посмотрели друг на друга, потом начали говорить. Хотя отвечала только одна. Гледа не поняла кто, потому что уже закрыла глаза.

– Нелегко, – был ответ. – Порой выворачивало. Но выбор был невелик. Не все такие, как Ло Фенг. Ты когда смотришь на него, всякий раз думай, что он приговорен к смерти своим кланом. И он об этом помнит. Только за ним охотится лишь его клан, а за нами охотилась бы вся Беркана. Каждый стражник имел бы ярлык на нашу поимку.

– Теперь все иначе, – прошептала Гледа, медленно погружаясь в марево сна. – Теперь и ярлыка не надо.

– Кто же мог знать... – добавила вторая. – Ты сама попробуй удержаться от службы тому, что растет в тебе.

– Я удержусь, – пообещала Гледа.

* * *

Возле Йеранской башни не оказалось королевского дозора Йераны. И королевского дозора Одалы возле нее тоже не было. Возле нее стоял отряд энсов в белых масках. Полтора десятка всадников. Мечи их пока были в ножнах, но воины явно готовились к атаке. Гледа ничего этого не видела. В глазах у нее вновь стояла темнота. В ушах – звенел голос.

Он приказывал Гледе снять браслеты, чтобы энсы услышали его и пропустили отряд.

Он приказывал Гледе снять браслеты, чтобы кожа под ними избавилась от глубоких язв.

Он приказывал Гледе чтить и подчиняться...

– Нет, – шептала она, стискивая рукоять меча.

– Ты сможешь сражаться? – спросил ее Ло Фенг.

– Я ничего не вижу, – призналась она. – У них летающие мечи?

– Да, – ответил Ло Фенга. – Но они пока в ножнах. Ашман говорит, что это именно они.

Ланши.

– Почему энсы не нападают? – спросила Гледа.

– Непонятно... – ответил Ло Фенг. – Обычно они нападают сразу. Кажется, с ними кто-то есть.

– Кто? – спросила Гледа.

– Обычный человек, – ответил Ло Фенг. – А ведь я его знаю.

– Моркет! – закричал Стайн. – Твою же мать! Ты что там делаешь?

– Проклятье... – выдохнул Ло Фенг. – Это не человек.

* * *

Гледа все же смогла видеть. Заставила себя видеть, хотя поднимала веки так, словно неимоверная тяжесть повисла на ресницах. Или же только так и можно было рассеять мрак в собственных глазах? До энсов оставалось две сотни шагов, но воины в белых масках уже уходили. Выстроившись по трое, мчались на запад. В сторону деревни Берканки. А от башни к отряду, ведя под уздцы здорового жеребца черной масти, опираясь на глевию, шел Моркет. Ну точно, Моркет. Гледа знала этого странного молодого мужчину или парня, что служил на альбиуской ратуше звонарем. Откуда у него такой конь? И откуда такое оружие? И странные доспехи, прикрывающие грудь, плечи и предплечья? Или же обрушение ратуши и колокольни заставило его искать другую работу?

Гледа сталкивалась со звонарем нечасто. Он никогда ни с кем не вступал в разговоры, в Альбиусе, в котором все друг друга знали, появился не так давно, как говорил ее отец – пришел откуда-то с востока, вроде бы с одалского монастыря, да и двигался как бывалый воин, но себя в последние года два, что обитал в Альбиусе, никак не проявлял. И что значат эти слова Ло Фенга – «Это не человек»? И глевия эта кажется жутко знакомой. Энсы... Значит, жатва не закончилась? Или это ее отзвук?

– Стой, – потребовал Ло Фенг, и Моркет послушно остановился в двух десятках шагов.

Гледа попробовала приглядеться к звонарю. Кажется, ничего в нем не изменилось. Длинные, темно-русые волосы до плеч. Чуть одутловатое лицо. Веселые голубые глаза. Хотя, с чего она взяла, что они были голубыми? И что она сочла весельем? Изогнутые в легкой усмешке губы? Неужели приглядывалась? Так-то и не разберешь. Хотя то, что слегка пообтрепался звонарь, видно было. Гарнаш его был продран на локтях, сапоги покрывала пыль. Да и на доспехах были видны следы ударов. А кому сейчас сладко? Никому...

– Ты ими правишь? – спросил Ло Фенг. – Куда они помчались?

– Я отправил их на запад, – сказал Моркет. – Не волнуйся, не для того, чтобы вырезать деревню Берканку, там не осталось жителей. Последних трех убил я сам пару дней назад, хотел переночевать, но не повезло. Впрочем, они уже не были людьми.

– Ты ими правишь? – повторил вопрос Ло Фенг.

– Уже нет, – признался Моркет. – Если встречу еще раз, возможно, придется уже сражаться.

– Ты убил людей, которых я должен был охранять, – сказал Ло Фенг. – Моя честь пострадала.

– Ты хочешь говорить о чести? – удивился Моркет. – Когда весь этот мир готовится сгореть в пламени?

– Какое тебе дело до этого мира? – процедил сквозь зубы Ло Фенг. – Или хочешь подбросить дровишек?

Гледа чуть подала лошадь вперед и обернулась на Ло Фенга. Эйконец был бледен, как вершины Молочных гор. Она посмотрела на отряд. Бледны оказались все. Что перепугало ее спутников, если энсы ушли?

– Пожалуй ты прав, – согласился Моркет. – Мне не должно быть до этого мира никакого дела. Но вот же досада, теми дровишками могу оказаться я сам. Сожалею, но все идет к тому. И, конечно же, сожалею о том, что был слишком старателен, исполняя свою работу. Но именно ты и должен меня понять. Ты ведь тоже убил многих. И еще до того, как все тут погрузилось в мрак. И не говори мне, что ты думал при этом о чьем-то благе. В уложениях змеинового храма и твоего клана благо не упоминается вовсе. Или ты хочешь, чтобы я перечислил имена безвинных жертв, которых ты лишил жизни? На это моего умения хватит. Может, мне назвать тысячи имен безвинных жертв, убитых воинами, чьи родовые камни вшиты в твое тело?

Ло Фенг молчал. Моркет развел руками:

– Давай сговоримся, что я был на службе. Как и вот эти две девки, их-то ты привечаешь? И в Опакуме я тоже был на службе. А теперь я вышел в отставку. Так же, как и ты. Правда, я не могу сказать, что за мной теперь будут охотиться так же, как охотятся за тобой, но если будут, то я тебе позавидую. Уверяю тебя.

– Чего тебе нужно? – спросил Ло Фенг.

– Мне нужна она, – показал Моркет на Гледу.

– Ты ее не получишь, – ответил Ло Фенг.

– Перестань, – поморщился Моркет. – Не заставляй меня тратить силы на собственное преобразование. Хотя убить ты меня не сможешь в любом случае. Нечем. И я здесь не для того, чтобы ее получить. Или же забрать. Хотя и мог бы это сделать. Мне этого не нужно. Я должен с ней переговорить.

– Говори, – разрешил Ло Фенг.

– Твои спутники услышат мои слова, – заметил Моркет.

– Пусть слышат, – сказал Ло Фенг. – Ты же не глупец? Думай, что говоришь.

– Премного благодарен за уважительное отношение, – поклонился эйконцу Моркет и посмотрел на Гледу. – Послушай меня, дочь Торна. Я все знаю. На каком уровне сейчас полоса преобразования?

– Под грудью, – ответила Гледа. – Это можно остановить? Ты что-то знаешь об этом?

– Под грудью, – задумался Моркет. – Значит, самое страшное впереди. Впрочем, не это самое страшное. Самое страшное будет потом, еще позже. И я должен быть рядом... Вот демон... Ну точно. Я слегка запоздал. Непростительно с моей стороны. Ты уже слышишь голос?

– Голос? – посмотрел на Гледу Скур.

– Слышу, – выдохнула Гледа. – Уже пару дней.

– И не лишилась разума, – кивнул Моркет. – Удивительно... Как ты держишься? Вроде бы не должна была... Впрочем, ладно. Хотя бы это. Значит, надежда, что ты выступишь, еще есть. Но я его не слышу. Почему?

– Поэтому? – подняла руки Гледа, показывая на воспаленных запястьях браслеты Филии.

– Ты смотри... – удивился Моркет. – И здесь подарки Чилдао... Впрочем, чего-то такого я ждал. Эти раны надо смазывать смертным пеплом, неужели никто не догадался собрать хотя бы чашку пепла после развоплощения той же Аммы? Или Атрааха? Да уж. Откуда вам знать. Ладно, пока главное – голос. Сейчас...

Моркет бросил глевию, точнее отпустил и тут же поймал ее носком сапога, не дав загреметь о камень, закрыл глаза и запустил руки в собственные волосы, не заботясь о том, что может быть сражен или стрелой, или брошенным ножом. Наконец извлек из-под волос два серебряных прямоугольника с прорезами в одной из сторон и бросил их Гледе.

Она поймала сверкнувшие украшения мгновенно, поймала одновременно обеими руками, хотя безделушки и разлетались более чем на два локтя в стороны, поймала не повернув голову ни к одной из них. И в то же самое мгновение сдвинувший на затылок маску Ашман выкрикнул что-то и замер с открытым ртом, получив ответ от Моркета на том же самом языке.

– Он удивлен, – рассмеялся Моркет. – Ясное дело, ведьмины кольца – обереги не этого мира. Кстати, у тебя отличная реакция, Гледа. И это лишнее подтверждение тому, что я не ошибся. Эти кольца сдержат голос внутри твоего чрева. Но их нужно вплести в волосы. Или даже вклеить, если волосы слишком коротки. Извини, заткнуть это дитя я не в силах. Да этого и не нужно.

– Ведьмины кольца, наверное, и должны быть квадратными, – пробормотал Скур. – Они же ведьмины?

– Где я уже видела это? – спросила Гледа, разглядывая украшения.

– Откуда я знаю, – пожал плечами Моркет. – Может быть, в Опакуме. А может – на площади Альбиуса, когда напустила в собственные порты, прячась за спиной собственного отца. Или ты его подпирала?

– Ты... – обмерла Гледа.

– Я, – кивнул Моркет. – Дорпхал, если ты забыла мое имя.

Между семью всадниками в седлах с одной стороны и одним спешившимся с другой повисла долгая пауза. Пауза, пропитанная ужасом.

– Ты убил мою мать... – наконец прошептала Гледа.

– Может быть, скажешь, что я затеял жатву? – поинтересовался Моркет. – Еще не поняла, что я был лишь служкой на этом пиршестве?

– Ты сказал, что начнешь с моей семьи, – чуть слышно напомнила Гледа.

– Люблю что-нибудь брякнуть для красного словца, – развел руками Моркет. – Я даже не заглядывал к тебе в дом.

– Чего ты хочешь от меня? – спросила Гледа.

– Я хочу, чтобы ты взяла меня с собой, – ответил Моркет.

– Для чего? – спросила Гледа.

– Защищать тебя, – пожал он плечами. – От энсов, от разбойников, от зверей. Заглушив голос, ты рискуешь стать их возможной жертвой. Хотя при этом не станешь жертвой голоса. Выбирать не приходится. Тебе предстоит долгий путь. Наконец, я надеюсь защитить тебя от таких же, как я сам.

– Ты хочешь, чтобы я родила это? – прошептала она.

– Да, – кивнул он. – Я хочу, чтобы ты родила это. И чтобы осталась при этом жива. И жила еще долго. Потому что, этот мир будет жив, пока жива ты.

– Что тебе с этого мира? – спросил Лю Фенг.

– Так уж вышло, что другого у меня нет, – ответил Моркет. – И, похоже, уже не будет. Да, я увидел кое-что. Смотрел во все глаза, пока вы исполняли великолепный замысел Чилдао. У меня было несколько мгновений. И увиденное мне не понравилось. И собственная судьба в том числе.

– Неужели ты один такой прозорливый из своей породы? – спросил Скур.

– Ты, кстати, неплохо держался в Опакуме, колдун, – заметил Моркет. – Нет, в моей породе у всех по-разному с прозорливостью. Но есть и те, кто видят лучше меня. Возьми ту же Чилдао. Есть те, кто просто лучше меня. Правда, вряд ли мы их скоро встретим – Бланс и Карбаф редко быстро приходят в себя, хотя про Бланса я не так много знаю, а Карбаф удивил меня в последний раз. Секрет в том, что мало хорошо видеть, надо еще и знать, куда смотреть. Ну и наконец есть те, кто видит хуже меня. И вот они попытаются убить Гледу.

– Для чего? – нахмурился Ло Фенг. – Для того чтобы освободить это?

– Нет, – покачал головой Моркет. – Для того чтобы рассеять. Освободить нельзя, можно только рассеять. Чтобы все началось сначала. Жатвы, служба, жертвы. Долго и сытно. Прерванный обряд нельзя продолжить. Придется все начинать заново.

– Это главная опасность? – спросил Ло Фенг.

– Нет, – сказал Моркет. – Главная опасность в тех, кто захочет пройти этот путь до конца, как и я. Но в самом конце, после разрешения от бремени, захочет убить Гледу. А вот этого допускать нельзя.

– Почему мы должны думать, что это не ты? – спросил Ло Фенг.

– Вы ничего никому не должны, – пожал плечами Моркет. – Ну, может быть только сами себе? Думаю, вам придется просто мне поверить. Я бы попытался вас убедить, но у меня не самая хорошая репутация.

– Значит ли это, что когда я все-таки умру, – Гледа облизала губы, – этому миру все равно настанет конец?

– Всякому миру рано или поздно может настать конец, – ответил Моркет. – Даже если на это уходит столько человеческих жизней, сколько песчинок на песчаном берегу Берканы. Но я надеюсь, мы что-нибудь придумаем.

– Мы? – переспросил Ло Фенг.

– Вы, – поправился Моркет. – И я.

Глава шестая. Искушение

«Если бы все совершалось с какой-то целью, ничего бы не происходило».

Пророк Ананаэл. Каменный завет

Отряд внезапно объявившейся невесты молодого короля Ходы прибыл в острог Заячий дозор через два дня. Можно было добраться и быстрее, но Лон, к лицу которого брезгливая гримаса похоже прилипла от рождения, и который, что вышло само собой, стал распорядителем всех передвижений срочно собранного эскорта, сразу заявил, что до его родной Исаны, в которой он не был уже полгода и куда уже не чаял вернуться, еще полтысячи лиг, и спешить им некуда. Или, как он же и оговорился, спешить следует, не торопясь. Будет ли он сопровождать молодую до конца пути или ограничится ее охраной до Заячьего дозора, вопрос пока что неясный, но раз уж им выпало совпасть дорогой даже в начале долгого путешествия, придется его слушаться, даже если у невесты на поясе меч, и она, по слухам, способна остановить несущуюся поганую тварь с оскаленной пастью, когда испытанные воины переживают приступ столбняка. Хелт, который с каждым часом пути как будто обменивал гвардейский лоск и самодовольство на собранность и мудрость, при этих словах побледнел, но ничем более свою обиду не выказал. Более того, он умудрился влить два десятка своих воинов в отряд Лона таким образом, что тот вскоре и сам перестал отличать, кто из них кто, тем более, что тратить время на увещевания образовавшейся под его началом полусотни исанскому мастеру стражи не приходилось. Едва поступала команда о полуденном привале или о ночевке, всякий воин без напоминаний занимал положенное место, дозорные забирались на деревья или еще на какое высокое место, бечева с жестянками и колокольцами раскидывалась вокруг бивака в какие-то минуты, а шатры и палатки словно вырастали среди травы сами собой.

В первую же ночевку, что случилась за небольшой крепостенкой, которую Хелт назвал Егерским острогом, и которая скорее напоминала широкую башню без кровли над дозорной площадкой, Рит и Филия вошли в выделенный им шатер и с удивлением обнаружили внутри не только два ложа, лохань с чистой водой и небольшой столик для благовоний, на котором помаргивала огоньком лампа, но и только что открытую и прикрытую плотной, пропитанной смолой тканью яму для неотложных нужд. Филия вытащила из горки свежего грунта лопату и с изрядной досадой заметила, что предпочла бы не думать о том, что кто-то из ее спутников трудился над этим отхожим местом, на что Рит только пожала плечами. Ей было все равно. Куда как интереснее оказалось то, что и шатер был собран по кимрским правилам, и лежаки были кимрскими, потому как для любых других потребовалась бы не выючная лошадь, а целая телега, а то и две. Одно оставалось не слишком понятным, почему их отряд остановился в перелеске в лиге южнее егерского острога, а не внутри него? Впрочем, Филия была готова ответить на любые вопросы.

– Разве то острог? – покачала она головой. – Насмешка, а не острог. Внутри укрепления, думаю, и четверть охраны короля Ходы не поместится, остальные будут располагаться под стенами. А мы по всем обычаям не должны передвигаться в составе одного отряда. И если даже окажемся в одном городе – то до обряда бракосочетания должны располагаться в разных домах, а путь свой продолжать с разницей хотя бы в час.

– Даже если до этого провели ночь на одном ложе? – усмехнулась Рит.

– Даже в этом случае, – кивнула Филия. – Тем более, что этот случай не твой. Не придумывай. Но во всякую минуту имей в виду, что наши жизни по убеждению любого йеранского вельможи куда как менее ценны, чем жизнь короля Йераны. Последнего из рода, кстати. Хотя

мы с тобой должны всем окружающим ясно давать понять – берегаем мы не королевскую невесту, а нечто куда как более ценное. Или хотя бы показывать это тем, кто видит невидимое.

– Вот уж не думала, что кое-что может оказаться ценнее собственной жизни, – заметила Рит. – Хотя... Интересно, как там дела у Гледы?

– Все, что я могу сказать, так это, что она пока жива, – после секундной заминки ответила Филия. – И все-таки запомни. Обряды нам придется исполнять. Невеста короля на особом положении.

– У кимров с этим проще, – ответила Рит. – Мужчины и женщины равны.

– То есть? – не поняла Филия. – Мужчины рожают, как женщины, а женщины сражаются, как мужчины?

– Не до такой степени, – ответила Рит. – Да, женщины сражаются, как мужчины, и мужчинам рожать не приходится. Но заниматься многими другими делами – довольно часто. К примеру, доить кобылиц.

– Не знаю, – задумалась Филия. – Одно лишь мне известно доподлинно по рассказам матери. Кимры не относятся к своим женщинам, как к животным.

– Зато они относятся к лошадям, как к людям, – засмеялась Рит. – В том числе и потому, что от лошадей зависит слишком многое. Зачастую – жизнь. И, кстати, у кимров хорошие собаки. С ними можно не растягивать вокруг лагеря бечеву с колокольцами.

– Собак надо кормить... – пробормотала Филия. – Пойду-ка я узнаю насчет ужина. К тому же есть у меня соображения, как упрочить ощущение, что ты и в самом деле берегаешь в собственном чреве бесценное сокровище. Располагайся.

* * *

Рит была дочерью степей и, хотя успела пожить в городах Фризы, оставалась вольной птицей, для которой обустройство в любом месте и в любых условиях требовало не больше времени, чем той же птице для того, что выбрать ветку, на которой можно почистить перышки. За те двадцать или тридцать минут, что Филия отсутствовала, Рит успела чуть ли не целиком ополоснуться, снова одеться и даже минут пять или около того вздремнуть.

– Для королевской невесты ты слишком спокойна, – рассмеялась Филия, входя в шатер с корзиной. – Впрочем, спокойствие лучше, чем беспокойство. Уходим затемно, поэтому лучше и в самом деле выспаться.

– Как там наши лошади? – спросила Рит. – Я привыкла сама беспокоиться о своих животных.

– Я ждала этого вопроса от дочери кимров, – кивнула Филия, – поэтому первым делом отправилась к коновязи. Успокойся, к лошадям приставлен седой ветеран, который сдувает с них пылинки. Вот увидишь, если мы хотя бы где-то задержимся больше, чем на половину дня, он не только вычешет их и проверит подковы, но и заплетет гривы с цветными лентами. Давай-ка перекусим и предадимся сну. Тем более что еда – проще не бывает. Немного мяса, вареные яйца, овощи и одалские лепешки.

– Лепешки надо пробовать, а остальное – мечта всякого путника, – заметила Рит. – О! Ты принесла еще и вино?

– Нет, – покачала головой Филия. – Для питья – только вода. Это – для тебя.

– Для меня? – удивилась Рит, вытаскивая из корзины странную стеклянную бутылку, наполненную темно-красным тягучим напитком. Она была небольшого размера – с ладонь, но при этом и плоской – не толще той же ладони. Дно сосуда и горлышко вокруг резной деревянной пробки было украшено золотом.

– Что это? – спросила Рит.

– Искушение, – подмигнула спутнице Филия. – Часть обряда. Король должен всю дорогу, может быть, правда, не каждый день, но испытывать свою невесту. К примеру, прислать ей бутылку лучшего одалского вина в бесценном стеклянном сосуде с пожеланием выпить это вино вместе с нею у свадебного алтаря.

– И если я его пригублю... – скривилась Рит.

– То у алтаря сосуд окажется пустым, – развела руками Филия. – А это плохая примета. Но ты ведь не рассчитываешь всерьез стать королевой Йераны? Или тебе недостаточно нравится Хода даже для того, чтобы притворяться его невестой?

– Я его плохо знаю, – сказала Рит, рассматривая бутылку в тусклом свете лампы. – Хотя на первый взгляд он производит впечатление достойного воина и вменяемого правителя. Но я не собиралась сочетаться с ним браком. Впрочем, я не собиралась даже делать вид, что я его невеста. Все случилось само собой.

– Ничего не случается само собой, – пробормотала Филия, чистя яйца. – Каждый наш шаг предопределен. Пусть даже никакой провидец не способен точно назвать эти шаги, разве только направление, в которое укладывается путь. Но тебе не о чем волноваться. Силком под венец тебя никто не потащит.

– Тогда мы вполне можем откупорить этот сосуд и полакомиться его содержимым, – сказала Рит.

– Я придумала кое-что получше, – сказала Филия. – Я пришью на твое исподнее карман для этой бутылки. Как раз на уровне живота. Этот сосуд почти ничего не весит и будет едва заметен. Но ты даже невольно станешь оберегать его. При движении, при любом разговоре, при схватке, хотя, я надеюсь, никакая пакость возле нас больше ниоткуда не выберется. Поверь мне, это важно. Это то, чего нельзя изобразить. Те, кто за нами наблюдают, могут успокоиться, поняв, что ты и в самом деле что-то сберегаешь в себе. Ты не забыла, что это наша главная задача?

– Не забыла, – пробормотала Рит, опуская бутылку обратно в корзину. – Но ты ведь понимаешь, что кто-то при этом успокоится, а кто-то наоборот возгорится желанием поквитаться со мной?

– Я об этом помню, – кивнула Филия. – Поэтому собираюсь потратить пару часов на то, чтобы очистить камни, которые бросала тебе под ноги и насадить их на бечеву.

– Значит, мне придется таскать на себе не только бутылку, но и каменные браслеты? – вздохнула Рит.

– И ожерелья, – добавила Филия. – Ну, или хотя бы одно ожерелье.

– Что ж, – Рит озадаченно почесала нос. – В таком случае карман для бутылки я пришью на исподнее сама. Этому меня тоже учили. Что еще нового? Что творится за стенами нашего шатра?

– Все спокойно, – ответила Филия. – Но только в пределах бивака. Дозоры, что обследовали окрестности, вернулись с неутешительными известиями. Берканский тракт, который мы пересекли возле егерского острога, засыпан битой посудой. Ближайшие деревни пусты. В лесах творится что-то непотребное. Вся надежда на Заячий дозор.

– Нам предстоит укрыться там? – спросила Рит.

– Нет, – ответила Филия. – С него начинается исконная Йерана. Там, где мы сейчас, земли Гебоны. Во всяком случае, они были ими. Урсус и окрестности – бывшие гебонские владения. А Опакум и до сих пор считается гебонской крепостью.

– Однако защищали Опакум отнюдь не гебонцы, – заметила Рит.

– И спасибо им за это, – сказала Филия. – Благодаря этому в крепости никто не ждал выстрела в спину.

– Гебонцы настолько лживы? – не поняла Рит. – Им нельзя доверять?

– Нет, – покачала головой Филия. – Просто они слишком слабы, чтобы следовать путем чести. Или хотя бы некоторые из них.

* * *

На следующий день отряд Лона снялся с бивака затемно. Завтрака не было, его заменили остатки ужина. Зато шатры исчезали еще быстрее, чем появлялись с вечера. Не успела Рит принять из рук Брета уздцы лошади, как шатер, из которого она вышла, уже были снят и теперь на глазах обращался в плотный сверток, готовясь переместиться на спину выючной лошади. Не прошло и получаса, как одновременно с первыми лучами солнца, поднимающегося над невысокими горами, отряд вновь вытянулся по пустынному тракту.

– Этот край как будто вымер, – бормотала Филия, оглядываясь. – Раньше тут ползли обозы чуть ли не в стык друг к другу, а теперь никого. Даже путников нет.

– Сейчас такое время, что каждый путник равносителен зверю, – отвечала ей Рит, разглядывая свежее пепелище возле дороги, которое отмечало недавнюю деревню.

– Да, – продолжала озиаться Филия. – Боюсь, что самая короткая жатва даст Беркане самую большую убыль населения.

Лон с десятком лучших воинов держался впереди. За ним ехали Брет и Варга, который за первый день путешествия не проронил ни слова и, кажется, не удостоил Рит даже взглядом, хотя и беспрерывно озирали окрестности. За ними держались Рит с Филией, а уж за их спиной – не ближе двух десятков шагов – с остальными воинами ехал Хелт. Причем, стоило Филии отдалиться от Рит, чтобы переговорить о чем-то с Бретом, как сразу четверо воинов Хелта нагоняли Рит и следовали справа и слева от нее.

– Никаких особых новостей нет, кроме одной, но довольно важной, – сказала Филия, придерживая лошадь, чтобы вновь поравняться с Рит. – Вроде бы в Заячьем дозоре мы не задержимся. Планы слегка изменились. Брет передал слова Лона, что Хедерлиг с помощью некоей девицы Хекс уже почти исцелился и ожидает лишь нас. Похоже, наш отряд может превратиться в небольшую дружину. Или даже войско. Так что, короткий отдых – и снова в путь. Даже если уже будет ночь. Хедерлиг хочет пересечь Светлую реку и встать на бивак уже на ее левом берегу. Там, вроде бы, безопаснее. Да и спешит он. Надо приготовиться к рукоположению наместника Йераны.

– Где пройдет обряд? – спросила Рит. – Точно не в Заячьем дозоре?

– В городишке Стром, – ответила Филия. – Это не слишком большое поселение на полпути между Йерой – столицей королевства и одалским Альбиусом. Родным городом Гледы. Кстати, оно и внешне похоже на Альбиус, и размерами с ним совпадает. Разве только реки рядом нет. В Стrome мы дождемся Ходу. Но встречаться тебе с ним там будет нельзя.

– Не слишком-то и хотелось, – пожала плечами Рит. – А насколько сильно был ранен Хедерлиг?

– Я его не исцеляла, поэтому сказать точно не могу, – заметила Филия. – Но по словам Лона стрела пронзила ему живот насквозь. И пронзила со спины. Опаснее только ранения в грудь. Но ранения в живот – коварнее. Недуг, вызванный таким ранением, может проявить себя со временем.

– И эта... Хекс его действительно исцелила? – спросила Рит. – Кто она?

– Не знаю, – задумалась Филия. – Раньше я не слышала этого имени. Вроде бы долетало что-то похожее со стороны Фриги, но довольно давно, а Лон сказал, что эта Хекс вроде бы еще совсем молода. Наткнулись они на нее случайно. Шли по йеранскому тракту, обгоняли беженцев и попали в засаду. Да, гебонцы никогда не упустят случая пожить. Так что, Хедерлиг не поворачивался ни к кому спиной. Враг напал со всех сторон. Гебонцов порубили, кого-

то, правда, лишь отогнали, а раненого принца Исаны, который уже хрипел, умирая, вызвалась спасти девушка, что шла на восток вместе с беженцами.

– И что она сделала? – спросила Рит.

– Я не была рядом, – покачала головой Филия. – Но Лон сказал, что все то время, пока она занималась принцем, он стоял с занесенным над ее головой мечом. И пара лучников не отходили от нее два дня, пока принц был в бреду.

– А она? – спросила Рит.

– Ничего, – ответила Филия. – Потом лишь смеялась над собственными стражами, а когда исцеляла Хедерлига, то вскрывала рану, окуривала его какими-то дымами, вырезала стрелу, копалась в ране причудливыми инструментами и зашивала все это, предварительно вставив в плоть полый стебель для отвода гноя. Судя по всему перечисленному – умелая лекарка.

– Так бывает? – спросила Рит. – Бывает, что важная особа оказывается на краю смерти, а рядом случайно обнаруживается умелая лекарка?

– Бывает и не такое, – ответила Филия. – Но очень редко. И это тоже повод задуматься.

– И это тоже повод задуматься... – чуть слышно повторила слова Филии Рит и в который раз напомнила себе, что она не у себя дома, и должна опасаться всего. Сейчас она правила коня по берканской равнине, дивилась тому, что, судя по течению реки Светлой, вдоль которой шла дорога, местность понижалась, и одновременно с этим впереди и справа, и слева вставали горы, хотя слева это были скорее холмы, и думала о том, что в отличие от той же Фризы в Беркане не разделан каждый кусок земли, и рощи не кажутся высаженными по указанию правителей, а растут так, как им хочется, но все же и Фриза, и Беркана схожи. Особенно, если ты находишься не в городе, а в какой-нибудь деревне. Интересно, дороги Фризы теперь точно так же засыпаны осколками битой посуды?

– Когда все это кончится, – заметила Филия, – то гончары озолотятся. Им предстоит восполнять недостаток посуды. Или же берканцы изменят своим привычкам и станут накладывать еду прямо на лепешки.

– И похлебки тоже будут наливать на лепешки? – спросила Рит.

– Похлебки и знаменитые берканские супы станут хлебать прямо из котлов, – ответила Филия. – Что тебя удивляет?

– Странно, – заметила Рит. – У меня такое ощущение, что река течет в гору.

– Это так кажется, – объяснила Филия. – Справа Гебонские горы, а слева Йеранское нагорье. Но местность понижается. И все это последствия того, что случилось семь сотен лет назад у тройного менгира, когда Терминум раскололся. Когда взметнулись Молочные горы, и с их ледников побежали реки. Ну вот вроде как эта река Светлая. А когда-то тот же Урсус страдал без воды. Ты же видела руины огромного акведука? Вода в Урсус приходила только по нему.

– Выходит, у всякой беды есть и обратная сторона? – спросила Рит. – Кому-то становится плохо, а кому-то и хорошо?

– Не знаю, – задумалась Филия. – Но думаю, чем беда больше, тем ее обратная сторона, на которой можно отыскать какую-то пользу, становится неразличимей.

* * *

Заячий дозор или, как назвал его Хелт, первая исконная йеранская крепость в этом краю, предстал отряду Лона, который двигался хоть и не быстро, сберегая лошадей, но без привалов с самого утра, в виде небольшой, сложенной из известняка крепости, окруженной обычными деревенскими домами, правда, не рубленными избами, а белостенными мазанками, и именно этот белый цвет вкупе с горящими тут и там в вечерней полутьме кострами позволял хоть как-то осмотреться в накаляющей ночи.

– Отдых – пара часов, не больше, – появился из сумрака Хелт, дождался, когда Рит и Филия спешатся, приказал забрать у них лошадей и тут же выставил вокруг девушек охрану из всех своих воинов. Из этой же темноты появились Брет и Варга и поставили прямо на деревенский проселок длинную скамью, возле которой еще двое воинов тут же начали устраивать костер.

– Мы отойдем, – сказала Филия, поймав взгляд Варги, и потянула Рит за рукав в сторону.

– Что такое? – спросила та.

– Облегчиться не хочешь? – спросила спутницу Филия и уже на ухо прошептала чуть слышно. – Беда.

– Что такое? – не поняла Рит, поправляя спрятанную под одеждой бутылку, которая изрядно уже надоела ей за целый день.

– Какая-то магия, – ответила Филия. – Какая-то сильная магия в крепости или рядом. Или ты не чувствуешь?

– Как? – спросила Рит, поднимая руки, на запястьях которых темнели браслеты из камней Филии. – У меня словно тугая повязка на глазах. Мало того, что я ничего не чувствую, я еще и с трудом привыкаю к такой тяжести. Это же не жемчуг, и не обычные украшения.

– Привыкнешь, – твердо сказала Филия. – Мало того, что привыкнешь, будешь еще и обращаться к их силе и видеть больше, чем без них. А пока лучше так. Даже для меня ты как неразличимое темное пятно. Но пока поверь мне на слово. В крепости или рядом сильная магия. Может быть, даже нечеловеческая. И знаешь, что самое интересное? Почувствовал это и Варга. Он меня и предупредил. Через Брета, конечно. Брету, кстати, тоже не по себе. Но у него в роду кое-кто был...

– Варга колдун? – спросила Рит. – Я сразу не успела к нему присмотреться, а теперь как будто уже ничего и не вижу.

– Разглядишь еще, – сказала Филия. – Главное, будь осторожна. Ты сберегаешь невероятную ценность. Поняла?

– Куда уж понятнее, – нащупала бутылку Рит. – Лучшее одалское вино. Искушение, спрятанное в изящный сосуд. Будь я пьяницей... Ладно. Но какова природа той магии, что ты ощутила? Она несет опасность в себе?

– Всякая непонятная магия несет опасность, – пробормотала Филия. – Даже если она и не грозит тебе сию секунду. Или думаешь, что взгляд Коронзона в летнем дворце йеранского короля в Урсусе не нес никакой опасности? Просто все дело в том, что Коронзон не желал нашей смерти. А кто-то другой может ее и пожелать. Ладно, пошли, кажется, принесли еду, а нам еще половину ночи быть в пути. Вроде бы бивак приготовлен уже за рекой, а до брода еще нужно добратся.

– Почему принц Хедерлиг торопится убраться от Заячьего дозора? – Рит оглянулась на крепость, которая на фоне звездного неба казалась внушительным укреплением. – Разве не умнее было бы отправиться отсюда утром? Или войско Фризы поблизости?

– Нет поблизости никакого войска Фризы, – ответила Филия. – И гебонских банд тоже нет, окрестности были очищены от них, пока Хедерлиг приходил в себя. Что касается того, что умнее, а что глупее, я не слишком сильна в придворных тонкостях, но насколько мне известно, мудрость правителя зачастую равна мудрости советчиков, которые его окружают. Да, если что, Лон уже послал пятерку воинов навстречу Ходу. Хедерлиг настаивает, чтобы рукоположение наместника проводилось по всем правилам, а в Заячьем дозоре даже алтаря настоящего нет. В любом случае, до завтрашнего утра спокойной ночи у нас не будет.

– Главное, что будет хотя бы какая-то, – пробормотала Рит.

* * *

Они вновь отправились в путь уже через час, хотя лошадей к ним привели не прежних, а свежих. И все же это ночное передвижение по пыльному проселку, когда вокруг не светилося ни единого огонька, как будто весь этот край был выкошен какой-то страшной болезнью, наполняло Рит гнетущей тяжестью. Она не хотела спать, и хорошо держалась в седле, она могла бы держаться в седле и несколько дней подряд, та же бабка Лиса не раз с восхищением повторяла, что если бы Рит родилась мальчишкой, то была бы первой среди ровесников во всех мальчишеских забавах и никому бы не уступила в стойкости и силе, но тяжесть, которая не давала ей покоя, была другого рода. Она была сродни ощущению пропасти, которая невидимо раскинулась в шаге от дороги. Хотя, Рит прекрасно видела, что никакой пропасти рядом нет.

Огни бивака они с Филией увидели уже под утро, когда солнце еще не давало о себе знать, но небо начало светлеть на востоке – как раз в той стороне, где должны были сойтись пути и Рит, и Гледы. Только теперь Рит оглянулась и наконец рассмотрела за спиной среди тянущегося за ними обоза и отряда исанских воинов и статную фигуру Хедерлига, поскольку только над королевской особой могли нести флаг королевства, и отряд его личной гвардии, среди воинов которой как будто мелькала стройная всадница.

– Да, – проговорила Филия, поймав взгляд Рит. – Это принц Хедерлиг. Один из самых достойных берканских принцев. Наследник исанского престола. И рядом с ним та самая лекарка. После собственного исцеления он ее не отпускает от себя.

– Не самый глупый поступок, – заметила Рит. – А вот держать королевский стяг над принцем – все равно, что лепить на спину мишень для лучников.

– Слишком много воинов для врага, слишком много, – сказала Филия, как будто пытаясь что-то высмотреть на противоположном берегу. – Кажется, я начинаю понимать, почему Хедерлиг настаивал, чтобы мы спешили к Строму.

– Почему? – спросила Рит, которая всю ночь пыталась привыкнуть к магии камней на собственных руках и на шее.

– У меня такое ощущение, что жатва все же угасает, – объяснила Филия. – И за этой рекой она слабее, чем до нее.

– Может быть потому, что мы несем ее по этому берегу с собой? – спросила Рит.

– Весьма вероятно, – ответила Филия. – Но Хедерлиг может этого не знать. К тому же мне кажется, что несем ее не мы, а Гледа.

* * *

Река Светлая, которая между Йеранским нагорьем и Гебонскими горами, как раз там, где стоял Заячий дозор – крепость, некогда защищающая йеранские земли от северных набегов, бурлила на опасных порогах, здесь раскинулась широким перекастом, на который лошади ступили с видимым удовольствием. Под их ногами разбегалась быстрыми тенями мелкая рыбешка, которая была различима даже в утреннем сумраке. На противоположном берегу прохаживалась между шатрами стража.

– Видите вон тот шатер с белыми лентами на шпиле? – подъехал к спутницам Брет. – Держитесь меня. Варга опередил нас, он должен был все проверить на месте, но этот шатер для вас.

– Что тебя беспокоит? – спросила Филия, заметив напряжение на лице Брета.

– Что-то не то с Хедерлигом, – объяснил Брет. – Я же его видел во Фриге. Он был после схватки, весь в крови... Но спокойнее, чем теперь. И... как будто благороднее. А сейчас он какой-то возбужденный... и одновременно сонный. И движется... странно.

– Он пережил тяжелое ранение, – напомнила Филия. – Некоторые приходят в себя годами.

– Это точно, – кивнул Брет. – Смертельное ранение. Лон сказал, что уже простился тогда со своим принцем. Если бы не эта баба...

– Лекарка, – поправила Брета Филия.

– Это слова Лона, – пожал плечами Брет. – Я, кстати, не смог подойти ближе к принцу, чтобы разглядеть его. Он же не отпускает ее от себя. А мне от нее не по себе. Она словно отпугивает меня. Не могу понять почему, но у меня мороз по коже от одного ее вида. В ней скрыта какая-то опасность.

– Если тебя проткнет стрела, то ты забудешь об опасности и сам поползешь к ней, – предположила Рит.

– Я лучше поползу к тебе, – сказал Брет. – Или к Филии. Вы же обе способны к исцелению?

– Ты тоже лекарка? – удивилась Филия, посмотрев на Рит.

– Ты же сама сказала, что я ведьма, – улыбнулась Рит. – А какая ведьма без целительства?

– Все в порядке, – сказал Брет, увидев впереди Варгу, который махнул ему рукой. – Шатер можно занимать. Еду я принесу.

– Не стоит, – нахмурилась Филия. – Перекусить нам есть чем, да и сейчас главное выпастся. Лучше проследи, чтобы никто не заявился к нам в гости.

– Кого ты опасаясь? – не понял Брет. – Да тут охраны больше, чем было вокруг Заячьего дозора. Это же первый большой привал. Мы уйдем отсюда только завтра утром. А шатры останутся для ночевки короля Ходы.

– Как он теперь тебе? – спросила Рит. – Ты же знал Ходу как новобранца из роты стрелков? Как теперь тебе видеть в нем короля?

– Не знаю, – признался Брет. – Да я уже и привык. К тому же все произошло не сразу, постепенно. Да и многое случилось одновременно с этим. Сначала я узнал, что он принц. Потом он едва не погиб. Потом оказался королем. И почти все это время мы сражались рядом. И рядом с нами гибли наши друзья. Где те девчонки, которые пришли с тобой из Фризы, Рит?

– Там же, где и твои друзья, – ответила Рит. – Почему этот Варга все время молчит?

– Он воспитанник одалского монастыря, – объяснила Филия. – Этот монастырь, конечно, не столь знаменит, как райдонская обитель смирения, но по описаниям не менее страшен. Послушание в нем сопряжено с немалыми трудностями. Мальчиков там воспитывают без женщин. И воспитывают довольно жестоко, немногие выдерживают. О женщинах там вовсе не думают.

– В определенном возрасте о женщинах не думать невозможно, – как будто залился в утреннем сумраке краской Брет.

– Считай, что для Варги мы что-то вроде этих лошадей, – ответила Филия. – Или какой-то утвари.

– Так может и нам так к нему относиться? – спросила Рит.

– А я так к нему и отношусь, – пожал плечами Филия. – Кстати, этим и объясняется его чувствительность к магии. Не тем, что он не видит в женщинах людей, может быть, он просто не знает, как себя с нами вести. Нет. Тем, что он из Одалского монастыря. Там воспитывают не просто воинов. Воинов-колдунов. Но сейчас я хотела бы присмотреться к этой девушке, что рядом с Хедерлигом. Как ее, говоришь, зовут?

– Хекс, – сказал Брет.

– Я помню, – улыбнулась Филия. – Просто захотелось услышать, как это имя звучит в устах мужчины... Хекс. Ну-ну...

* * *

Рассмотреть лекарку, спасшую принца, Филии и Рит удалось только через два дня пути по йеранской равнине, на которой Рит наконец поняла, отчего на нее стремился попасть Хедерлиг. За рекой ей и самой стало как будто легче дышать. В деревнях возле дороги уже стали попадаться крестьяне, на лугах пасся скот. Казалось, что жатва за первой же относительно широкой рекой и в самом деле пошла на спад, хотя стража вокруг принца да и вокруг двух спутниц все еще оставалась усиленной. Когда впереди показались белые башни и стены, как сказала Филия, Строма, принц Хедерлиг вместе со своим эскортом помчался вперед, чтобы въехать в городские ворота первым. Он придержал коня возле спутниц, и Рит, почувствовав черный взгляд тонкой и стройной девушки, что сопровождала принца, невольно согнулась и прикрыла руками живот. Кажется, Филия не ошиблась. Дорожное неудобство Рит стоило этого невольного жеста.

– Наверное, стоило подъехать раньше, – сказал принц в ответ на поклоны Филии и Рит, – но обычай есть обычай. Проехать мимо могу, а вот отправиться на встречу с прекрасными незнакомками – никогда. Глупые условности, как на мой взгляд, тем более, что у невесты моего друга Ходы открыты лишь глаза. Но они прекрасны. Столь же прекрасны, как и глаза моей спасительницы.

Принц оглянулся на свою спутницу, и в это мгновение Рит почувствовала странное. Хедерлиг оборачивался назад так, как будто у него была переломана шея. И уздцы своей лошади он держал так, как будто у него были сломаны руки. И сидел в седле так, словно был насажен на крюк мясника. И еще от него исходил холод. Рит посмотрела на спутницу принца и поняла, что источником холода является именно она. Хекс, которая без всякого сомнения была прекрасна лицом, смотрела на Рит так, как смотрит змея на болотную лягушку, перед тем, как проглотить ее. Рит перевела взгляд на Филию. Та сидела на лошади, сплетя перед собой пальцы и изображая улыбку на лице. В глазах ее застыл ужас.

– Я распоряжусь, чтобы в этом городе вам выделили лучший дом, – все так же дергано кивнул спутницам принц. – Но далее вам придется следовать обряду. Вы обязаны быть на рукоположении наместника, но на расстоянии от молодого короля. Впрочем, распорядителем будет Лон, он все устроит. И я надеюсь увидеть там невесту короля с открытым лицом. Хотя бы издали!

Принц улыбнулся, прищипорил коня и умчался дальше по дороге. Живой куклой, насаженной на невидимый вертел. Филия с трудом выдохнула, расцепила пальцы, под ногтями которых запеклась кровь, посмотрела на Рит и окликнула Брета, который держался неподалеку:

– Брет! Есть очень важное известие. Подзови к нам Лона, Хелта и Варгу. Быстро. И сам подъезжай. И чтобы ни единого уха рядом. Мы съедем с дороги на полусотню шагов.

Все четверо собрались вокруг спутниц через пару минут. Прочие всадники эскорта невесты короля взяли их в кольцо. Эскорт принца Хедерлига продолжал пылить по дороге в сторону города.

– Какие новости у наших прекрасных спутниц? – расплылся в презрительной улыбке Лон. – Или не знаете, как сходить по нужде в чистом поле? Поставить шатер?

– Новости не у ваших прекрасных спутниц, – сухо ответила Филия. – Новости у нас всех. И прежде всего, у тебя Лон. Варга, – Филия посмотрела в глаза охраннику, – где предстоятель Лур?

– Он в свите Ходы, – так же сухо ответил Варга.

– Лон, – Филия перевела взгляд на мастера исанской стражи. – Ты ведь кое-что знаешь о том, что было в Опакуме?

– Кое-что знаю, – помрачнел Лон. – То, что рассказал Брет. Что успел рассказать молодой король Хода. О чем обмолвился Эйк. Я, конечно, счел бы все это выдумками, но...

– Послушай меня, Лон, – сказала Филия. – В Опакуме была женщина. Ее звали Амма. Она оказалась жницей. Именно она убила многих в воротах Опакума. И я видела это своими глазами. Так же, как и то, что она пришла в Опакум человеком. Или же была похожа на человека. Но дело в том, что она пришла в Опакум уже мертвой.

– Мертвой? – не понял Лон.

– Мертвой, – кивнула Филия. – Хотя ее дух еще жил в ней. Пришла, подчиняясь колдуну. Или, точнее говоря, колдунье. Которая и сама могла стать жницей, поскольку она из их породы. А теперь слушай меня, не упуская ни слова. Твой принц, Лон, конечно не станет жнецом, поскольку он человек и только человек, пусть и блестящий вельможа. Но он мертв.

– Мертв? – замер с открытым ртом Лон. – Что за ерунду ты несешь?

– Он мертв, – повторила Филия. – Или оживлен силою великого колдовства. Пусть даже и сознание еще обитает в нем. Но если ты попытаешь убить его спутницу или хотя бы прогнать ее, что, впрочем, невозможно, случится беда. Если она бросит твоего принца, он тут же упадет как мертвец, поставленный на ноги, но лишившийся веревок, на которых держится. Хотя, что я говорю. Она скорее убьет тебя и всех твоих стражников, чем оставит его. Или нет?

– Что ты такое говоришь, безумная? – прошептал Лон.

– То, что сумела разглядеть, – ответила Филия, показывая Лону пальцы, по которым продолжала стекать кровь. – Та стрела убила твоего принца. И ты ведь знаешь это, от таких ран не выживают. Ведь знаешь? Что молчишь? Надеялся на чудо? Эта Хекс не исцеляла его, а оживляла, и при этом подчиняла себе его дух и плоть.

– Даже если и так, – процедил сквозь зубы Лон. – Зачем ей это было нужно?

– Если бы я даже знала, то вряд ли сказала бы тебе об этом, – заметила Филия. – Хотя бы потому, что тот, кто способен оживить человека или выдернуть его из-за пелены, тот может и прочесть твои мысли. Но кое-что мне представляется очевидным. Думаю, Хедерлиг нужен этой Хекс для того, чтобы попасть на церемонию. На эту или на любую другую, которая могла случиться рано или поздно. Она же ведь теперь неразлучна с принцем? Поди, и в отхожее место с ним прогуливается? Точно? Ну вот. Может быть, она с твоим принцем рядом для того, чтобы убить мою спутницу? Или самого короля Ходу? Скажем, для того, чтобы нанести непоправимый урон королевству Йерана?

– Не слишком ли это... сложно? – спросил Лон. – Убить ведь можно и без церемоний?

– А если сначала нужно присмотреться? – спросила Филия. – Оценить, что из себя представляет, к примеру... да хоть моя подопечная? И не только она. Я, Хода, Эйк. Все, кто пережили Опакум?

– Кому нужна ваша смерть? – спросил Лон.

– Тем, кто не добился в Опакуме своего, – так же тихо ответила Филия.

– Фризам? – нахмурился Лон.

– Ты же понял, – подал голос Брет. – Тем, кто посылал фризов. Тем, кто может заставить мертвого казаться живым.

– И что теперь делать, если все именно так? – скрипнул зубами Лон.

– Ничего, – ответила Филия. – Разве только дать спутников Варге, чтобы он сообщил об этом Луру. Я думаю лишь о нашей безопасности. Разве в этом наши устремления разнятся? Лур сможет оградить Ходу и мою спутницу от этой колдуньи.

– Я останусь с вами, – твердо сказал Варга. – В этом мой долг.

– Ты не сможешь ей противостоять, – сказала Филия и снова потрясла окровавленными пальцами. – Ты видишь? Я пыталась закрыться от нее! Ты ведь знаешь это заклинание?

– Я останусь с вами, – повторил Варга.

– Я поскачу к Ходе, – вызвался Брет.

– Я дам пятерых лучших воинов, – пообещал Хелт и вытер рукавом вспотевший лоб. – Хотя все это и в самом деле похоже на безумие.

– А разве сама жатва не похожа на безумие? – спросила Рит.

– Никто об этом не должен знать, – отчеканила Филия. – Иначе или Хедерлиг тут же окончательно испустит дух, или эта... Хекс нападет на мою подопечную, не присматриваясь и не разбираясь. Всем это ясно?

– Проклятье, – опустил голову Лон. – Я ведь как чувствовал... Но думал, что это последствия раны. Что все утрясется. Хедерлиг всегда побеждал...

– Мне все ясно, – сказал Хелт.

– И мне, – кивнул Брет. – Успокойся, Лон. Если что-то можно сделать, мы сделаем. К тому же, у Хедерлига есть две сестры. Он не единственный ребенок, как Хода.

– Что мне с его сестер? – процедил сквозь зубы Лон. – Я с ними, что ли, рубился плечом к плечу? Другого такого, как Хедерлиг, нет!

– Все равно, – твердо сказал Брет. – Надейся на лучшее, может быть, его удастся удержать на краю. Что скажешь, Филия?

– Не знаю, – ответила Филия. – Можно поймать брошенный камень, если он медленно летит и не слишком велик. Но большой камень тебя раздавит, если не отскочишь в сторону. Тут нужен не просто целитель, а колдун, да и колдун немалой силы. Можно попробовать, но моих возможностей вряд ли будет достаточно. Только я ведь и пробовать не смогу, пока она рядом. Чтобы со мной разобраться, ей и гебонский стрелок не понадобится. К тому же эта колдунья может утянуть принца за собой. Утянуть уже тем, что перестанет его поддерживать. Она ведь влила в него не так уж много жизни, лишь для того, чтобы он хотя бы не разлагался, сидя в седле. Но я – не она. Это ее «немного силы» для меня может оказаться неподъемной ношей.

– Кто она? – спросил Варга. – Ты узнала, кто она?

– Думаю, что да, – ответила Филия. – Я чувствовала ее в Опакуме. Хотя она толком и не являла себя. Это – Адна.

Варга побледнел.

– Святые боги, – прошептал Брет. – Лесная ведьма, которой ужасается весь Вандилский лес?

– Она самая, – ответила Филия. – Не медли.

Брет подал лошадь вслед за Хелтом. Варга остался поблизости, но отъехал на десяток шагов. Лон поскакал вперед.

– А кто такой Лур? – спросила Рит, когда они остались одни.

– Предстоятель главного берканского храма, – ответила Филия.

– Я не об этом, – замотала головой Рит. – Предстоятель не сможет противостоять умбра. Ты бы не позвала его. Кто он на самом деле?

– Он кто-то вроде Коронзона, – ответила Филия. – Или моей матери. Может быть, самый скрытный и хитрый из всех...

– Он умбра? – обмерла Рит.

– Да, – кивнула Филия. – Так же, как и она. Но не все так просто, Рит. Есть одна сложность. Он курро. И он куда слабее Адны. Конечно, если она пошла против других умбра, если она отрезана от силы менгиров, если Лур объединится с Коронзоном или с Ананаэлом, тогда... Слишком много «если», не находишь? Надежда лишь в одном.

– В чем? – спросила Рит.

– Он не хочет твоей смерти, – ответила Филия. – Пока не хочет. Иначе убил бы тебя в том круглом зале одним щелчком пальцев. Запомни, его настоящее имя – Эней.

– Зачем мне знать его настоящее имя? – спросила Рит.

– Просто чтобы знать, – ответила Филия. – К тому же, оно ключ к его силе. Нет, ты не сможешь его ослабить, но мама говорила, что если окликнуть умбра его настоящим именем в месте силы, он может обратиться в жнеца.

– И где же будет такое место силы? – спросила Рит.

– В райдонском монастыре, – пожала плечами Филия. – Хотя как по мне туда тащить Лура не следует ни в коем случае.

– Для чего вызвать из умбра жнеца? – спросила Рит.

– Точно не отвечу, – призналась Филия. – Но вроде бы он уязвимее всего в тот миг, когда обладает полнотой силы. И вот тут я со своей мамой не могу согласиться... Что замолчала? О чем думаешь?

– О вине, – погладила бутылку на животе Рит. – Я бы выпила всю бутылку.

– В другой раз, – покачала головой Филия.

Глава седьмая. Недомогание

*«Терпение подобно сосуду»
Пророк Ананаэл. Каменный завет*

Старая Гебонская дорога заканчивалась возле Йеранской башни. Наезженный берканский тракт подходил к ней же с запада и почти сразу нырял в Одалский проход – широкое ущелье или скорее распадок между отрогами Молочных гор и увалами Йеранского нагорья. Знакомый с детства путь становился чуть уже, петлял между скалами, перебирался через не слишком опасные каменные осыпи, принимал в себя весенние ручьи, время от времени обрастал небольшими долинами. Гледа знала на этой дороге каждую выбоину и каждый камень. Сколько раз она с отцом и его воспитанниками из альбиуской роты стрелков проезжала здесь, чтобы в ближайших окрестностях переночевать на голой земле, развести костер из сырых сучьев, преодолеть несколько лиг трудной дороги, забраться на какую-нибудь скалу, приготовить нехитрую еду из того, что удавалось добыть тут же. Во всех этих забавах Гледа если и не была первой, мало кому готова была уступить. И вот, от тех стрелков остались только Брет и Хода, да и те были сейчас неведомо где...

Насколько было бы проще, если бы рядом оказалась Филия. Все-таки Скур, который не отходил от Гледы, вот и теперь он держится рядом, не тот, кому она могла бы пожаловаться на недомогание или, скорее, на ужасное самочувствие. Ей не хватало дыхания, к горлу подступала тошнота, всякий долетевший запах казался непереносимым, а кроме всего прочего зудело все тело и опухоль, кажется, подступала уже к подбородку. Порой ей казалось, что стоит закрыть глаза, как она неминуемо свалится с лошади. Вдобавок ко всему босые, пусть и в носках ноги, набили о стремяна язвы. С голеней ее между тем уже слезала кожа. Неужели она так же будет слезать и с лица?

– Нужна помощь? – с тревогой спросил Скур.

– Нет, – хотела сказать Гледа, но вместо этого повела подбородком, всякое произнесенное ею слово могло послужить причиной приступа рвоты. Чтобы отвлечь себя от боли и тошноты она попробовала вспоминать тех, с кем несколько недель назад проезжала по этой же дороге – Флита, Сопа, Вая, но перед глазами сразу встало лицо отца, и Гледа, прикусив губу, замотала головой.

– У тебя полоса... на шее, – сказал Скур.

– Я чувствую, – выдохнула Гледа и попросила. – Не так громко. Тише.

Что с ней творится? Колдун говорил негромко. Почти шептал. Отчего же каждое его слово, каждый произнесенный им звук словно бил ее по ушам?

Гледа снова посмотрела на Скура. Тот как будто постарел в последние часы. Складки легли на его лицо. Легли там, где еще недавно были заметны едва различимые морщины. Неужели из-за Мортэка? Скур-то ведь точно не мог не знать, кто присоединился к их отряду... Или это очевидно всем?

Гледа подняла голову. Впереди отряда по-прежнему держался молчаливый Ло Фенг. Хотела бы она забраться в голову эйконца и понять, о чем он думает, ведь каждый раз смотрит на нее так, словно она – Гледа – не просто старшая этого отряда, а неотвратимый рок, судьба самого Ло Фенга и приговор каждому, кто следует за ней к райдонскому монастырю, а по сути – в неизвестность. За ним правят лошадьми, разговаривая о чем-то, Стайн и Мортэк. Интересно, понял ли Стайн, кто едет в сторону родного Альбиуса рядом с ним или все еще считает его звонарем? Сопоставил одно с другим? Поверил в то, что именно Мортэк в облике ужасного жнеца появился у его дозорной башни и сотворил там то, что сотворил? Или этот Мортэк, в каком бы облике он ни оказался, всего лишь воин? Такой же, как и те фризы, что

покорно несли меха с чужой кровью, чтобы оросить ею опакумский менгир? Оросить кровью рабов и тут же пролить свою собственную кровь... А кто она, Гледа? Не такой же воин? Не для того ли и она идет в райдонский монастырь? Для того же. Чтобы оросить собственной кровью если и не менгир, то неведомый ей алтарь.

В глазах у Гледы все поплыло, но, морщась от звуков, запахов, боли в натертых ногах, прикосновений к ладоням поводьев, жжения на шее, зуда во всем теле, она оглянулась. За ними со Скуром следовал Ашман, а чуть дальше – сестрицы. Кажется, энс их не опасается. Или же причина его беспечности в том, что он не знает, с кем имеет дело? Едет, прислушивается к чему-то, на коротких стоянках просит тех же сестриц, чтобы они учили его берканским словам, а все остальное время не сводит взгляда с Гледы. Что он хочет рассмотреть? Ее уродство? Ее боль? Или наконец начал догадываться об ужасной начинке, что наполняет ее чрево? А сестрицы? Что светится у них в глазах? Презрение или сочувствие? Зачем они с нею? Для того, чтобы помочь, или они бегут за ней словно шакалы за израненным оленем, рассчитывая поживиться?

Гледа обернулась еще раз и столкнулась взглядом со светловолосым красавцем Ашманом. Его черная маска висела притороченной к седлу. Что-то Рит ведь рассказывала о разнице между энсами в черных масках и белых. Обмолвилась во всяком случае. Одно точно – таких, как Ашман, таких, как его погибший брат – меньшинство. Но значит ли это, что где-то, как говорила Филия, где-то в самом центре Терминума, в самом центре непроходимой Хели словно огромное яйцо покоится убежище для всех, кто, подобно Ашману, спасся из погибшего мира? И не значит ли это, что боль Ашмана, который потерял всё, больше боли Гледы, которая потеряла только самое дорогое?

– Что ты чувствуешь? – спросил Скур.

– Мне плохо, – сказала Гледа.

– А точнее? – не отставал колдун.

– Мне хочется умереть, – сказала Гледа и потрогала ведьмины кольца, которые она вплела в волосы на висках. – Меня выворачивает наизнанку. И я не сдерживаю тошноту, у меня просто нет на нее сил. У меня болит голова. Перед глазами все плывет. Жжет шею. Печет все тело от шеи до бедер. Я как будто одна огромная язва, над которой жужжат мухи! Ты понимаешь это?

– Еще раз, – мягко повторил Скур. – Что изменилось в твоём самочувствии за последние день или два?

– Тянет, – поморщилась Гледа. – Тянет живот. Что-то натягивает изнутри живот.

– А ну-ка, – сказал Скур, подал лошадь ближе к лошади Гледы, притерся ногой к ее ноге, наклонился и положил ладонь ей на живот. Лошади продолжали цокать копытами по камням, и Гледа вдруг почувствовала покой. Он как будто исходил из твердой руки колдуна.

– Что там? – спросила она, когда Скур выпрямился.

– Там маленькое существо, – ответил Скур. – Очень маленькое, но со всеми частями тела, которые положено ему иметь. И его... ее сердце уже бьется. Ты уже на конце второго месяца. Или даже на начале третьего. Скоро тебе будет полегче. Но не так, как становится легче обычным женщинам. Твое тело перестраивается. Но перестраивается по-другому.

– Я стану зверем? – растянула губы в улыбке Гледа.

– Нет, – покачал головой Скур. – Матерью. Но матерью особенной.

– Стать матерью, не будучи женой, – через силу хмыкнула Гледа. – Не познав плотской любви.

– Я мог бы соврать, что в плотской любви нет ничего особенного, – пожал плечами Скур. – Но не буду. В определенные моменты жизни она подобна чистому золоту. Но, не могу не отметить, что твоя девственность – это редкость для твоего возраста. В столицах королевств девицы куда как легкомысленнее. Хотя, в богатых домах случаются еще исключения из правил.

– Мне было не до легкомыслия, – ответила Гледа. – Наверное, просто не повезло споткнуться на ком-то. Или повезло не споткнуться.

– Мало кто мог показаться достойным на фоне твоего отца, – сказал Скур. – Девочки обычно все сравнивают с собственными близкими. Мальчики зачастую тоже.

– Может быть, – кивнула Гледа.

– Нам следует спешить, – заметил Скур. – Твой день равняется чуть ли не неделе обычного вынашивания. Я так понял, что ты собираешься побывать у себя дома?

– Если он еще есть у меня – мой дом, – ответила Гледа. – Я хотела переодеться, побыть в комнате матери. Хотя бы... час. Час у меня будет?

– Скорее всего, – кивнул Скур. – Но, насколько я понимаю, за день до Альбиуса мы не доберемся. Так что – все это уже завтра.

– А если... – Гледа усмехнулась. – Если этот ребенок... она будет расти в животе, пока я не лопну? Не разорвусь на части? Что тогда?

– Этого не случится, – твердо сказал Скур. – Если это существо решило пойти таким путем, значит, по его мнению – это единственный способ преодолеть магию, которая заключила его в ловушку. И это значит, что пусть быстрее, чем предусмотрено природой, но этот путь будет пройден так, как должен быть пройден. Когда плод разовьется в ребенка – ты его родишь естественным путем.

– И убью? – спросила Гледа.

– Поговори об этом с... Моркетом, – предложил Скур. – Отчего-то мне кажется, что он не лукавит. Впрочем, не поручусь. В любом случае, если он захочет завладеть ребенком или еще как-то проявить себя с этой стороны, сначала он начнет избавляться от нас. От твоих спутников. Так что – пока мы рядом, ты можешь ему верить. Но я думаю, что убивать ребенка нельзя.

– Почему? – спросила Гледа.

– Это тяжкий грех, – ответил Скур. – Тяжкий грех перед творцом, перед самим собой, перед всем сущим. Каким бы этот ребенок ни был.

– А что можно? – спросила Гледа.

– Нужно его... ее родить, – развел руками Скур. – Другого выбора я не вижу. А дальше... А дальше пусть решают те, кто мудрее нас. Или пусть решает твое сердце. Думаю, ты все поймешь сама. Но я бы посоветовал тебе подготовиться. Надо иметь обереги. Никогда нельзя забывать об оберегах.

– Иметь обереги? – не поняла Гледа.

– Словесные обереги, – негромко засмеялся Скур. – Или душевные, если угодно. Собственно, каждый из нас готовит их всю жизнь. Это то, что поддержит тебя в трудную минуту. И то, что остановит зло в ту же трудную минуту. Может быть, на секунду, но иногда и секунды достаточно, чтобы спастись...

– Зачем мне спастись? – спросила Гледа.

– Ты забыла, что сказал Мортек? – напомнил Скур. – Этот мир будет жив, пока жива ты. Не хочешь спасти себя, спаси всех остальных.

– Что это значит? – спросила Гледа. – Что благодаря мне этот мир получит отсрочку собственной гибели? Может быть, все же проткнуть этот живот, и пусть все начинается сначала? Казни, напасти, жатвы... В перерывах между ними тут вроде бы была вполне себе сносная жизнь.

– Перерывы все короче, а жизнь все невыносимей, – захихикал Скур. – Ты не спросила о существе этих оберегов. Так вот, запомни следующее. Я так понял, что ведьмины кольца Мортека спасают тебя от голоса этой твари, но вряд ли они спасают эту тварь, это существо от твоего голоса. Понимаешь, если оно встало на путь человеческого воспроизводства, решило избавиться от уготованной ловушки посредством твоего же чрева, это значит лишь то, что оно

пройдет этот путь полностью. Пусть и быстрее, чем это сделал бы обычный ребенок. Сначала оно станет несмышленным ребенком, потом подростком и, наверное, вполне себе обойдется без тебя, но хотя бы теперь, пока еще оно в тебе, ты можешь взаимодействовать с ним. Разве твоя мать не рассказывала, как она вынашивала тебя?

– При чем тут это? – не поняла Гледа.

– Она пела тебе песни, глядя свой живот? – спросил Скур.

– Да, – кивнула Гледа. – Пела песни, разговаривала со мной, рассказывала что-то. Даже придумала мне имя. Просила отца, чтобы он прикасался к ее животу и говорил со мной. Брата. Моего брата, не ее. Я, конечно, ничего этого не помню, но странным образом успела выучить некоторые песни, которые пела мама, хотя она никогда их больше не повторяла.

– Почему? – спросил Скур.

– У нее было больное сердце, – пожала плечами Гледа. – Некоторые песни, как она говорила, заставляли его сжиматься.

– Ты должна делать то же самое, – сказал Скур. – Гладить живот, петь песни, разговаривать, называть... ее по имени. Имя придется придумать.

– А если я... – Гледа сглотнула, – полюблю это дитя?

– Это было бы неплохо, – сказал Скур.

– Зачем мне любить чудовище? – спросила Гледа.

– Чтобы в тот миг, когда чудовище захочет тебя сожрать, оно бы задумалось, – объяснил Скур. – Хотя бы на секунду. Знаешь, любовь – это такая штука, о которую может споткнуться даже чудовище. Хотя, я бы не рассчитывал.

* * *

Сторожка и дозорная башня возле альбиусского менгира были сожжены. Ло Фенг придержал было лошадь, чтобы осмотреться, но Моркет махнул рукой вперед:

– Лучше как можно дальше проехать сегодня, чтобы завтра прибыть в Альбиус пораньше. Этот менгир больше не излечивает. Впрочем, он и раньше не больно-то помогал.

– А ты? – прищурился Ло Фенг. – Ты сам не можешь испытать его силы?

– Могу, – кивнул Моркет. – Но это будет равносильно присяге тем, кто продолжает эту кровавую смуту. Пока я этого не делаю, я невидим для них. Если я это сделаю, но не покорюсь им, они постараются меня уничтожить.

– У них есть для этого оружие? – спросил Ло Фенг, косясь на глевию Моркета.

– Оружия нет, – согласился Моркет. – Или я не знаю о нем. Но у некоторых из них есть сила, достаточная для этого. К тому же, если однажды это оружие появилось и было использовано в Опакуме, почему оно не может быть сделано снова?

– Неужели тебе не хочется вновь почувствовать всемогущество жнеца? – поинтересовался Скур.

– Что ты знаешь о всемогуществе, колдун? – помрачнел Моркет. – Или думаешь, что паруса, которые надуваются ветром, греют собственным величием? К тому же... Спроси хотя бы свою подопечную. Спроси Гледу, которой еще в Альбиусе я частенько любовался. Особенно, когда ее папенька выводил из казармы роту ее ровесников на утреннюю пробежку, и она всегда бежала среди них в первых рядах. Спроси, что случилось, когда я столкнулся с ней и ее отцом на площади у ратуши?

– И что же тогда случилось? – посмотрел на Гледу Скур.

– Ничего, – еле слышно выдохнула она.

– В том-то и дело, – сплюнул Моркет. – Ничего. А случиться должно было. И она, и ее отец должны были распластаться ниц передо мной! А они устояли. И я задумался, могу ли устоять я сам?

* * *

На том месте, где несколько недель назад лежала груда тел, и где Торну пришлось добить умирающую женщину, и где все еще были темными от крови и земля, и камни, Гледа придержала на несколько секунд коня. Почему-то ей показалось, что непоправимое Торн совершил именно здесь, не в Урсусе, не в Опакуме, не у ворот Альбиуса или еще где-то, а именно здесь. И, не снимая руки с живота, она попросила прощения за своего отца.

Деревня Гремячая, что начиналась за ближайшими скалами, была мертва дважды. Она лишилась не только жителей, но и домов, которые оказались сожжены. Стайн покачал головой, пробормотал что-то о том, что пока шла битва в Опакуме, королевство Одала вовсе не утонуло в благоденствии, и повернул на восточную дорогу, что вела к Альбиусу мимо Змеинового источника. Возле него, укрывшись за скалами неподалеку, отряд и встал на ночевку. Летние сумерки оказались поздними, но короткими. Гледа с трудом поела, села, привалившись спиной к нагревшемуся за день на солнце камню, и вытянула ноги. Возле нее присела и Андра. Фошта и Стайн встали в дозор ближе к дороге. Ло Фенг остался у костра. Скур и Ашман переговаривались о чем-то неподалеку. Моркет подошел, подмигнул Андре, которая положила руку на рукоять меча, присел напротив Гледы на корточки.

– Сколько тебе? Семнадцать?

– Что? – спросила она. – Рановато для того, чтобы становиться матерью?

– По мне так да, – серьезно ответил он. – Все-таки ответь мне, как ты устояла?

– Я отвечу, а потом окажется, что это единственное, что тебя интересует, – тихо засмеялась она. – Ты обратишься в Дорпхала, сделаешь нас зверьми и отправишься с поклоном к своему воеводе.

– У меня нет воеводы, – покачал головой Мортек. – И тот бог, что живет в тебе, не воевода мне. Теперь не воевода, хотя был им, была им, пока я не знал, что она собой представляет. Хотя она и может стереть меня в порошок. Она была воеводой для Чилдао. Та, правда, как-то вырвалась из-под ее руки. Но как и надолго ли – я не знаю. Как ты устояла?

– Я дочь своего отца и своей матери, – пожала она плечами. – Я не слишком интересовалась своими предками... Точнее, все откладывала это. Но... однажды мой отец попал в плену.

– На корабле? – спросил Мортек.

– Нет, – покачала она головой. – На острове.

– Тогда я знаю про этот случай, – ответил Мортек. – Лишь в одном месте пелена, что отделяет Терминум от остального мира, проходит по земле. Но там твоему отцу помогли. Кто-то дал ему силы. Кто-то из низших умбра. Из курро. Беглецов. Хотя твой отец все равно совершил невозможное.

– То, что ему помогли, говорит лишь о том, что не все умбра – мерзость, – сказала Гледа. – А может быть, даже большинство из них.

– Ты намекаешь на ту дюжину, что остановила жатву у тройного менгира семь сотен лет назад? – спросил Мортек.

– Не только, – с трудом произнесла Гледа, ей казалось, что гореть огнем у нее начинают уже и скулы. – А Амма? А... Бланс? А Карбаф? Святые боги! А Раск? Или... как его... Чирлан! Да и Чилдао...

– Скажи еще Зонг, – усмехнулся Мортек. – Амма, да и твоя недавняя подруга Рит должна была его знать под именем Оркан. Все так, Гледа. Но не могу не заметить, что те, кто остались – куда как ужаснее всех тобой перечисленных.

– И ты тоже? – спросила Гледа.

– И я тоже, – кивнул Мортек. – Кстати, Атраах, который по собственной дурости лишился жизни и воплощения в Опакуме, в человеческом облике был вполне себе приличным парнем. Слегка заносчивым, самолюбивым, но без хитрости внутри. Честным. Даже простоватым.

– Кому от это легче? – спросила Гледа.

– Никому, – засмеялся, разведя руками Мортек. – Но разве мы ищем легкости?

– Ты сказал, что самое страшное впереди, – выдохнула Гледа, помолчала и добавила. – А потом добавил, что и это будет еще не самое страшное. Самое страшное будет потом, еще позже. Что ты имел в виду?

– Это просто, – ответил Мортек. – Твой ребенок меняет тебя. Меняет твоё тело. Готовит тебя к родам, поскольку это не простые роды. Закаляет тебя. Делает из тебя кого-то вроде умбра. Чтобы ты добралась не до места, а до назначенного срока целой и невредимой. И когда я говорил о страшном, я имел в виду твою голову, твоё сердце. Это переносится тяжелее всего. Завтра тебе придется нелегко. Но я буду рядом. Хотя и не думаю, что моя помощь понадобится именно завтра.

– А что будет потом? – прищурилась, чувствуя, как у нее натягивается кожа на лице, Гледа.

– А потом она возьмется за твой дух, – ответил Мортек. – И тут я могу только предполагать, что будет. Я не знаю твоего нутра. Не знаю, как ты станешь бороться. И станешь ли. Может быть, ты поубиваешь всех своих спутников?

– Ты боишься? – спросила Гледа.

– Не тебя, – твердо сказал Мортек. – Меня-то ты точно не убьешь. Пока не убьешь.

– Умбра проходят такое же преобразование? – спросила Гледа.

– Некоторые, – ответил Мортек. – Те, которые получаются из людей. Но те, что пришли из пустоты, рано или поздно тоже обретают плоть, и без таких преобразований не обходятся. И, сразу скажу, некоторые не выдерживают.

– Гибнут? – спросила Гледа.

– Нет, – засмеялся Мортек. – Сходят с ума. Взять ту же Адну. Чем не образец безумия? Холодного, расчетливого, уверенного в себе безумия. Не хотел бы я встретиться с нею. Кстати, я думаю, что или в роду твоей матери, или в роду твоего отца все же был кто-то из умбра. Возможно, много поколений назад. Возможно, не чистый умбра. Это неважно. Не все передается с кровью. Есть еще и дух. А тот случай с пленой... Всего лишь подтвердил обретенную твоим родом много лет назад силу. Хотя, это всего лишь предположение. Может быть, дело в твоей матери. А отец лишь укрепил ее наследие. В тебе.

– Это мне больше нравится, – заметила Гледа.

– Как будет угодно, – поклонился девушке Мортек.

* * *

Утром Гледа поняла, что она ничего не видит. Лицо словно превратилось в засохшую маску. Скур вполголоса выругался, когда подошел к Гледе, и тут же стал смазывать ей кожу своим снадобьем. Мортек сказал лишь одно слово – «Терпи». А когда Гледа попросила воды и попыталась пить, губы ее треснули, и она почувствовала в воде кровь.

– Фошта, Андра, – подозвала она. – Я очень страшная?

– Нет, – ответил кто-то из них. – Не очень. Точнее, настолько страшная, что говорить об этом бессмысленно. То есть, это не твоё лицо, это что-то вроде навозного чехла. Но, судя по твоим стопам, все будет хорошо.

– Конечно, если ты выдержишь, – сказала вторая. – Мы, кстати, приспособили два куска сыромятной кожи, и сейчас примотаем их к твоим ступням. Думаем, твои язвы на подошвах от стремян – быстро заживут.

– Я даже лошадь не вижу, – сказала Гледа.

– Главное, чтобы лошадь видела дорогу, а ты не вывалилась из седла, – сказала одна из сестриц. – А теперь, давай-ка отойдем с тобой по нужде в ближайшие заросли. А то потом тебе точно будет не до этого. Впрочем, с твоим лицом можно наделать и в порты, это никого не удивит.

– Найдите платок и прикройте ей лицо, – подал голос Ло Фенг. – Хотя бы перед Альбиусом. Сойдет за вандилку. А то нас не пустят в город. Сочтут, что в нашем отряде прокаженная. «И не ошибутся», – подумала Гледа.

* * *

Что-то видеть Гледа начала только у альбиусской дозорной башни, той самой, возле которой отряд ее отца сразу после начала жатвы наткнулся на Стайна. Глаза Гледы все еще оставались узкими щелочками, хотя зуд от мази Скура немного утих, и девушка начала различать силуэты спутников. Стайн прыгнул с лошади, подошел к башне, какое-то время стучал сапогом по ее дверям, потом махнул рукой.

– Нет дозора. Время, видно, не то, чтобы еще и отдельные башни охранять. Все равно на дороге не было ни одного обоза. Правда, и энсов от самой Йеранской башни не попало, но оставлять тут дозорных все равно, что мясо в волчьем лесу разбрасывать. Надеюсь, что ворота Альбиуса не будут закрыты таким же образом.

– Лучше, если они будут закрыты так же, – подал голос Скур, – но откроются для нас. У нас есть все положенные ярлыки?

– Все, что нам нужно, король Хода оставил, – отозвался Ло Фенг.

– Лучше не показывать подорожные от короля Ходы, – заметил Моркет. – И не упоминать, что мы из Опакума.

– Предоставьте все это мне, – проворчал Стайн.

Старому воину и в самом деле удалось договориться со стражниками на воротах Альбиуса. Но не упоминать о гебонской крепости не получилось. Мало того, что Стайна узнали и долго расспрашивали о судьбе барона Стахета Вичти и об обороне Опакума, дозорные узнали и Моркета, над которым стали подшучивать, что руины ратуши уже разбирают, но работы городской звонарь все равно лишился, потому что колокол, упав с такой высоты, разлетелся на куски, и надо заказывать новый.

– Это не моя забота, – посмеивался Моркет, прислушиваясь к шуткам которого, Гледа поняла, что тот был завсегдатаем трактиров Альбиуса, и со многими из стражников не раз сиживал за одним столом. Получалось, что погибель города угнездилась в нем словно скрытая зараза за много лет до начала жатвы?

– А вон и Гледа, – услышала голос Стайна девушка. – Отец ее погиб при обороне Опакума, а ей пламенем лицо обожгло, но, может быть, боги смилостивятся, и раны сойдут без страшных шрамов. Кстати, что с ротой стрелков?

– Святые боги, – донесся ответ. – Жалко девку-то. Красавица ведь такая была, что не сыскать похожих. Ладно, если бы уродка, так нет же. Хоть и из портов не вылезала. Да и отец ее, и мать... Вот ведь – бывает же такое, что сразу весь род как под корень. У нее же вроде брат был? И он тоже... Твою же мать. И барон Вичти, дед ее, тоже преставился. И дом... Ну ладно. А насчет роты – нет ее больше. Немногих Торн увел, еще столько же в тот день, как ратуша обрушилась, погибло. А остальных забрала стража одалского короля. Детство кончилось, пора в королевскую гвардию. Один мальчишка остался. Ранили его у южных ворот, по голове обезумевший стражник алебардой засадил. Думали уж не выживет, но оклемался с неделю или две назад. Правда, памяти почти лишился и свихнулся слегка, но хоть своими ногами ходит и не под себя.

Стражники загоготали.

– Как зовут? – спросила Гледа, сдвигая платок и пытаясь рассмотреть небритые рожи, в которых под напускной веселостью продолжал жить ужас.

– Унг, – осекшись, ответил кто-то.

– Унг, – повторила Гледа и пожала плечами. Стрелок этот был неприметным. Единственное, чем он отличался от неудачников, которые в роте надолго не задерживались, так это тем, что пусть последним, но добегал всегда до назначенного места на дальних пробежках, неплохо держал в руках меч и старался вызубривать всякую науку. Последнее, правда, получалось у него неважно. Но он был из тех, кто никогда не сдавался. Почти всегда проигрывал, но никогда не сдавался. Зачем же ты, Унг, полез под алебарду?

– Поехали-поехали, – поторопил спутников Стайн.

Вот они и снова в Альбиусе. Гледа потеряла глаза, сорвала с бровей какую-то пленку, оглянулась. Знак врат, который горел на вратах несколько недель назад, исчез, но его след остался. Мортек поймал взгляд Гледы, с усмешкой развел руками.

– Куда теперь? – оглянулся на девушку Ло Фенг. – У нас мало времени. Не больше часа.

– Почему? – нахмурился Стайн.

– Я почувствовал дыхание судьбы, – ответил Ло Фенг. – В городе есть кто-то из моего клана.

– Бургомистра в городе пока нет, – почесал в затылке Стайн, – но в охране у временного наместника есть кое-кто с узким разрезом глаз, не сочти за обиду. Стражники о том только и судачат. Но она... женщина.

– Это не имеет значения, – ответил Ло Фенг. – У нас один час.

* * *

Они миновали рыночную площадь, на которой, как поняла Гледа, вновь шумел, пусть и вполголоса, рынок, хотя вместо ратуши теперь высились горы очищенного камня. Углубились в переулки, добрались до ворот дома Бренинов. Гледа спрыгнула с лошади, сначала постучала в створки, а потом потянула их на себя. Ворота были не заперты. Вот только дома за ними не было. Вместо него раскинулось пепелище.

– Ничего не осталось, – почти спокойно произнесла Гледа. – У меня ничего не осталось. Ни родных, ни дома... ни лица. А скоро не будет и меня самой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.